

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
им. Г. ИБРАГИМОВА

СЕРИЯ «ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ ТАТАРСКОГО НАРОДА»

Л.Х. Мухаметзянова

**ЭПИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР
ДАСТАНЫ**

Казань

2023

УДК 398.5(=512.145)

ББК 82.3(2=632.3)

М 92

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Книга подготовлена и издана в рамках государственной программы
«Сохранение национальной идентичности татарского народа»

Автор – доктор филологических наук, главный научный сотрудник
отдела народного творчества ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, доцент
Мухаметзянова Лилия Хатиповна

Научный редактор – доктор филологических наук, ведущий научный
сотрудник отдела народного творчества ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ
Давлетшина Лейла Хасановна

Рецензенты

доктор филологических наук, член-корреспондент АН РТ К.М. Миннуллин
доктор филологических наук, профессор Ф.З. Яхин

Мухаметзянова Л.Х.

М 92 Эпическая культура татар. Дастаны. – Казань: ИЯЛИ, 2023. –
120 с.: ил. – (Серия «Обычаи и традиции татарского народа»).
ISBN 978-5-93091-459-7

В издании представлено обобщенное изложение ключевых сведений об
эпическом творчестве татар (эпос-дастанах), о стиле, образах, сюжетах, мо-
тивах и рукописных списках некоторых популярных образцов жанра. Автор
рассматривает влияние тюркского эпоса и письменной культуры Древнего
Востока на формирование и развитие татарских эпос-дастанов, раскрывает
глубину и особенности их поэтики в аспекте выявления фундаментальных
основ эпической культуры татар. Научно-популярное исследование, предла-
гаемое читателям, охватывает архивные, а также опубликованные тексты та-
тароязычных эпос-дастанов в различных вариантах.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся культу-
рой и историей татарского народа.

УДК 398.5(=512.145)

ББК 82.3(2=632.3)

ISBN 978-5-93091-459-7

- © Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2023
- © Мухаметзянова Л. Х., 2023
- © Государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
«Казанский Кремль», иллюстрации, 2023
- © Государственный музей изобразительных
искусств Республики Татарстан, иллюстрации, 2023
- © Елабужский государственный историко-
архитектурный и художественный
музей-заповедник, иллюстрации, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель!

Книга, которую вы держите в руках, посвящена богатому и многообразному фольклорно-эпическому наследию татар, непосредственно связанному с исторической судьбой и мировоззрением народа. Во все времена национальное духовное наследие народа вносит большой вклад в общую сокровищницу мировой цивилизации, так как в нем отражены многовековые традиции, обряды, обычаи, жизненный уклад, повседневный быт.

Эпос-дастаны – объемные варьирующиеся произведения, изображающие жизнь народа в широком эпическом масштабе, именно поэтому из всего творческого наследия они считаются наиболее ценными. Формами бытования и своеобразием исполнения, сюжетным составом и поэтикой, функциями и характером татарский эпос опирается на общетюркские эпические традиции. В то же время большую роль в формировании татарских дастанов сыграла литературная традиция народов мира, особенно книжные сюжеты, распространенные на Востоке. Если в творчестве других народов больше сохранились специальные эпические каноны, импровизация и другие творческие факторы, то специфика татарских дастанов постепенно начала определяться книжной традицией. Дастаны, когда-то бытовавшие в устах народа, по прошествии времени фиксировались на бумаге, а затем снова возвращались в устную традицию или же продолжали жить в виде рукописных или печатных книг. В их повторном бытовании появляются лаконизм, присущий мифологическим рассказам и преданиям, трагизм, лежащий в основе баитов-баллад, приключенческий характер, свойственный сказкам.

Татарский народ и его предки уже в период Волжской Булгарии обладали письменностью на арабской графике, которая проникла в Среднее Поволжье вместе с исламом. Волжская Булгария славилась развитыми городами, ростом науки и торговли, а также широкой сетью школ-медресе. Высокого уровня достигла литературная традиция, в рамках которой была создана знаменитая письменная поэма-дастан Кул Гали «Кысса-и Юсуф». Татары стали достойными преемниками этой культуры, которая получила дальнейшее развитие уже в период Золотой Орды. В этот период письменная культура Поволжья благодаря своим известным писателям и литературным поэмам-дастанам поднялась на новую ступень. Именно в такой обстановке у татар воспитывалось и развивалось уважение и потребность

в письменном творчестве, которое достигло феноменального уровня. А это, в свою очередь, привело к ослаблению интереса к устно-импровизаторскому творчеству в просвещенных кругах. Именно этим объясняется развитие у татар, особенно у татар Среднего Поволжья, эпос-дастанов книжной разновидности.

Пережив период застоя после взятия Казани, татарская эпическая традиция вновь ожила и получила дальнейшее развитие уже в составе России. Судя по средневековому эпическому наследию, отцы и деды татар все больше и больше отдавали предпочтение письменной культуре. Этот фактор, естественно, способствовал тяготению татар к чтению и созданию дастанов в письменном виде.

Научно-популярное издание «Эпическая культура татар: дастаны» посвящено эпическим произведениям, выражающим особенности жизни татар и помогающим больше узнать о народе. Наряду с материальным наследием и величием высокой культуры прошлое народа представлено в письменном народном творчестве в лице эпических памятников. Ценностные ориентиры татар близки и понятны народам многонациональной России не только через материальную культуру, татарские эпос-дастаны также доносят историческую память, преемственность поколений, гордость за свое прошлое до наших дней. Являясь западным ареалом тюрко-мусульманского мира, татары стали посредниками в цепочке культурных импульсов, а татарские версии дастанов на известные некоторым другим народам сюжеты служили трансляторами мудрости и духовного опыта этноса. Словесное искусство народа и в первую очередь дастанный эпос – один из действенных способов познания национальной культуры, особенностей мировоззрения и мировосприятия татарского народа. Популяризация татарских дастанов дает основание для представления их как части мирового словесного искусства, письменной литературы в целом, и как своеобразное национальное явление, испытывающее безусловное влияние устремлений татар.

Название «дастан» содержательно менялось и теперь вбирает в себя много значений: эпические произведения, созданные как коллективное творчество; варианты произведений средневековой литературы, бытующие в устном исполнении; фольклоризированные произведения, когда-то претендовавшие на историческое повествование. Идеино-эстетическая ценность дастанов определяется их поэтическими особенностями и в первую очередь тесно связана с обязательным присутствием героики, показом богатейства. Татарские дастаны на протяжении веков прошли тернистый путь, пережили много изменений. Но они по сей день остаются жанром, сохранившим одновременно и архаику, и высокие идеи, и поэтическую красоту.

Первая глава книги называется «Дастаны – хранители традиций народа». В шести разделах данной главы автор рассказывает об особенностях, месте и роли татарских дастанов в системе фольклорных и литературных жанров, проводит параллели между дастанами, устно исполняемыми сказителями, и книжным эпосом татар, акцентирует внимание на роли письменной культуры в развитии татарских эпос-дастанов и их книжной разновидности, обращает внимание на ареалы распространения татарских дастанов.

Вторая глава издания «Дастаны в письменной эпической культуре татар: варианты, поэтика, фольклорные и литературные пласты» представляет научно-популярные сведения о татарских версиях некоторых дастанов. В семи разделах второй главы автор рассказывает об особенностях татарских вариантов таких памятников, как архаико-героический дастан «Туляк», историко-героический «Идегей», исторический дастан авантюристического характера «Кур углы», религиозно-героический «Кахарман Катил», романический дастан на любовную тематику «Тахир и Зухра» и «Лейля и Маджнун». Научное исследование популярных в народе дастанов основывается на широком спектре первичных источников письменного происхождения, хранящихся в фондах Центра письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ.

Надеемся, что книга, рассказывающая об особенностях эпической культуры татар, о глубокой традиции татарского книжного дастана, о взаимосвязи между национальным историко-культурным процессом и жанром дастана, о типах тюркских и татарских дастанов с примерами из образцов эпического творчества, о древнейших слоях жизни народа, изображенных в дастанах на героическую или любовную темы, о процессах жанровой трансформации и роли дастанов в общественной жизни укрепит осознание своей национальной принадлежности и будет способствовать развитию чувства гордости за героическое прошлое своих предков, вдохновит молодое поколение на достижение новых эпических высот.

*Лилия Мухаметзянова,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, доцент*

I. ДАСТАНЫ – ХРАНИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ НАРОДА

Татарский дастан и его главная особенность

Татарские эпос-дастаны – основной эпический жанр фольклорного и письменного наследия народа. Как известно, «дастан» – от персидского слова «рассказ» или «история», эпическое произведение в фольклоре или литературе многих народов, в том числе и татар. Есть литературные дастаны, они близки к жанру поэма в литературе и относятся к творчеству конкретного автора. Есть фольклорные дастаны и они, т.е. народные дастаны являясь синонимом жанра эпос в народном творчестве, бытуют варьированно. По форме распространения, стилю изложения и другим признакам фольклорные дастаны традиционно разделяют на устные и книжные дастаны.

Есть признаки, объединяющие и литературные, и устные, и книжные дастаны. В их основе лежат героические мифы и легенды; содержание ряда дастанов своими корнями восходит к глобальным историческим событиям, происходившим в жизни народа; сюжет дастанов также может охватить глубокие любовные и др. переживания героев. Дастан описывает героические, любовные, фантастические и авантюрные ситуации, в нём нередко представлен усложнённый сюжет, несколько гиперболлизированы события и идеализированы герои. На один и тот же сюжет может существовать и устный эпос-дастан, и книжный дастан, и литературная поэма.

Дастан – самый крупный эпический жанр в фольклоре тюркоязычных народов, в том числе татар. Он включает в себя произведения, воссоздающие этническую картину мира о прошлом в архаико-мифологическом, историко-героическом или романтическом планах и изображающие захватывающие истории, которые связаны с мистическими и природными силами, внешними и внутренними врагами, а также с любовными и иными драмами. Эпическая традиция татар имеет свою историю существования, которая обладает особыми чертами, но в то же время взаимосвязана и с мировым эпосом.

В дастане всегда имеется герой, которого в народе называют «батыром». Герои рождаются в ходе больших событий. Батыр – это мужественный боец, мужчина, который совершает необыкновенные подвиги, участвует в событиях, имеющих важное значение для народа. Такие герои борются за свободу страны, за счастье народа, за воплощение высоких идей, на пути борьбы вступают в противоречие либо со стихийными силами природы, либо с правителями, либо с отдельным человеком, либо с судьбой и обычно терпят поражение. Необыкновенно сильные духом

герои рождаются вследствие чудесного события (чудесное рождение), вырастают необыкновенно сильными, обретают хорошего коня и именное оружие (в героическом эпосе), отважно сражаются с врагами в целях защиты своей страны, народа, возлюбленной. Дастанные герои совершают великие дела. В дастане эпическая картина народной жизни изображается с нейтральных позиций.

Термин «дастан» используется в тюркском и восточном литературоведении для обозначения объемных классических средневековых литературных произведений, таких, как «Кысса-и Юсуф» Кул Гали, «Махаббатнамэ» Харазми, «Джумджума султан» Хисама Кятиба, «Сухаил и Гульдурсун» Сайфа Сараи, «Тухвай мардан» Мухаммадьера и т.д. В то же время в татарском народном творчестве существуют фольклорные дастаны, такие как древне-мифологические «Ииртюшлек», «Туляк» (или «Туляк и Сусылу»), «Туляк и Майсылу»), основанные на наиболее архаичном сюжете тюркского эпоса – сватовстве богатыря; героические дастаны «Ак Кубек», «Алпамыш», «Чура батыр», «Идегей» (в основном, варианты, записанные у сибирских татар, у астраханских татар), сюжет которых основан на событиях периода междоусобицы и распада татарской государственности, а герои – известные исторические личности: ханы, эмиры, военачальники; любовные дастаны «Кузы-Курпач и Баян-сылу», «Лейля и Маджнун, «Тахир и Зухра». Наиболее значительной по количеству является группа книжных дастанов – «Книга о Йусуфе», «Буз егет», «Сайфульмулюк», «Лейля и Меджнун», «Шахсенем и Гариб», «Тахир и Зухра», «Чура батыр», «Амет, сын Гайсы», «Кур углы», «Кахарман Катил», «Идегей» (вариант Наки Исанбета, Нигмата Хакима) и др. Основная часть татарских дастанов продолжает функционировать в репертуаре письменной культуры народа и одновременно поддерживает тесную связь с фольклором. Исходя из этого, в рамках народной эпической традиции татарский книжный дастан выделяется как специфическая разновидность эпоса.

Певцы-импровизаторы (чичан, сэсэн, жырау, акын, ашуг, жомакши, манасчи, олонхосут, кыссахан, кайчи, сказитель) были настоящими творцами, а не просто исполнителями. Певец запоминал не связный текст, а как бы сценарий, сюжетную канву, известную последовательность эпизодов и ситуаций, а также традиционные «общие места», эпические клише вроде богатырской скачки, описания битвы, похвалы оружию, коню, прощания героя с матерью, женой и т. п. Далее он, находясь в состоянии творческого подъема, создавал исполняемый им текст в процессе пения, варьировал его в соответствии с характером слушающей аудитории. В зависимости от звучания звуков исполнитель эпоса строил текст при помощи специального подбора слов. Взяв за основу сходство звуков, он добивался благозвучия и фонетической гармоничности своего выступ-

ления. Его творчеству сопутствовал музыкальный инструмент, обычно домбра. Подобное «живое» исполнение эпоса считается традиционным.

В традиционном «живом» эпосе, как правило, в относительно равном объеме участвуют и акциональность, и вербальность, и эпичность – как важные составляющие самого вида. В то же время имеет место и преобладание или отсутствие у того или иного народа одного из этих свойств. Так, например, даже общий для некоторых народов эпический сюжет не всегда выступает только в рамках устного народного творчества: под воздействием различных факторов формируется книжная разновидность эпоса, которая свидетельствует, в свою очередь, об особенностях эволюции творческого сознания этноса.

Творчество сказителя, доносящего эпос до народа – это одно из наследий дописьменной культуры. А записанный из уст сказителя текст – аутентично зафиксированное отражение эпического фольклора. Таковым в своей основе является эпос якутов, алтайцев, ногайцев, казахов, узбеков, каракалпаков, азербайджанцев, киргизов, туркмен, крымских и сибирских татар, башкир, хакасов, шорцев, а также бурятов, монголов и др. народов. И в наш век наблюдаются попытки восстановления отдельных архаичных традиций чичан-сказителей, по сей день живущих в генах некоторых народов. Речь идет о свободных от магии обрядах, практикуемых, например, у башкир и др. народов, которые создали у себя школы сказительства и систематически проводят специальные состязания народных певцов-сказителей, проходящие на правительственном уровне. Довольно стабильное сохранение самых архаичных форм исполнения эпоса – это, возможно, результат долгого проживания в условиях кочевой жизни, сравнительно позднего перехода к земледелию, к городской культуре и письменной литературе, иногда и отдаленности от основного тюркского мира, находящегося под влиянием мусульманской культуры, которая интенсивно пропагандировала образованность и, следовательно, письменную культуру, что со временем вытесняло речитативное декламирование объемных текстов, создавая все условия для их письменного воплощения.

В современном эпосоведении вся масса известных памятников по их принадлежности либо к живой («устной») фольклорной традиции, либо к традиции книжной, письменной довольно строго подразделяется на две группы. Различия между теми и другими имеют принципиальный, качественный характер.

Традиционный тюркский эпос использовался в контексте определенного издревле известного обряда или случая. Например, известно исполнение «Манаса» и «Кобланды» перед киргизами и казахами, уходящими в поход, исполнение эпоса тувинцами и хакасами перед охотниками рода и племени в тайге и т.д. Что касается творчества поволжских татар, нель-

зя не заметить то, что с давних времен у них наблюдается отделенность эпоса от обрядов. Напевное исполнение большого произведения перед народом в связи с каким-либо обрядом или крупным событием у казанских татар не практиковалось. Если обратиться к истории, во время подготовки к обороне Казани, например, нигде документально не зафиксировано напевное исполнение эпос-дастанов чичанами-сказителями. В связи с этими событиями, основываясь на сведениях историков, мы знаем, что в то время здесь было принято лишь играть музыку без словесного сопровождения. Этот факт напоминает о том, что уже в начале XVI века у казанских татар не пользовалась популярностью устная разновидность эпоса, хотя традиция устного исполнения дастана (оно может быть фабульного характера или же в форме исполнения дастанной песни или хушавазы и т.д.) не искоренилась у татар и по сегодняшний день.

Казанские татары – продолжатели традиций, сформировавшихся в Волжской Булгарии, позднее окрепших в составе Золотой Орды, затем Казанского ханства. В их быту, культуре достижения оседлых предшественников, разумеется, дали свои результаты. Традиции древних тюрков, попав на благодатную почву, успешно продолжали естественное развитие, так как для этого была крепкая основа, передающаяся из поколения в поколение, готовность, мастерство, способности и положительные влияния. Условия жизни привели к качественной трансформации фольклорных традиций, восходящих к общетюркской культуре, у татар.

Формирование и закрепление книжной формы дастана в творчестве татар Поволжья является логическим продолжением письменных литературно-культурных процессов в целом. Условия оседлой жизни и широкая сеть школ-медресе обеспечили возможность письменного творчества, переписывания и распространения объемных текстов. Поощряющий грамотность и внедряющий уважение к книге ислам также оказал решающее влияние на эпическое творчество, способствуя распространению в сфере духовной культуры и быта народа книжной разновидности эпоса.

Бесспорно, дастан, обладающий определенной эстетикой, стихотворным исполнением, большим объемом, несущий в себе ту или иную идею, мог завоевать лишь подготовленную аудиторию и образованных читателей. Этот факт также не мог не повлиять на то, что предпочтение все более стало отдаваться письменно-книжному творчеству в эпосе, хотя при этом не забывались и фольклорные традиции. Есть случаи, когда характерный для эпоса кочевых тюрков речитатив, в книжных дастанах выполняет свои прежние функции: стихотворная часть эпического текста напевно декламируется на дутаре и домбре. В некоторых редких источниках можно встретить обычай устного наговаривания кратких отрывков

(сарына, тулгау, эпической песни героя, назым и др.) из крупных произведений.

Книжные дастаны татарского народа являются не просто старинными татароязычными рукописями устно-поэтического творчества, но и определенным звеном в развитии эпоса, а также литературы и фольклора в целом, и легко вписываются в категорию «книжный эпос» в мировом фольклоре. В силу историко-культурных особенностей возникновения, функционирования, эволюции и трансформации татарский книжный эпос выступает связующим звеном между словесным (традиционным) эпосом и татарской письменной культурой в целом.

В ряду книжных дастанов можем назвать «Туляк китабы», «Буз егет», «Идегей», «Тахир-Зухра кыссасы», «Лейля-Маджнун», «Сайфульмулюк», «Хикаят о Нарыке и Чура-батыре», «Кахарман китабы» или «Кахарман Катил», «Кур углы», «Кыссаи Сякам», «Гыйса улы Абат» и др., которые распространены в народе в различных самостоятельных вариантах. Книжные дастаны татар представлены в виде рукописей или письменных изданий; своеобразно сохранив черты, характерные для произведений народного эпического творчества, в процессе переписывания они были подвергнуты просвещенными личностями некоторой переработке.

В отличие от «живого» устно-музыкального эпоса, эпические памятники, относящиеся к такой разновидности жанра, в полном объеме не исполнялись сказителями перед народом и не были записаны из уст как устные сказания, хотя поддерживали разносторонние связи с фольклором. Например, произведения на общеизвестные сюжеты, посвященные истории любви двух влюбленных, среди татар бытовали и в устной, и в письменной форме («Тахир и Зухра», «Лейля и Маджнун», «Йосыф китабы»). Среди книжных дастанов татар есть и осознанно переведенные конкретным автором в книжную форму, например «Идегей» в варианте Н.И. Исанбета. Есть напрямую проникшие в татарскую культуру из письменных источников и распространенные исключительно письменно в нескольких вариантах дастаны («Буз егет», «Кыссаи Сякам», «Кахарман Катил», «Гыйса улы Абат»).

Следует указать две основные темы книжных дастанов татарского народа: эпос героический, который стадияльно вбирает в себя архаико-героические, историко-героические и религиозно-героические произведения, и социально-бытовой эпос романического характера, посвященный любовно-романтическим событиям.

Здесь следует особо отметить, что именно ислам совершил огромный переворот в жизни и культуре татар. Как известно, арабский язык, арабо-персидская литература оказали сильное влияние на образ жизни, культуру, мировоззрение, в том числе и на литературу, а также фольклор татар.

Бытует мнение о том, что духовная сила, вдохновляющая поэзию и музыку у народов, исповедующих ислам, идёт от распевания и пересказа Корана. Другими словами, народы с древней культурой, принимая ислам, еще более усовершенствовали свою письменную культуру, в том числе и окончательное формирование книжных дастанов как жанра также происходило под влиянием эстетики ислама.

У татарского книжного дастана есть два источника: тюркские эпические традиции и литература Древнего Востока. Эпические сюжеты татарский народ воспринимал из фольклора и литературы Древнего Востока, общетюркского эпического фольклора и вносил в них свои изменения. В результате возник удивительный локальный пласт, хронологически восходящий к глубоким корням, географически охватывающий неиссякаемое эпическое творчество и литературное наследие многих народов, связанных с татарами.

Татарский книжный дастан в первую очередь ценен в качестве стихотворно-изобразительной энциклопедии жизни народа как обобщенная картина жизни предков. Эпизоды сюжета, образ мысли, стиль и язык татарских дастанов идут и от народа, и от книжной традиции, предлагают жанр эпоса в новой комбинации и в своеобразном миропонимании. Популярность книжных дастанов в свое время заключалась в какой-то мере в отстранении народа от непосредственного изображения картин жизни того времени. Используя письменный эпический фольклор, обращаясь к готовому, издавна распространенному в народе сюжету, создавая и распространяя дастаны в новых вариантах, народ утолял жажду в литературном творчестве. Необыкновенная востребованность книжных дастанов у татар на определенном историческом этапе привела к широкому распространению в народе произведений такого рода. Но главная причина живучести книжных дастанов состоит в том, что потребность народа была направлена именно к такому виду творчества как старинному и верному средству для воплощения и передачи своих творческих фантазий, эмоций, а главное – идей.

На жизнь татар дастаны оказали огромное влияние, поднимая на новую ступень искусство книги и культуру книги, участвовали в развитии просвещения, исполняли роль общего культурного фактора в духовной жизни народа. По сохранным кодам в книжных эпос-дастанах татар так же, как и в «живом» исполнении, можно установить эволюционирующие признаки мифологического сознания этноса. Выдвинутая проблема не может быть решена без привлечения и исследования каждого дастанного текста, каждого варианта татарской версии на тот или иной эпический сюжет в отдельности; без тщательного изучения истории культуры определенного периода, этнографии народа в целом. Главное для

правильного понимания особенностей любого национального эпоса – это обоснованная интерпретация его идейно-художественного содержания, а также истолкование формы и путей передачи из поколения в поколения, ибо речь идет о материале, который мало известен не только широкому кругу, но и узкому кругу специалистов.

От Поволжья до Сибири...

Как известно, татары являются одним из самых широко расселенных народов России. Территория их проживания охватывает европейскую часть страны, Волго-Уральский регион, Сибирь и Дальний Восток. Многие регионы являются местами формирования татарского этноса, его исторической родиной. Некоторые территории были освоены представителями нации в результате миграции. Крупные исторические события в истории татар происходили на протяжении многих веков, именно они привели к большому расселению населения по разным территориям. За миграцией в разные периоды следовало слияние культур разных этнотерриториальных групп татар, что привело в свою очередь к интеграции эпической культуры.

В то же время территориальная, географическая разобщенность татар способствовала историческому формированию и развитию у разных этнических групп, компактно проживающих на разных территориях, тех или иных культурных традиций. Этот многовековой процесс на примере развития татарского эпоса прослеживается очень хорошо. В то время, когда татары Поволжья отдавали предпочтение книжной разновидности, татары, проживающие на просторах Сибири или же в Астраханской области, сказывали устные дастаны. Это неопровержимый факт, представляющий жанр эпоса в различных его разновидностях у одного и того же народа. Сравнительная активность у сибирских или астраханских татар искусства сказительства в жанре дастан и использование народных приемов в создании и распространении эпоса, возможно, связано с влиянием эпических традиций, более стабильно сохранных у северных народов – алтайцев, шорцев, якутов, тувинцев, хакасов, бурятов и др., а также у киргизов, казахов, башкир.

В фольклоре ряда восточных и тюркоязычных народов эпос или дастан издавна играл роль катализатора и кода-определителя, отражающего уровень развития эпического фольклора. В целом эпос – очень сложное явление, которое изменяется и формируется одновременно с процессом формирования народов и государств. Устно исполняемые дастаны считаются жанром, играющим роль этнического кода. Для такого дастана характерно единство эпического текста и декламационно-напевное исполнение. Устные дастаны, прежде всего, были широко распространены и сохранились у таких этнотерриториальных групп татар, как сибирские и

астраханские. Зафиксированные из уст сибирско-татарских сказителей, например, «Алпамыш», «Кузы-Курпяч и Баянсылу», «Йиртюшлек», отдельные устные варианты «Идегея» и других дастанов стали достоянием общетюркского фольклора.

Татарский народ по праву гордится своими дастанами. Татарский эпос-дастан – это эпический памятник, распространенный в нескольких вариантах, соизмеримый с моделью живого эпоса, выдержанный в духе традиционных тюркских эпос-дастанов, но в то же время тесно связанный с письменной культурой и испытавший авторское влияние, распространенный среди татар, проживающих на огромных территориях Российской Федерации и даже за рубежом.

Эпическая традиция каждого народа имеет свою историю существования, которая обладает национальными чертами, но в то же время взаимосвязана и с мировым художественным процессом. Эта традиция выступает основой как для эволюции различных жанров устного народного творчества, так и для формирования письменной литературы вообще. Поэтому «общее» и «особенное» в словесном искусстве татарского народа, равно как и других народов, начиная от истоков и во взаимосвязи фольклора и художественной литературы, является одним из действенных способов познания национальной культуры, особенностей национального мировоззрения и мировосприятия.

В традиционном «живом» эпосе, как правило, в относительно равном объеме участвуют и акциональность, и вербальность, и эпический текст – как важные составляющие самого жанра. В то же время имеет место и преобладание или отсутствие у того или иного народа одного из этих свойств. Так, например, даже общий для некоторых народов эпический сюжет не всегда выступает только в рамках устного народного творчества: под воздействием различных факторов формируется книжная разновидность эпоса, которая свидетельствует, в свою очередь, об особенностях эволюции творческого сознания этноса.

Письменные эпические памятники, являющиеся значимой составляющей эпического наследия татар, – это творчество, находящееся на стыке литературы и фольклора. История знает и разлады, и столкновения, и противоборство этих двух художественных и идейных систем. Вместе с тем, общеизвестна роль фольклора в формировании художественной литературы, а также все чаще рассматриваются механизмы возникновения новых явлений в устном народном творчестве под влиянием литературы.

Такая особенность жанра, в первую очередь, характерна для творчества казанских, т.е. относящихся к поволжско-приуральской субэтнической группе, татар. Но татары сейчас живут в большинстве регионов

России. Постоянная миграция татар, особенно поволжско-приуральских, привела к увеличению мест компактного проживания татарского населения в России и мире. На разных исторических этапах состоялась массовая миграция татар из Волго-Уральского региона в другие части России, Кавказа. Начиная с завоевания татарских ханств до начала XX в. поволжско-приуральские татары стали заметной составной частью татарского населения Астраханского края и Западной Сибири. По мере расселения татар из центральных районов Казанского ханства под казанскими татарами начали понимать более широкую общность. Значительные изменения в территориальном расселении татар отразились и в распространении книжной разновидности эпоса, характерной для поволжско-приуральской группы татар. Продолжительные миграционные процессы народа, расселение на больших пространствах России и этнокультурные взаимосвязи оказывали прямое воздействие на развитие и распространение книжных дастанов.

Именно поэтому здесь следует учесть, что употребление термина «поволжские татары», «татары Поволжья» или же «казанские татары» весьма условное, оно никак не ограничивает ареал бытования татарских книжных и иных разновидностей дастанов лишь территорией Поволжья и Приуралья или же отношением жанра только к казанским татарам. Не исключается причастность дастанного наследия, особенно позднего периода, всему татарскому населению вне зависимости от территории проживания и названия или самоназвания этнических групп, а также теорий происхождения татар (булгаро-татарская, монголо-татарская и тюрко-татарская теории). С расселением носителей той или иной культуры на другие территории потенциал данной культуры имеет тенденцию к смещению и расширению, и она становится все более общедоступной для населения, имеющего родственную языковую близость.

Особое внимание к данной разновидности эпоса очень важно в плане определения специфики функционирования и эволюции художественных образов, мотивов и стиля, составляющих историческую память жанра, восходящих к ранним контактно-родственным взаимосвязям и, вместе с тем, находящих отражение и в современных тенденциях развития национальной литературы и фольклора. Эволюция и трансформация татарских эпос-дастанов в свою очередь связаны с историко-культурным опытом этноса, со своеобразием его мышления. Татарские дастаны – часть мирового словесного искусства, письменной литературы в целом, своеобразное национальное явление, испытывающее безусловное влияние этнических устремлений самого народа.

Татарские книжные дастаны являются своеобразным сплавом письменно-литературного и фольклорного начал: в системе устного

народного творчества считаются эпическими текстами, усвоившими литературно-эстетические достижения, и выступают как оригинальные авторские произведения, созданные в соответствии с эпическими канонами фольклора, уходящего в глубину веков. Как своеобразная литературованная форма народного эпоса, они свидетельствуют о тесном творческом контакте средневековой татарской литературы и эпического фольклора.

В отличие от «живого» исполнения эпоса перед народной аудиторией, катализатором формирования татарских книжных дастанов выступает письменная культура. У татар главную роль в этом вопросе играли стремление к образованию, к книге, уважение к печатному слову. Условия оседлой жизни обеспечили возможность развития письменного творчества, переписывания и распространения объемных текстов. Поощряющий, пропагандирующий и последовательно внедряющий грамотность и книжную традицию ислам также оказал решающее влияние, способствуя распространению в сфере духовной культуры и быта народа книжной разновидности жанра.

Книжный эпос – это эпический текст в индивидуально-литературной обработке и систематизации с учетом фольклорной эпической традиции, специфики его содержания, формы, сюжета, стиля, поэтики, а также закономерностей возникновения, становления и развития эпического фольклора вообще, созданный в условиях письменной культуры просвещенными людьми, умеющими искусно совмещать каноны народного эпоса с письменными стилевыми и поэтическими особенностями или же по-своему перерабатывать некоторые известные сюжеты.

Большинство татарских дастанов исторически зафиксировано в рукописях и печатных изданиях, и это является самым характерным способом существования и эволюции жанра в этническом социокультурном пространстве. Участие индивидуально-авторского начала усиливает те или иные жанровые компоненты, либо активизирует не свойственные данному жанру или свойственные ему в малой степени элементы.

Художественно-эстетическая особенность каждого отдельно взятого текста книжного дастана зависит от уровня присутствия литературно-письменных начал. Если в одних дастанах доминирует фольклорный пласт, то в других рельефно выделяется литературная основа, если одни сохранились лишь в рукописях, большинство же функционировали в форме напевного книжного чтения, переписчик стал входить в роль автора или же выступал как соавтор. У дастана «Тахир и Зухра», например, множество вариантов как «авторских», так и «неавторских». Но многовариантность сюжета, а также различия, проявляющиеся в языке, стиле, мотивах, многочисленные устно функционирующие фрагменты из того или

инового варианта дастана – все это накладывает свой отпечаток на поэтику книжного дастана.

Итак, ареал распространения татарских эпос-дастанов, его книжной разновидности в том числе, довольно широкий. Рукописи вариантов дастанов на известные сюжеты до сих пор находятся во время экспедиций во всех регионах, где проживает татарское население. Исторически получилось так, что татары испокон веков проживают на всей территории Евразии. Располагаясь дисперсно, эпическая культура татар формировалась и развивалась под взаимовлиянием других культур и цивилизаций. В этом есть и преимущество жанра дастан татарского народа. Если в Поволжье больше всего дастаны встречаются в письменной форме, то в Сибири, в Астраханской области, например, среди татар стабильнее сохранилось его устное исполнение. В местах компактного проживания татар на сегодняшний день часто встречается исполнение дастанных песен, хушавазов, что также следует оценить как отголосок эпос-дастанов и дастанных традиций.

Татары, проживающие на разных территориях Российской Федерации, имеют глубокие единые исторические связи, которые не могли не отразиться в народном творчестве и, прежде всего, в эпос-дастанах. Самый важный показатель национальной почвы татарских дастанов – язык, и он во всех рукописях представляет собой смешанный тюрки с огузско-кипчакскими элементами, и такой язык был характерен для языковой среды не только казанских татар, но и татар, проживающих в Западной Сибири и всего Урало-Поволжья, Астраханской, Самарской и др. областях и республиках в том числе. Наличие общих явлений в языке, местах действия, стиле, сюжетах, образах, мотивах в татарских вариантах дастанов, распространенных у разных этнотерриториальных групп одного и того же народа, позволяет говорить в целом о присутствии единой эпической культуры для всех татар.

Сказитель дастанов или образ переписчика эпоса-дастана?

Поэтическая система татарских книжных дастанов вырастает на путях перекодировки широко разработанных предшествующей традицией сюжетов и мотивов, системы образов, механизмов стихосложения и т.д. в свете актуальных для этнического сообщества в определенном историческом периоде идей и эстетических концепций.

Жанр дастана в народном творчестве, обладающий солидным объемом, эпичностью, художественным совершенством – область, требующая к себе особого внимания. Народные дастаны это возвышенный жанр, который, начиная с древнейших времен, оказывал влияние на творчество

поэтов и прозаиков, стал стимулом для формирования классических литературных канонов и традиций. Этот жанр также тесно связан с философскими и религиозными воззрениями народа, эволюцией социальных и правовых доктрин.

Содержание ряда татарских дастанов своими корнями восходит к глобальным историческим событиям. Если рассмотреть дифференцированно, в его основе лежит сказочно-мифологическая, историко-героическая и религиозно-мистическая, а порой и эмоционально-любовная интрига, где интересные, поучительные с точки зрения народной массы факты повествуются эпически.

Дастаны заняли особо прочное и обширное место в репертуаре татарских сказителей. По отношению к так называемым книжным дастанам сам народ редко использует это слово. Информант-сказитель не придает значения их жанру, обычно называя эти произведения по именам главных героев. Дастаны представляют собой результаты переработки некоторых образцов классической поэзии эпическими певцами в свойственной фольклору манере. Зависимость таких дастанов от письменной литературы, воздействие которой легко заметно, и вызвало к жизни определение «книжные дастаны». Более полно сохраняя в памяти народа замечательные происшествия своей эпохи, книжные дастаны в совокупности составляют нечто целое. В них – полная картина прошедшей исторической и духовной жизни народа. Дастаны дают возможность к пополнению известных исторических данных и к определению их происхождения.

Несомненно, неопределима роль носителей живой эпической традиции народа в создании, сохранении, популяризации национального эпоса и вместе с тем донесении исторических и иных сведений до наших дней. Исполняющий олонхо олонхосут, например, завораживает своим мастерством, исключительной памятью, искусным обладанием сложной схемой сюжетного развития олонхо, «эпической широтой дыхания», своим пением истинно фольклорного текста и т.д.

Но образ переписчика эпоса-дастана интересен по-своему. В глубине души он такой же сказитель, только письменный. Описанные ими герои – искусные певцы, эпизоды глубоко пронизаны фольклорными мотивами, сам переписчик занимает промежуточное положение между певцом-творцом и его произведением. Варьирование произведений, относящихся к категории книжного дастана, и их фольклорная сущность, совершенство эпического текста во многих случаях связаны с творческими возможностями, а также и знанием, грамотностью, умением ощущать фольклор переписчика. Качество книжного дастана как эпического текста напрямую зависит от умений автора-переписчика, который должен эмоционально

чувствовать связь произведения с вековыми традициями народа. Только тогда текст приобретет вид исконно народного дастана.

Народ не придавал значения тому, чтобы как-то назвать подобных творцов, поэтому применение конкретного слова с тождественным значением у татар крайне пассивное, специального термина для творца эпос-дастана не существует. Некоторые записи имеют настоящее имя «автора», а некоторые об этом молчат. О грамоте, познаниях переписчика-творца можно догадаться только по его сохранным в письменном виде творениям – рукописи.

В большинстве случаев творения переписчиков дастана были предназначены для коллективных читателей, точнее, отличающиеся своей популярностью сюжеты, такие как дастаны о Юсуфе, о Тахире и Зухре, о Туляке читались вслух домашними чтецами или любителями-рассказчиками перед определенной аудиторией. У поволжских татар те, кто доводит дастан в устной форме, часто напевно читали стихотворную часть либо исполняли песнь героя. Мы не можем утверждать, что у поволжских татар получило развитие творчество чичан, в традициях которых было декламирование эпоса на протяжении месяцев, и репертуар которых включал крупные дастаны. Это подтверждают включенные в сборник «Татар халык ижаты. Дастаннар»¹ («Татарское народное творчество. Дастаны») тексты сказаний среднего и небольшого объема, а также образцы записанных у информантов мелодий таких эпических песен, как «Алыпмамшан», «Кузы-Курпяч», «Сайфульмулюк», «Книга о Юсуфе», «Песнь Тахира», «Буз егет» и др., записанных у информантов. Такие памятники представляют собой короткий текст рифмованной ритмической или же прозаической речи фабульного характера, очень часто имеющий много общего с более объемным и совершенным книжным вариантом на этот же сюжет. О татарских чтецах до нас дошли скудные сведения: о том, что «такой-то информант стихотворные части такого-то дастана рассказывает с напевом» или же о том, что он или она «эпические песни из известного дастана исполняет устно». Такие факты говорят о том, что книжным дастанам не совсем чуждо музыкальное исполнение, присущее тюркским и нетюркским народам. И у татар, конечно же, была традиция исполнения стихотворной части некоторых дастанов под дутар, домбру. Однако, эта традиция никак не может претендовать на конкуренцию с настоящим живым исполнением текста, например, как у якутов или же более ранним слоем эпоса одной этнической группы татарского народа – сибирских татар и др. Для духовной жизни и психологии татар, воспитанных на традициях письменной культуры, более приемлемы были книжные дастаны, рассчитанные на восприятие через чтение, нежели исполняемый сказителем устный эпос. Известные в тюркском и нетюркском

¹ Татар халык ижаты. Дастаннар / томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәрмәләрне язучы Ф.В. Әхмәтова. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. Б. 376–383.

мире эпические сюжеты, переключаясь в нашу местность и приобретая книжную форму, переживали еще одну жизнь, распространившись в форме книжных дастанов. Книжным дастанам татарского народа несомненно посчастливилось – по сравнению с устно-традиционным и не записанным эпосом их судьба отраднее, так как они в виде многочисленных рукописей и печатных книг живут и поныне.

В книжных дастанах татар чичан не выделяется перед аудиторией ни как автор-импровизатор, ни как исполнитель своего произведения. Зачастую в них автор вовсе не указывается и в его роли практически выступает переписчик, переработчик дастана, он же является и создателем того или иного варианта дастана на известный сюжет. А функцию донесения текста книжного дастана до окружающих или публики брали на себя читатели-любители и умельцы книжного напевного чтения из народной среды. Развитие дастанного эпоса у поволжских татар совершенно по другому пути внесло свои существенные изменения и в образ информанта. В книжных дастанах роль носителя эпической традиции народа, слегка перешагнув устно-исполнительскую функцию, приобрела иную форму.

Как найти границу между книжной и устной традицией в эпосе?

Между устно исполняемым и книжным дастаном сложно проводить четкую границу. В результате усиления индивидуального творческого начала в книжный дастан проникли не свойственные для эпоса чуждые элементы, книжные персонажи, их дела и поступки, книжные переработки, общий традиционный народный стиль также испытал серьезные изменения. Но в целом татарский книжный дастан – не полностью самостоятельный жанр, отличающийся от народного дастана. Самые главные признаки народного дастана в той или иной степени легли в основу книжного дастана, в случае каждого конкретного дастана они имеют свои различия.

Традиционный народный дастан наряду с увлекательным или потрясающим сюжетом обладал и образным языком, характерным для фольклора. Книжные дастаны имеют прозаический, смешанный и стихотворный текст, но фактором, поднимающим их на должную высоту и обеспечивающим распространение в народе, в большинстве случаев является именно язык произведения. Как правило, язык наших книжных дастанов достаточно сложный, это объясняется высоким эпическим стилем, характерным для высших слоев общества. Здесь мы видим много «новшеств», таких как пестрота от смешения в стихотворной системе народных традиций с книжными элементами, замена силлабики арузом, стремление в содержании к литературной свободе. Они и являются следствием того, что

татарские дастаны основаны не на устном, а на письменном исполнении. Здесь довольно большую роль играют взаимоотношения индивидуального и фольклорного начал, а также уровень трансформации от ритуально-обрядовой функции к функции эстетической. Для того чтобы поднять сюжет на уровень народного дастана, требовались силы и старание талантливого поэта, поэтому есть случаи, когда некоторые дастаны становились «авторскими».

В дастанах рассматриваемой категории книжная речь гармонично сочетается с фольклорными канонами. В них индивидуальность всегда подчинена социально-типическому в сюжете и мотивах произведения. Татарский книжный дастан своей темой, сюжетом, мотивами, идеей, художественным исполнением, типологией, образом существования и распространения опирается на общетюркский эпос, основанный на национальных традициях, в то же время и на общетюркский пласт древней и средневековой литературы и фольклор. Такого рода эпос у нас формировался на протяжении веков под влиянием письменной культуры и ислама. Полное или частичное отстранение произведения от музыкального исполнения, принадлежность ко вторичному тексту, утратившему не связанные со словом элементы, отделяют книжный дастан от традиционного вида жанра.

В этой разновидности жанра стиль, характерный для народного стиха, смешивается с книжным, ограниченность, свойственная народному дастану, дополняется книжными мотивами. Здесь силлабику, например, заменяет книжный стих, т. е. классическая стихотворная система стихосложения – аруз. Известно, что тюркский аруз – это метрическая система, использованная в древней письменной поэзии в соответствии с канонами арабо-персидского квантативного стихосложения. Дастанов, состоящих сплошь из стихотворных текстов, являющихся первым признаком архаичности, у нас мало, если и есть, то в стилевом отношении они испытали индивидуальные изменения. В книжных дастанах часто находилось место и философскому духу, идейно-эстетическим тонкостям, характерным для классических произведений.

Книжный дастан – понятие многозначное. В целом в жанре эпоса татарского народа письменные дастаны, несомненно, имеют преимущества. Но наличие в народе наряду с письменными вариантами на один и тот же сюжет еще и устных вариантов говорит о том, что книжные дастаны включают в себя не только письменные дастаны. Такие варианты, произносимые среди татар устно или напевно, т. е. сохранившиеся как первоначальный текст в устном творчестве, выполняют функции придаточных вариантов крупных произведений, входящих в категорию книжных дастанов, обеспечивая обратную связь книжных дастанов на аналогичный сюжет с фольклором.

Подобные устные варианты произведения присущи только для некоторых дастанов, которые в плане географии распространения и популярности достаточно ограничены. У поволжских татар такие формы есть у дастанов на сюжет «Кысса-и Юсуф», «Тахир и Зухра», «Сайфулмулюк» или «Буз егет», «Алпамыш». Несмотря на устный характер, сравнение таких вариантов с крупными, воспроизведенными сказителями «живыми» дастанами, художественно себя не оправдывает. Такие варианты дастанного эпоса поволжских татар сводятся к пересказу содержания известного письменного дастана либо к напевному пересказу основных событий какой-либо его части или вообще перешли за рамки жанра эпос и преобрели черты другого жанра, чаще всего сказки или предания. Важно отметить и то, что каждый устный вариант, как правило, есть результат обратной связи книжного вида жанра с фольклором, т.е. они имеют схожий сюжет и одинаковые элементы с тем или иным письменным вариантом дастана, примыкая этим к более совершенному и объемному, доминирующему тексту.

Литературовед М. Гайнетдинов в статье, посвященной татарской литературе XVIII в., обращает внимание на интересный факт, имеющий отношение к творчеству татарских шакирдов: «По словам историков, перед народными восстаниями в Приуралье по татарско-башкирским селениям ходили татарские шакирды (учащаяся молодежь), распевая песни, призывающие к борьбе¹. Часто таким призывам придавалась форма безобидного фольклорного эпического сказания. Позже эти произведения действительно вошли в репертуары народных сказителей башкир, ногайцев и казахов и так дошли до наших дней. Эта картина подчеркивает, что у татар дастаны исполнялись устно и такое творчество выполняло своего рода прагматическую функцию. Эти чисто фольклорные по форме эпические выступления шакирдов носили героический, пропагандистский характер, но незавершенность темы и формы, а также содержания (текст состоял из различных частей и отрывков), перенасыщенность чуждыми эпосу элементами и др. лишней раз указывают на то, что к этому времени народ давно утратил интерес к «живому» исполнению эпоса.

Напевное чтение вариантов дастана у нас в корне отличается от музыкального исполнения чичаном-сказителем собственного произведения. Напевное декламирование дастанов у поволжских татар – это скорее явление, пришедшее к нам с исламом, нежели отражение дописьменной культуры. Традиция напевного чтения Корана и благоговейного отношения к книге стала причиной напевного чтения письменного крупного эпического произведения.

¹ Гайнетдинов М. В. Литература XVIII века // Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв.). Казань: Изд-во «Фэн», 1999. С. 188–189.

Выявляется следующее: книжные дастаны – своеобразная и важная категория в фольклористике и литературоведении в целом. Под словом «книжный» подразумевается не только книжная эпоха татарского народа, понятие используется условно и охватывает в целом влияние на жанр традиций, пришедших в Поволжье с письменной литературой и книжной культурой и глубоко проникших в народную жизнь, рождая этим письменный эпический фольклор. Термин «книжный дастан» означает разновидность эпоса, развившийся у татар в письменно-книжном направлении.

По сравнению с устно бытующими вариантами дастанов у татар отмечается более совершенное развитие письменно распространенных текстов на один и тот же сюжет. Если сравнить напевное произнесение и прочтение дастанного творчества казанских татар с традиционным декламированием древнетюркских дастанов, в форме исполнения между ними не всегда можно обнаружить генетическую общность. Книжные дастаны татарского народа – это эпос, в котором в различной степени нашли отражение индивидуальное и традиционное эпическое творчество. Несмотря на отдаленность от характерных для тюркского эпоса первичной вербальности и исполнения ритуально-мифологической функции, подобное творчество является одной из важных разновидностей многогранного эпоса.

Следует признать, что в татарской литературе влияние книжного дастана и в целом жанра дастана на развитие таких литературных жанров, как повесть, роман, безусловно, огромное. Но при этом книжный дастан не трансформировался в индивидуальное творчество, полностью отделившись от фольклорного стиля, бытования и распространения. В качестве аргумента приведем следующий пример. XIX в. и начало XX в. – эпоха апогея популярности книжного дастана татарского народа. Это доказывают массовые публикации в периодике того времени текстов дастанов и количество экземпляров переписанных рукописей. Известно, что в «эпоху российского мусульманства» (определение Г. Ибрагимова¹), т.е. в период, начиная от завоевания Казани и до середины XIX в., читаемые народом и распространяемые в рукописях произведения занимают особое место в жизни татар. Важно то, что большинство этих произведений не являются лишь переводом эпоса других народов, а представляют из себя местные национальные версии. Известно, что в эту эпоху татарская литература уже крепко стоит на ногах, уже давно профессионально сформировалась. Тогда у татар были поэты, ориентированные на оригинальную литературу, известные широкой общественности своими индивидуальными произведениями. Несмотря на это, параллельно с литературными произведениями у татар на протяжении нескольких веков продолжали оставаться актуальными книжные дастаны,

¹ *Ибрагимов Г. Эсарлар. Сигез томда. Т. 5. Эдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1910–1933).* Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. Б. 338.

на определенном историческом этапе в народе жила особая потребность в этих произведениях. Это означает, что на долю книжных дастанов татарского народа выпала не только роль посредника переходного периода из эпического фольклора в литературу, они долгое время функционировали самостоятельно в качестве духовной пищи для народа.

Книжные дастаны, для которых характерна сложная форма непрерывных взаимовлияний устных и письменных традиций, т.е. фольклора и литературы, переходя из рук в руки, читались в народе, отрывки в форме эпической песни или краткого отдельного хикаята из дастана исполнялись и устно. Следовательно, популярность в народном творчестве произведений этого жанра была высокой.

Книжные дастаны в этнической традиции татар – это самостоятельный культурный феномен, представляющий татарский эпический фольклор-определенной эпохи. Такие памятники в составе московского государства и более ранних времен являются важным явлением, определяющим культурный уровень, соответствующий тому времени. Считать начальную форму татарских книжных дастанов разновидностью, появившейся в более позднюю эпоху в результате книжной трансформации эпоса, характерного для этой же этнической группы, было бы принижением масштабов дастанов, сужением занятого ими культурного ареала, упрощением функций, выполняемых ими в общественной жизни.

Книжный характер эпоса – явление довольно древнее. Возникновение и развитие книжных дастанов вбирает в себя историю татарского народа, начиная с древнейших времен и до нашей эпохи. Отражение мифологических и сказочно-фантастических пластов в действительно сформировавшемся эпосе народа делает эти произведения памятниками, восходящими в глубь истории.

Известно, что уже в Орхоно-Енисейских рунических памятниках нашли отражение черты, присущие тюркскому эпосу¹. В этих памятниках, относящихся к VI–VIII вв., описание событий основано на исторической правде. В них отдельный образ превозносится на высоту эпического героя, идеализируется, описание событий ведется в эпическом стиле. Основу большинства тюркских дастанов составляют именно реальные события, воплощение исторической личности и выразительный эпический язык. В Большой надписи на стеле Кюль-Тегина описан образ идеализированного исторического героя в эпическом стиле, его боевые кони (белый конь Алып Шалчы, белый конь Азмана, белый конь Очсыза, серый конь Тадыкан-чуры и др.), на передний план выдвинуты героические

---

¹ *Короглы Х. Г.* Древнетюркская письменность // Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв.). Казань: ФЭН, 1999. С. 11–40.

поступки и подвиги героя, надпись пронизана героизмом, идеей передачи торжества победы:

*Кюль-тегин, сев на белого коня (Азмана),
сражаясь, бросился на врага,
шесть мужей он заколол (копьем),
седьмого воина он зарубил в схватке (мечом)¹.*

Здесь же встречаем характерное для эпоса троекратное (эпическое число) повторение:

*Когда ему было двадцать один (год),
мы сразились с Чача-сенгуном.
В первый раз на (принадлежавшего) Тадыкан-чуру
серого коня сев верхом, он бросился в атаку (на врага).
Тот конь там пал.
Во второй раз на (принадлежавшего) Ыибара-Ямтар(у)
серого коня сев верхом, он бросился на врага.
Тот конь там пал.
В третий раз на (принадлежавшего) Йегин-Силиг беку
Оседланного гнедого коня сев верхом,
он бросился на врага.
Тот конь там пал².*

Встречаются в тексте эпитеты, сравнения, плач по погибшему герою:

*Мой младший брат Кюль-тегин скончался,
я сам запечалился.
Зрячие очи мои ослепли,
вещий разум мой словно отупел –
я сам запечалился.
Время распределяет небо,
Сыны человеческие родились, чтобы все умереть.
Так я скорбел...³*

Все эти примеры из Большой надписи в честь Кюль-Тегина говорят об определенной созвучности этого памятника с эпосом. Надписи на Орхоно-Енисейских камнях, выполненные в эпическом стиле, следует рассматривать как древние зачатки жанра, позднее сформировавшегося как дастан. Форма письменной фиксации эпических событий в Орхоно-Енисейских эпитафиях имеет отдаленные отзвуки с татарским книжным эпосом. Общность использования техники письма для создания эпического текста, преемственность в типичности образов и мотивов, в передаче героизма и др. наталкивают на определенную мысль: потенциал для

¹ Стеблева И. В. Поэзия тюрков VI–VIII веков. М.: Наука, 1965. С. 121.

² Там же. С. 118.

³ Там же. С. 122.

возникновения эпоса в книжной разновидности у письменных тюркских народов созрел довольно рано – еще в период Орхоно-Енисейских надписей. Татарские книжные дастаны героического характера получили возможность для развития со времен Орхоно-Енисейских памятников, возведенных еще в VI–VIII вв.

В списке дастанов, распространенных у татар, практически нет текстов, не испытавших коренных изменений в отношении традиций общетюркского эпоса. Однако в силу угасания традиции устно-напевного бытования фольклорных дастанов у поволжских татар некоторые известные эпические сюжеты вышли за границы дастанного жанра, превратившись в сказку. Пример тому – распространение в Поволжье дастанов «Сайфульмулюк» или «Алпамыш».

Более подробно рассмотрим эту проблему на примере эпического памятника, известного под названием «Алпамыш» («Алпамша», «Алпанша», «Алфамыш», «Алыпмамшен», «Атмамшан-алып»). Татарскую версию этого известного во множестве вариантов узбекскому, казахскому, таджикскому, алтайскому и каракалпакскому народам дастана, составляют варианты, распространенные у казанских и сибирских татар. У сибирских татар дастан имеется в десяти вариантах. Это героические произведения, когда-то бытовавшие в устах сказителей, которые записаны на разговорном татарском языке и которые вправе называться первичным вербальным текстом.

Известные казанским татарам устные варианты на этот же сюжет составляют довольно своеобразную группу. Это – памятники, по своему содержанию близкие к жанру сказки. В.М. Жирмунский, подробнейшим образом изучивший кунгратскую, огузскую, кыпчакскую, алтайскую версии дастана «Алпамыш», а также отражение этого сюжета в эпосе народов Средней Азии, в отношении варианта казанских татар совершенно обоснованно употребляет термин «народная сказка»¹. Действительно, несмотря на то, что в тексте², записанном Х.Х. Ярми на территории Татарстана, к примеру, сохранились элементы дастана, что проявляется в древних эпических мотивах, произведение тяготеет к сказке. Кроме этого, найденные на территории Татарстана два текста, и еще один вариант, записанный в Оренбургской области, также относятся к жанру сказки³.

Казанским татарам известны и рукописные варианты «Алпамыша». По характеру они также тяготеют к героической сказке. Например, рукопись⁴, хранящаяся в библиотеке Казанского (Приволжского) федерального университета – текст, найденный в Мензелинском районе Татарстана,

¹ Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. С. 177–182.

² Татар халык ыжаты. Әкиятләр. 1 кит. Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. Б. 268–276.

³ Там же. Б. 396–397.

⁴ Алпанша хикәяте // ОРПК Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского КФУ. 1006 Т.

составленный Габдуллой Саймановым. Произведение увидело свет под названием «Хикаят Алпанши»¹. Известно также, что в начале XX в. в Казани неоднократно издавалось произведение под названием «Кысса-и Алпамыш»².

Таким образом, произведение, именуемое «Алпамыш», а также другими похожими именами, в творчестве сибирских татар – дастан устного характера, у казанских татар – сказка, имеющая устную, письменную и печатную форму. Причину подобной разновидности жанра или даже отношения к разным эпическим жанрам на один и тот же сюжет у одного и того же народа следует искать в исторически сформировавшейся территориальной разобщенности и различном характере жизненного уклада татарского народа. В связи с этим развитие народной культуры и фольклора у разных этнических групп происходило в принципиально различных направлениях.

Итак, как уже ранее говорилось, большинство популярных у татар дастанов сохранилось в рукописях и печатных изданиях, в той или иной степени испытав «авторское» влияние. Здесь текст дастана чичаном-импровизатором не исполнялся. Некоторые сюжеты, имеющие устно-исполнительскую версию и варианты у других тюркских народов, у татар сохранили структуру сюжета, но, вербально обрабатываясь, сюжет перешагивал через жанровые границы, превращался в сказку, предание или письменный рассказ. Иные варианты претерпели сильные изменения в плане объема и дошли лишь в форме отрывков, отдельных песен из большого произведения или повествования фабульного характера. Татарские дастаны, сохраняя особые, характерные для произведений народного творчества, признаки, испытали изменения и переработки от рук переписчиков. Эти письменные памятники, занимающие пограничную позицию между литературой и фольклором, в русле мирового и общетюркского эпоса относятся к категории книжного дастана, являющегося своеобразной разновидностью жанра.

Обобщая, следует сказать, что татарский книжный дастан по стилю, мотивам, типологии, духу и идее верен принципам фольклора, основан на этнических традициях, подчиняется эпическим канонам, но в то же время опирается и на древнюю и средневековую восточную литературу, переплетается с индивидуальным творчеством письменного склада, гармонично впитывает в себя элементы книжной культуры.

Влияние социокультурных процессов на формирование жанра татарского дастана споров не вызывает. В то же время следует признать,

---

¹ Алпанша хикайте // Татар эпосы. Дастаннар / төз., коммент. язучы Ф.В. Әхмәтова-Урманче. Б. 493–515.

² Кыйссаи Алпамыш. Казан: Домбровский тип., Ш. Хөсәенов варислары нәшер, 1912. 46 б.

что в татарской литературе влияние дастана на развитие таких жанров, как повесть, роман также огромное. Но при этом книжный дастан не трансформировался в индивидуальное творчество, полностью отделившись от фольклорного стиля, бытования и распространения. Известно, что на протяжении нескольких веков параллельно с литературными поэмами-дастанами, а также произведениями других жанров, у татар продолжали оставаться актуальными и книжные дастаны, на определенном историческом этапе в народе жила особая потребность в этих произведениях. Это означает, что на долю книжных дастанов выпала не только роль посредника переходного периода из эпического фольклора в литературу, они долгое время функционировали самостоятельно в качестве духовной пищи для народа. Книжные дастаны, для которых характерна сложная форма непрерывных взаимовлияний устных и письменных традиций, переходя из рук в руки, читались в народе, отрывки в форме эпической песни или краткого отдельного хикаята из дастана исполнялись и устно. Следовательно, популярность произведений этого жанра была высокой.

Книжный эпос-дастан – своеобразная и важная категория в татарском литературоведении и фольклористике. Под словом «книжный» подразумевается не только книжная эпоха в истории татарского народа, понятие используется условно и указывает на влияние традиций, пришедших в Поволжье с письменной литературой и книжной культурой, глубоко проникших в народную жизнь, сформировав письменный эпический фольклор. Термин «книжный дастан» означает разновидность эпоса, развившийся у татар в письменно-книжном направлении. По сравнению с устно бытующими у татар вариантами дастанов отмечается более совершенное развитие письменно распространенных текстов на один и тот же сюжет. Несмотря на отдаленность от характерной для тюркского эпоса первичной вербальности и исполнения ритуально-мифологической функции, подобное творчество является одной из важных разновидностей многогранного эпоса. В нем прослеживается одна из главных особенностей фольклора – вариативность, и частично сохранены синкретичность и коллективный характер творчества.

Место рукописных дастанов в татарском эпическом наследии

Говоря о том, какое место в классификации татарских народных дастанов занимают письменные дастаны, необходимо обратить внимание на то, что они располагаются в каждой традиционной группе. Причастность к книжности охватывает у поволжских татар каждый памятник, относящийся к жанру дастан. Это и архаико-героический «Алпамыш»

(о книжных и сказочных вариантах «Алпамыша» речь шла в предыдущей главе «Границы между книжной и устной традициями в эпосе татар»), и историко-героические «Гыйса улы Алат», «Идегей», «Нарык и Чура», «Жик мерген», и религиозно-героические «Кыссаи Сякам», «Кахарман Катил» и др. Свойства книжного дастана характерны и для романтических дастанов, основанных на сюжете «Кысса-и Юсуф», «Тахир-Зухра», «Буз егет», «Сайфулмулюк», «Лейля и Маджнуна» и др. – все эти дастаны как правило имеют объемные книжные варианты.

Независимо от того, к какой группе эпос-дастанов они относятся, большинство образцов татарского эпического творчества отличаются своей принадлежностью к книжности. Несмотря на то, что источники наших эпических памятников связаны с именем какого-то одного автора, либо их «авторство» совершенно не установлено («Туляк», «Кур углы», «Гыйса улы Алат», «Нарык и Чура», «Дастан Чингизнаме», «Дастан Аксак Тимура», «Кахарман Катил», «Кыссаи Сякам» и др.), татарские дастаны объединяет то, что при формировании они были подвергнуты изменениям под пером индивидуального автора, их язык и стиль усвоили особенности письменно-книжного творчества. Они во многих отношениях стоят близко к категории, называемой в мировом эпосе книжным эпосом, т.е. близки к книжной разновидности жанра эпоса.

У татарского народа число книжных дастанов ограничено. Несмотря на широкую распространенность конкретных сюжетов, их можно легко пересчитать. Такое положение естественно для объемного эпического жанра. Если учесть тот факт, что некоторые народы вовсе не имеют в своем творчестве подобных произведений, то цена татарских рукописных памятников, выполненных в жанре дастана, вырастает в разы.

Важно помнить, что списки книжных дастанов имеют несколько вариантов, и до сих пор обнаруживаются новые. Значительное количество вариантов и списков – факт, напоминающий о важном значении книжных дастанов в жизни народа. С учетом тематики и содержания татарские книжные дастаны подразделяются на две группы: героические книжные дастаны и романтические книжные дастаны.

Татарам полюбилися произведения на увлекательные сюжеты. Основная тематика народных дастанов – это повествование о героизме, связанном с историческими событиями, и история испытания героев любовью-страстью. Эти две большие темы в общем плане охватывают характерные для тюркского и восточного эпоса множество больших и малых тем и мотивов, а также характерную для жанра эпоса-дастана систему типичных образов-персонажей, типологические особенности жанра и др. Итак, тематический принцип классификации в татарском народном творчестве включает в себя все книжные дастаны, поэтому с учетом их

содержания следует указать две основные темы книжных дастанов татарского народа:

1. Тема героическая, которая вбирает в себя героико-архаические (например, дастан о Туляке, который носил в народе название «Туляк китабы» («Книга о Туляке»), героико-исторические (например, «Идегей», «Чура-батыр», «Кур углы Солтан» и др.) и героико-религиозные (например, дастан о Кахармане «Кахарман Катил», дастан, посвященный Сякаму «Кыссаи Сякам», дастан «Кисекбаш» и др.) произведения;

2. Любовная тема, охватывающая социально-бытовой эпос романтического характера, посвященный любовно-романтическим событиям (например, такие дастаны, как «Йосыф китабы», «Лейля и Маджнун», «Тахир и Зухра», «Шахсанем и Гариб» и т.д.).

Романическими книжными дастанами мы называем те, в которых доминируют восходящие к средневековью романтические традиции и творческий метод восточного типа. Это лиро-эпические, лиро-философские произведения, основанные на подробном описании любовной истории и внутренних переживаний главных героев, а также на драматических коллизиях. В романтическую группу книжных дастанов входят «Тахир и Зухра», «Буз егет», «Лейля и Маджнун», «Йосыф китабы», «Шахсанем и Гариб», «Хурлуга и Хамра», «Сайфульмулюк», «Мактым-сылу» и др.

Героические книжные дастаны – это письменные произведения, в центре которых находится образ героя или богатыря, обладающего героическими качествами, характерными для тюркского фольклора. Характер такого типа дастанов определяет близость к реальной действительности, степень историзма и героизма. К таким дастанам относятся «Туляк», «Гыйса улы Ачат», «Чингизхан», «Аксак Тимер», «Идегей» (у Н.Г. Хакима – «Идегэ»¹), «Кыссаи Сякам», «Кахарман Катил», «Жик Мерген», «Нарык и Чура», «Кур углы Солтан», «Кисекбаш» и др.

Продолжая разговор о героических книжных дастанах, обращаем внимание на то, что ни в одной классификации, имеющейся в татарской фольклористике, нет дастанов религиозно-мистического или религиозно-фантастического содержания. Между тем народ на протяжении всей своей истории часто обращался к дастанам такого характера. Среди наших книжных дастанов эта группа дастанов выделяется своей идеей и тематикой, своеобразным освещением сюжета и событий. Это – татарские национальные версии, возникшие под влиянием арабо-мусульманских письменных источников и освещающие события с религиозной позиции. Например, такие памятники, как «Кахарман Катил», «Кыссаи Сякам», «Кисекбаш», заметно отличаются от описанных выше произведений.

¹ Идегэ // ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, ф. 52, оп. 1, ед. хр. № 167, № 176, № 177, № 178.

Идеи и сюжеты таких дастанов пронизаны исламскими мотивами, они составляют разновидность героических дастанов, и их, на наш взгляд, было бы правильно назвать героико-религиозными или религиозно-героическими дастанами. Ограниченность, характерная для эпических сюжетов, эпических образов здесь обогащается религиозными элементами и мотивами. Например, герой в борьбе со своими врагами начинает уповать на помощь Аллаха. Если в древнетюркском эпосе он рассчитывал только на свои силы и в беспощадном бою добивался победы только ценой своих усилий, то здесь своих врагов (часто неверных) он побеждает с помощью Аллаха, подчинившись его воле. Враги героя обладают качествами религиозных врагов (часто они выступают в образе кяфиров (кяфир – неверующий, неверный, безбожник, гяур).

Таким образом, в героических дастанах религиозного характера эпические каноны подстраиваются под исламские каноны. В книжном эпосе татар древнетюркские традиции испытывали подобное обновление. Однако ислам не смог исключить до конца местные народные традиции. При условиях отсутствия противоречия с исламом они развивались в форме народной религии. Это очень важная особенность культуры, характерная и для книжных дастанов татар Поволжья. Особенно важно подчеркнуть то, что каноны ислама в целом никогда не вступали в глубокое противоречие с образом жизни и хозяйствования татар, поэтому религиозно-героические книжные дастаны легко срослись с духовной жизнью народа.

Эпические письменные памятники религиозного характера создавались на примере героических дастанов, поэтому справедливо рассматривать их как религиозно-героические дастаны. В сущности они являются героическими дастанами, т.е. как и героический эпос, пронизаны героикой. Но в силу религиозной темы в этих дастанах на пьедестал вместо могучего богатыря страны и народа поднимается пример героизма на пути веры, сюжет и события освещаются также своеобразно. Несмотря на то, что до сих пор их не признавали как произведения фольклора, или в силу известных исторических причин на них официально закрывали глаза, некоторые из таких дастанов занимали свое место в татарской литературе. Например, дастаны «Кисекбаш китабы», «Кыссаи авык», «Кыссаи Сякам», «Кахарман Катил» литературоведами были несколько раз изданы, а некоторые из них научно исследованы. Религиозно-героические дастаны – это творчество, в котором фольклорные традиции и индивидуальное творчество тесно переплетены. Поэтому они гармонично вписываются в ряд героических памятников, относящихся к категории книжного дастана.

Популярность у романических книжных дастанов и героических книжных дастанов в народе различна. В отношении распространенности среди народа передовые места занимают такие дастаны, как «Тахир и

Зухра», «Йосыф китабы», «Буз егет», «Сайфульмулюк», «Туляк». Например, на сегодня известно более четырех десятков вариантов «Йосыф китабы», более десятка вариантов «Тахир и Зухра», около десятка вариантов «Лейля и Маджнун», шесть вариантов «Туляка». Все варианты дастанов найдены в нескольких списках. Это означает, что они были читаемы народом. Татарский народ читал и перечитывал, переписывал эти дастаны вплоть до начала XX в. Эти варианты отличаются временем и местом переписывания текста, полнотой или частичностью изложения материала, использованием в тексте архаизмов и неологизмов, некоторыми особенностями стихотворной части текста и др. Сам факт переписывания когда-то и кем-то или издания образцов эпического творчества этого вида говорит о большой потребности в эпос-дастанах в свое время у народа.

Исторические пути формирования татарского эпоса

По формированию эпического текста и способу распространения в народе татарские дастаны книжного характера можно подразделить на несколько типов.

Первый – дастаны, формирование которых у татар в качестве эпического текста с самого начала началось через их записывание. Такие дастаны, распространяясь в письменном виде, дошли до наших дней, и на основе этих рукописей они и были изданы в эпоху книгоиздания. В ряду таких дастанов значатся следующие произведения: «Туляк», «Буз егет», «Кыссаи авык», «Кыссаи Сякам», «Гыйса улы Ачат», «Шахсенем и Гариб», «Хурлуга и Хамра», «Кахарман Катил», «Кисекбаш кыссасы» и др. В большинстве случаев сюжеты книжных дастанов такого типа проникали в культуру татарского народа напрямую из письменных источников. Даже когда версии других народов относятся к традиционному виду дастанного жанра, осваивание произведения в качестве письменного текста оказывает большое влияние на распространение национальной версии в книжной форме.

Многие образцы данного типа книжного дастана у татар непосредственно зафиксированы на бумаге по мере их возникновения и распространены только в письменных вариантах. У таких эпических памятников устно произносимые варианты не встречаются даже в фрагментарной форме. Например, «Дастан о роде Чингизхана», «Гыйса улы Ачат», «Книга о Туляке», «Кахарман Катил» и др. относятся именно к такому типу книжного дастана татар Поволжья. Этот факт говорит о том, что у поволжских татар потребность в письменном выражении народного творчества была выработана столетиями. Такого типа дастаны возникли в народе, существовали только на письме, самим народом были переписаны

и распространены, имеют вариативность, авторство у таких памятников не выявлено. По отношению к таким дастанам момент записи непосредственно из уст сказителя-импровизатора в принципе не существовал. А их связь с фольклорным эпическим наследием поддерживается в общих для тюркского эпоса мотивах, эпичности событий и героев, вариативности списков на тот или иной сюжет.

В этом типе татарских книжных дастанов доминируют рукописи. Но некоторым письменным по происхождению и распространению дастанам этого типа в редких случаях свойственен обратный переход в устную речь, т.е. повторное отражение в устном творчестве. Здесь играет большую роль и фактор генетического родства народного представителя, знакомого с книжным дастаном, с «живым» эпосом или же с образцами фольклора другого жанра на один и тот же сюжет. Поэтому иногда популярность книжного варианта дастана обеспечивала его возвращение в фольклор.

Анализ редких случаев устных вариантов дастанов, относящихся к этому типу татарских книжных дастанов, доказывает, как под влиянием широко распространенных в народе дастанов или каких-либо других факторов в более поздний период произошел вторичный переход этого явления в фольклор, т.е. опять в устную форму. Примером тому могут служить эпические памятники о Чура-батыре. Как показывает сравнительный анализ с другими тюркскими версиями, отражение этого образа в татарском народном творчестве отличается своей сопричастностью к книжному творчеству. И совершенно не случаен тот факт, что из печатных изданий дастанов, посвященных Чура-батыру, впервые увидела свет именно татарская народная версия¹. То, что самый совершенный и полный вариант татарского «Чура-батыр»а дошел до нас в письменном виде, напрямую связано с зависимостью дастана средневожских татар от книжной традиции. «Чура батыр хикаяте» также, как и национальные версии дастанов «Туляк китабы», «Кахарман Катил», «Кыссаи Сякам», «Гыйса улы Ачат» и др., – это, в первую очередь, народные эпос-дастаны письменного происхождения.

Тем не менее сюжет, схожий с образом Чуры и событиями, описанными в дастане, у татар встречается в более мелких эпических жанрах. Эти произведения народного творчества о Чура-батыре – образцы устного жанра. Например, предание, посвященное Чура-батыру² у татар соответствует духу известных дастанов. В них описываются трагические события, связанные с историей Казанского ханства, и образ Чуры идеализируется в качестве народного героя. В 1975 году Ф.В. Ахметова записала

¹ Березин И. Турецкая хрестоматия. Т. 2. Казань: Тип. ун-та, 1862. С. 28.

² Татар халык ижаты. Риваять һәм легендалар. Казан, 1987. Б. 51–53.

в Казани от информанта Каюма Ибрагимова (1903 г.р.) устный вариант хикаята «Чура-батыр». Текст записи из архива Ф.В. Ахметовой издан в книге «Татар эпосы. Дастаннар».

Распространение известного дастанного сюжета в ином жанре – конкретный пример того, как жанр эпос-дастана, перешагнув границы эпоса, принимает форму исторического предания или же байта. Между тем самый полный и объемный текст татарской версии дастана – письменный.

Под влиянием книжного дастана этот же сюжет нашел отражение в устном творчестве либо в качестве эпоса фрагментарного характера, либо как предание, сказка или др. жанровой форме. Как правило, для книжных дастанов первого типа – это хоть и редко, но все же встречающееся явление. Для таких дастанов иногда характерен переход из письменного в устный вариант.

В плане языка и стиля доминирующими в них стали признаки книжного творчества. Для большей части текста характерна прозаическая форма, а стихотворные части часто отклонялись от стихотворных форм, опирающихся на эпический (аллитерационный, тирадный) стих или же на количество слогов. Татары восприняли их через восточные письменные источники. Эти признаки и относят их к первому типу татарских книжных дастанов. Такой тип татарских книжных дастанов – это продолжение традиций, идущих еще от письменного памятника средневекового тюрского эпоса «Китабы дадам Коркыт», попавших на плодородную почву, а может и параллельное отражение одной и той традиции.

Известно, что относящийся еще к X в. «Китабы дадам Коркыт» на письме был зафиксирован в конце XV в. и некоторыми учеными считается единственным книжным эпосом тюркоязычных народов Средневековья. Этот тюрко-огузский дастан уникален тем, что является письменным произведением, в нем общие с фольклором элементы генетической схожести удивительным образом связаны с письменной культурой и исламскими традициями. Само присутствие в названии относящегося к фольклору произведения слова «китап» («Книга Коркута») относит его к категории письменного эпоса.

Татарские книжные дастаны первого типа в ряду версий других народов, не оставаясь лишь переводным произведением, обретали статус самостоятельного образца письменного эпического фольклора. Общность их эпического сюжета с образом жизни народа, соответствие на определенном историческом этапе идеологии произведения народному духу, существенное отличие татарских текстов от текста оригинала (в случае, когда произведение проникло через известный эпос других народов), сравнительно компактный по сравнению с другими национальными версиями объем и др. характерные особенности дают возможность оценивать

эти письменные произведения как самостоятельные национальные версии, вновь созданные в результате книжных изменений.

Произведения на популярный сюжет, переходящие из фольклора в литературу, затем из литературы вновь в народное творчество относим ко второму типу книжных дастанов. Это, как правило, романические произведения, посвященные истории любви двух влюбленных: «Тахир и Зухра», «Йосыф китабы», «Сайфульмулюк», «Лейля и Маджнун». Исторически так сложилось, что эпические произведения на общеизвестный сюжет бытовали среди татарского народа и в письменной, и устной форме. Справедливости ради следует сказать, что самые совершенные варианты дастана на тот или иной сюжет этого типа среди татарского населения Поволжья существуют как письменные тексты. В отношении полного исполнения дастанов данного типа в Поволжье нет ни одного факта или источника, утверждающего обратное. Естественно, образцы устно-поэтического творчества очень важны при изучении дастана в целом. Краткие устные образцы являются примером переосмысления, перенаправления эпического стиля и сюжета в духе лирическом.

В мировой литературе известны конкретные индивидуальные произведения на сюжет татарских дастанов, относящихся ко второму типу. Например, это версии, относящиеся к Сайяди, всем известная поэма Кул Гали, произведения Меджлиси, Низами. Возникнув из древних преданий, такие памятники вылились в крупные поэмы-дастаны. Знаменитые литературные дастаны-поэмы древнего Востока позднее вдохновили талантливых авторов на новые произведения на этот же сюжет. Таким образом, известные в мировой литературе произведения по истечении времени у татар получили новую жизнь.

В татарской филологии перечисленные выше сюжетные произведения в большинстве случаев рассматривались как литературные произведения. Нередко их называют дастанами литературного или книжного происхождения. Но сходство признаков дастанов требует отношения к ним как к жанру дастанного эпоса. В данном типе существует многовариантность произведений на тот или иной сюжет, рядом с авторскими вариантами часто встречаются произведения, авторы которых неизвестны, поэтому следует признать, что в татарской литературе и фольклористике многовариантные дастаны на известный сюжет все вместе составляют своеобразную татарскую национальную версию.

Дастаны такого типа активно распространялись независимо от того, есть у них автор или нет. Одни варианты отличаются компактностью и краткостью в плане сложности событий, характеризуются сравнительной близостью к народному языку, другие в достаточной степени совершенны и объемны по сюжетному построению и композиции. Язык

таких произведений – письменный литературный язык с примесью индивидуальности и доминированием литературных элементов. Книжные дастаны такого типа не ограничивались лишь усвоением литературных сюжетов, в их поэтическом стиле бросается в глаза частое обращение и к литературным традициям. Но, несмотря на некоторое приближение к индивидуальному творчеству, они не свободны от признаков народной эпической традиции; наличие авторства, повторение признаков, характерных для литературного произведения, не дает им права называться чисто литературным произведением. Если обратиться к редким вариантам, записанным как фольклорные образцы, выясняется, что анализировать их в качестве примеров истинного традиционного жанра дастана невозможно, ибо подобные произведения, встречающиеся в устном народном творчестве, чаще всего оказываются кратким пересказом более совершенного письменного варианта на тот же сюжет или напевным пересказом какого-либо отрывка из письменного текста.

Данный тип татарского книжного дастана – можно сказать, самый масштабный и известный. Чаще они носят романтический характер, по построению – проза, чередующаяся с поэзией. В целом их язык соответствует книжному языку своей эпохи. Стихотворная часть основана на смешанном стихосложении. В них на передний план по сравнению с позицией чичана выдвинута книжная идеология. Но такие дастаны по тематике, содержанию, стилю вписываются в одну форму, и это позволяет рассматривать их в рамках книжного дастана. Это памятники, способные и по стилю, и по способу существования претендовать на традиционность и индивидуальность, расположенные на границе между литературой и фольклором, являющиеся в большинстве случаев «авторским» дастанным творчеством – все эти качества дают возможность выделять их как отдельный тип книжных дастанов.

Среди книжных дастанов особое место занимают тексты, осознанно переведенные конкретным автором в книжную форму, т.е. специально созданные эпические памятники. По способу возникновения такие памятники мы относим к третьему типу татарских книжных дастанов. Яркий тому пример сборно-критический текст «Идегей». Стихотворно-прозаический (составлен в 1919 году Н.Г. Хакимом) и стихотворный (составлен в 1940 году Н.И. Исанбетом) сборно-критические тексты обогатили и дополнили группу книжных дастанов прекрасным произведением. Но книжный «Идегей» интересен тем, что по своей начальной форме, основанный на устном исполнении, он был составлен из многочисленных вариантов дастана. Существование помимо сборных версий, еще и многочисленных вариантов, записанных у сибирских татар, а также зафиксированных во время исполнения чичанами, доказывает

то, что этот дастан у татар изначально существовал в устной форме. Как говорилось ранее, дастаны сибирских татар существенно отличаются от книжных дастанов. Эта разница выражается в характерной для этого народа поэтике, языковых и стилевых особенностях, в близости их образа мысли к мифологическому сознанию, в том, что это синкретическое творчество, основанное на исполнительстве и др. Переход произведений, ранее исполнявшихся устно, в книжную форму – явление естественное.

Разбираясь в документах Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, мы обнаружили интересные факты, связанные с возникновением, вернее рождением заново, варианта Н.И. Исанбета, считающегося классическим. В папке с материалами, посвященными «Идегею», обнаружилась запись, сделанная рукой научного сотрудника института Х.Х. Гагиной в 1940 году: «1940 год. Октябрь. Шайхи (Шайхи Маннур. – Л.М.), Наки-абзый (Н.И. Исанбет. – Л.М.), Х.Х. Ярми занимаемся составлением сборного варианта «Идегея». Бывает, что Наки-абзый выходит из себя, шумит. Начали «выстригать» некоторые добавленные им места. Мы идем по собранным у нас вариантам, а он отстаивает введенные им самим строки... Но как бы то ни было, договариваемся, продолжаем работать...».

Этот документ подчеркивает, что «Идегей» – плод работы не одного автора, а целого научного и творческого коллектива, который, опираясь на народные варианты, составил этот книжный дастан. Здесь показаны даже способы, использованные при создании книжного дастана такого типа. Творческая фантазия ученого и писателя Н.И. Исанбета была воплощена в жизнь под наблюдением стоящих на страже народных традиций ученых. Дастан, будучи подвергнут специальной индивидуальной обработке, но при этом сохранив верность народным традициям во всей полноте представляет собой удивительный труд, требующий от писателя-обработчика огромной ответственности.

В мировом эпосе произведения такого типа называют искусственной народной поэмой, воссозданной на материале подлинного фольклорного текста. Об искусственном эпосе, относящемся к категории книжных дастанов, Б.Н. Путилов писал: «Так возникли в XIX в. «искусственные» народные поэмы, в основе которых лежали подлинные фольклорные сказания, предания, мифы, но которые в таком виде в устной традиции никогда не существовали: «Калевала» Э. Ленрота, «Лачплесис» А. Пумпура, «Каливипоэг» Ф. Крейцвальда. Воздавая должное таланту и настойчивости этих деятелей национальной культуры, равно как и признавая историческую закономерность их работы, мы все же ставим значительно выше подлинно народные, никем не обработанные произведения, непо-

средственно записанные из уст мастеров фольклора»¹. Действительно, повторное воссоздание народного эпического творчества в новых исторических условиях – дело достаточно сложное и хлопотное. Результат такой работы может и не совпасть с истинно традиционным эпосом, возникшим по воле народа в определенный исторический период и отражающим народное сознание, мирозерцание и быт. Но как бы то ни было, у некоторых народов, в том числе и у татарского, такой вид жанра эпоса есть. Такие тексты – это своеобразная область, отличающаяся тем, что его выполнили подготовленные ученые, специалисты своего дела, поэтому они составляют отдельный тип. Эти произведения, которые мы относим к третьему типу татарского книжного дастана, не описывая, как они возникли у других народов, принято называть «эпосом» (например, у башкир – «Урал-батыр») или непосредственно использовать термин «книжный эпос» (например, у мордвы – «Масторава» и др.), либо на протяжении веков вести споры по вопросу их происхождения (составленный и изданный в 1835 году Э. Леннротом карело-финский «Калевала» долгое время одни ученые называли фольклорным произведением, другие произведением индивидуального творчества, в последнее время стали рассматривать как книжный эпос, стоящий в генетической связи с фольклором). В науке по отношению к плоду такого рода творчества известно мнение, что это сборный вариант того или иного произведения, но каждый сборный вариант требует индивидуального и отдельного отношения. В третьем типе книжного дастана отражение или неотражение признаков индивидуального творчества и степень генетической общности с фольклором связаны с мастерством писателя – «авторский» след в произведении может колебаться от близко уловимого до степени, ничем не отличающейся от народного творчества для неподготовленного читателя. Вариант «Идегея» Н.И. Исанбета – это произведение высочайшей степени, мастерски обработанный и сведенный воедино книжный дастан, гордость татарского народа.

Еще один относящийся к этому типу текст «Идегея» был выполнен в 1919 году известным тюркологом Н.Г. Хакимом. Хакимов Нигматулла Гиниятуллович (1899–1938) – ученый Казанского государственного педагогического института, доцент. Вариант «Идегея» он записал в Сибири в 1919 году в селе Еланлы Тобольской губернии Тарского уезда у Сыдыка Магдеевича Зайнетдинова (1854–1927), обработал, расширил, дополнил, иными словами, составил сборный текст. Вариант «Идегея» Н.Г. Хакима – объемный текст, в котором присутствуют и проза, и поэзия.

---

¹ Героический эпос народов СССР / Предисл. Б.Н. Путилова. Л.: Лениздат, 1979. С. 5–6.

В определенной степени изменив текст, записанный из уст чичана, Н.Г. Хаким посылает один экземпляр профессору Ленинградского университета А.Н. Самойловичу с просьбой написать вступительное слово с целью дальнейшего издания произведения. Это дело затягивается, в силу некоторых причин подготовленный Н.Г. Хакимом «Идегей» остается неопубликованным.

Через А.Н. Самойловича позднее он оказывается в руках П.А. Фалева. П.А. Фалев – ученик А.Н. Самойловича, вернее, вольнослушатель его лекций. По завещанию П.М. Мелиоранского А.Н. Самойлович оживляет работу по сбору и изучению всех версий произведения, посвященного Идегею и Токтамышу. В 1911 г. была учреждена специальная золотая медаль за успешно работающими в этой области, и среди студентов Петербургского университета был объявлен конкурс. В 1922 году этой медали удостоивается П.А. Фалев. Но П.А. Фалев в ташкентском издании называет «Идегей» «ногайскими сказаниями» и почему-то не упоминает в издании ни вариант В. Радлова, ни вариант Н.Г. Хакима¹.

Вскоре, пусть хоть и с опозданием, академик А.Н. Самойлович высылает в Казань вступительное слово к тексту Н.Г. Хакима. Эта научная статья попадает в руки профессора Казанского педагогического института профессора Л. Заляя, позднее из его архива переходит к Х.Х. Ярми. По просьбе В.М. Жирмунского Х.Х. Ярми посылает ее в Ленинград. Сведения об этом и текст статьи А.Н. Самойловича хранятся в необработанном фонде Центра письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Затем статья была передана С.Г. Кляшторному и в 1972 году увидела свет в «Тюркологическом сборнике»².

Предки вышеупомянутого информанта Сыддыка Зайнетдинова переселились в Западную Сибирь из Бухары. Как и его дед, Сыддык также занимался извозом. С обозом, груженным товаром, он побывал в Иркутске, Томске, Казани, Нижнем Новгороде, в казахских степях, городах Средней Азии. Учился в медресе, знал арабский язык, увлекался эпическим творчеством народа. По словам его сына Азима, начиная с 1900-х гг. он рассказывал «Идегэ» на понятном родном местному народу языке – на диалекте тарских татар.

Вариант Н.Г. Хакима – прекрасное произведение, которое обогатило череду героических книжных дастанов татарского народа. В сопоставительном изучении текста с другими версиями дастана выясняется, что памятник относится к книжной разновидности жанра эпоса. Этой

¹ Лекции, читанные проф. П.А. Фалевым в 1921 году в Туркестанском Восточном Институте. На правах рукописи. Ташкент, 1922.

² *Самойлович А.Н.* Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н.Г. Хакимовым // Тюрколог. сб. 1972. М.: Наука, Гл. ред. восточ. лит. С. 186–211.

особенности «Идегея» в свое время придавал значение и Н.Г. Хаким, и академик А.Н. Самойлович. Обратив внимание на то, что несколько стихотворных строк текста заметно отличаются по языку и стилю, он ставит вопрос: они из древнего дастана, или творчество более позднего периода?¹ Наличие различий между обработанным вариантом и первичным текстом естественны. В плане языка, стиля и композиции произведение претерпело некоторые изменения, было обработано, усовершенствовано в сюжетном, композиционном и стилистическом плане самим Н.Г. Хакимом.

Вариант Н.Г. Хакима, посвященный Идегею, мы рассматриваем как пример третьего типа татарского книжного дастана. Проведение некоторых исследований данного образца книжного эпоса в сравнении с другими версиями и вариантами свидетельствует о том, что он и по сей день остается актуальным в татарском народном творчестве. Варианты «Идегея» Н.Г. Хакима и Н.И. Исанбета представляют исключительную ценность в качестве эксклюзивного памятника в жанре эпос-дастан.

Вопрос о том, к какому периоду времени относится эпический сюжет, считается достаточно спорным. Окончательно выяснить точное время возникновения дастана практически невозможно. И все же В.М. Жирмунский считает, что тюркский эпос берет начало с VI в. и его древние пласты относит к VI–XIV вв.² К пласту эпоса, у которого выяснена историко-политическая тема, он относит дастаны, в которых нашли отражение образы, общие с эпосом народов Средней Азии XV–XVII вв. А последний пласт – это эпос, возникший в период XVII–XIX вв. В этот период в эпосе сильно ощущается мусульманизация, т.е. влияние ислама.

Придерживаясь мнения, что тенденция возникновения книжного дастана у татарского народа, стремление к этому виду эпического творчества имеют давние корни и, основываясь на мнении В.М. Жирмунского, будет справедливо обозначить сроки формирования и распространения различных типов книжных дастанов, исходя из сюжета и тематики, с конца Средневековья и последующей эпохой. Каждый из трех типов книжного дастана находил место в жизни народа своим путем, имел свои общественно-исторические причины возникновения и развития.

Как известно, начиная со второй половины XVI в., известные до этого дастанные сюжеты испытывают второе рождение на татарской культурной почве. С этого времени начинается частое обращение к ним, и дастаны вновь обретают популярность. Это явление объясняется образом жизни татарского общества того времени под властью Москвы в новых

¹ Самойлович А.Н. Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н.Г. Хакимовым. С. 205.

² Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. С. 90.

социально-политических условиях. Живущий под надзором новой власти (русского царизма) татарский народ в то время не имел возможности создавать оригинальные произведения. Напряженная политическая обстановка в определенный исторический период жизни татар не могла не оказать своего влияния на духовную жизнь народа.

Популярность книжных дастанов в свое время кроется в какой-то мере в отстранении народа от непосредственного изображения картин жизни того времени. Используя письменный эпический фольклор, обращаясь к готовому, издавна распространенному в народе сюжету, создавая и распространяя дастаны в новых вариантах, народ утолял жажду в литературном творчестве. Необыкновенная востребованность книжных дастанов на определенном историческом этапе у татар привела к широкому распространению в народе произведений такого рода. Но главная причина живучести книжных дастанов состоит в том, что в особо созданных условиях потребность народа была направлена именно к такому виду творчества как старинному и верному средству для воплощения и передачи своих творческих фантазий, эмоций, а также идей.

В зависимости от эпохи у татар формировался и популяризировался то один, то другой тип книжного дастана. Разброс тем, востребованных народом, определялся традициями, восходящими либо к тюркскому эпосу, либо к древневосточной литературе и фольклору.

По количеству, объему, историко-культурной значимости книжные дастаны в жизни народа и его творчестве занимали значительное место. Трудно выразить то историческое, литературно-культурное, общественное влияние, которое они оказали на жизнь народа. Дастаны подняли на новую ступень искусство книги и культуру книги, развитие просвещения в жизни народа. Можно сказать, что книжные дастаны – это такая разновидность жанра эпоса, которая в результате тяготения народа к этому виду эпического жанра, получив в определенное время и определенном месте широкое распространение, выполняла роль общего культурного фактора в духовной жизни татар.

Достоинством является то, что по сравнению с устно декламируемым, напевно исполняемым и незафиксированным на письме живым эпосом, судьба книжных дастанов более удачная, ибо они продолжают свое существование в многочисленных рукописях и изданных книгах. При сравнении с мировым книжным эпосом, древневосточной письменной традицией и общетюркским эпосом у татарских книжных дастанов, представляющих собой масштабное и своеобразное явление, несомненно, есть свое достойное место.

Исходя из необходимости анализа обширного материала, относящегося к дастанному жанру татарского фольклора, систематизации

дастанного наследия, сформированного в связи с историко-культурной закономерностью и под ее влиянием, мы выявили исторические типы и определили общую эволюцию в возникновении и развитии татарских книжных дастанов. К какому бы типу он не относился, книжный дастан в первую очередь ценен в качестве стихотворно-изобразительной энциклопедии жизни народа, как обобщенная картина жизни наших предков. Эпизоды сюжета, образ мысли, стиль и язык татарских дастанов, исследуемых в категории книжных дастанов, идут и от народа, и от книжной традиции, предлагают жанр эпоса в новой комбинации и в своеобразном миропонимании.

II. ДАСТАНЫ В ПИСЬМЕННОЙ ЭПИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ТАТАР: ВАРИАНТЫ, ПОЭТИКА, ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЛАСТЫ

Еще раз о главном эпосе татар «Идегей»

Татарская версия эпического произведения об Идегее складывалась постепенно на протяжении нескольких веков. В литературно-культурном наследии татар эту тему популяризуют многочисленные татароязычные образцы, начиная от устно-зафиксированных до более совершенных в литературно-эстетическом отношении письменных дастанов. Формирование татарского историко-героического эпоса «Идегей» охватывает целые столетия – от начала XV в. до середины XX в. Это одно из редчайших произведений, которое, являясь связующей нитью истории татар с его историей более шестивековой давности, непосредственно участвовало в формировании нации.

Тенденция возникновения дастана у татарского народа, стремление к эпическому творчеству имеют давние корни. В истории фольклористики, начиная с 20-х гг. XX столетия, дастаны стали оцениваться в качестве фундамента татарской литературы. Изучение истории дастанного эпоса наряду с другими жанрами фольклора такими, как героические песни или сказки, стало одной из важнейших задач. Параллельно с интенсивным сбором татарского народного творчества начинается создание новых произведений на сюжеты народных дастанов, составление критических текстов известных произведений, усиливаются тенденции литературной обработки записанных сказаний. Но едва начавшуюся научную работу по национальному эпосу пришлось прекратить в связи с общественно-политическими условиями эпохи. Решение Центрального Комитета ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы Татарской партийной организации» обвиняет татарских учёных в национализме, идеализации истории Золотой Орды, в приукрашивании и популяризации «ханско-феодального» эпоса «Идегей». К большому сожалению, этот документ сделал невозможным продолжение дальнейшей работы в области научного исследования эпоса.

В плане научного изучения не только «Идегея», но и в целом национального эпоса решение от 9 августа 1944 г. действительно сыграло огромнейшую отрицательную роль. Изучение татарского дастанного эпического наследия, форм его существования, путей историко-эволюционного развития, в сравнении с фольклором других тюркских народов, разумеется, было отложено на несколько десятилетий. Не только «Идегей», но и другие дастаны, представляющие собой немалую долю многовековой

культуры народа, были обречены на ожидание своей очереди в архивах. Возможность вернуться к этой проблеме и вновь заговорить об «Идегее» появилась только во второй половине XX в. Далее были написаны и изданы труды И.Н. Надирова (1988), М.А. Усманова (1990), Ф.И. Урманчеева (1997, 1999), В. Хайруллиной (1998), Ф. Валиуллиной (2007), И.Г. Закировой (2011), М.Х. Бакирова (2014), Л.Х. Мухаметзяновой (2018, 2019, 2022) и др., посвященные изучению разных аспектов дастана «Идегей» татарского народа.

Имеется ли возможность окончательно определить, к какому времени по формированию относится тот или иной эпос? Проблему порождает отсутствие базы источников, на которой следует основываться для связывания фольклорного сюжета с тем или иным конкретным временем. Создание и распространение народных произведений – долгий процесс, фольклорные сюжеты имеют тенденцию становиться веками. Тем не менее считается, что тюркский эпос берет начало с VI в., и его древние пласты относятся к VI–XIV вв. К эпосу, у которого выяснена историко-политическая тема, относятся дастаны, в которых нашли отражение образы, общие с эпическим наследием народов Средней Азии XV–XVII вв. А последний пласт – это эпос, возникший в период XVII–XIX вв.

В истории известно, что Золотая Орда – средневековое Евразийское государство, которое существовало с начала XIII до середины XV вв., а с XV в. распалось на отдельные самостоятельные ханства. 60–70-е гг. XV в. для Золотой Орды ученые-историки определяют как время смуты, которая сильно ударила по единству государства. Именно этот сложный период страны изображает дастан «Идегей», в лицах и деяниях известных личностей в известном эпосе создается эпическая картина того времени. Прототипами героев дастана стали Токтамыш, Аксак Тимер, Идегей и др. Они – реальные люди, жившие в конце XIV–начале XV вв. Во всех версиях дастана речь идет об их жизни и деятельности.

При всей сложности определения точного времени возникновения эпических сюжетов, препятствия в этом вопросе отступают, так как конкретные исторические факты, зафиксированные в источниках, сами уточняют ситуацию. Опираясь на мнение академика В.М. Жирмунского, который называет тюркский эпос, датированный XV–XVII вв., «историческим слоем»¹ эпоса, дастаны об Идегее следует отнести к более позднему тюркскому эпосу. Исходя из сюжета и тематики, будет справедливо обозначить сроки формирования и распространения дастана «Идегей» XV веком и последующей эпохой. Следовательно, вердикт о том, что в тюркском мире «Идегей» начали сказывать не ранее и не позднее начала XV в., подтверждается историческими событиями в Золотой Орде.

¹ *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. С. 90.

Каждый из разновидностей эпоса на данный сюжет – начиная с исторических песен, преданий и отдельных легенд об Идегее до объемных письменных вариантов – находил свое место в жизни народа, имел свои общественно-исторические причины возникновения и развития. В зависимости от эпохи у татар формировалась и популяризировалась сначала традиционно-устная («живая»), позднее письменно-книжная разновидность эпоса.

События дастана «Идегей» описывают критический период борьбы за ханский трон в Золотой Орде в конце XIV– начале XV вв. Герои произведения – хан Токтамыш, Тамерлан (Аксак Тимер, что означает в переводе на русский Тимур Хромой, именно так называли этого полководца тюркские народы), темник Идегей и др. – выдающиеся личности своего времени. Вся суэта трагической борьбы, происходящая в Золотой Орде, будучи важным фактом для населения государства, непосредственно отражалась в словесном фольклоре. Сочинялись многочисленные сказания, песни, легенды, предания на тему, охватывающую историю государства в пределах около ста лет. Соблюдая каноны распространения и сохранения фольклорных материалов, такие сочинения передавались из поколения в поколение. На данный сюжет в многочисленных национальных версиях и вариантах созданы такие виды фольклорных жанров, как сказание, песнь, предание, дастаны. Имя исторического Идегея также отражается и во многих татарских родословных-шежере. По закономерностям фольклора все вышеназванные жанры, а также сами исторические события, связанные с затяжными междоусобицами великих ханов, эмиров, так или иначе, способствовали сплочению эпического сюжета вокруг одного имени – Идегея и распространению его в государстве Золотая Орда.

Особенно были популярны события, связанные с деятельностью Идегея. В истории фольклористики из уст сказителей записаны разные по стилю, структуре и содержанию сказания в нескольких вариантах. Со временем популярность событий привела к объединению изустных сочинений, посвященных периоду распада Золотой Орды в единый цикл – так появился настоящий эпос «Идегей», причем в разных вариантах и версиях у народов, вошедших в свое время в состав Золотой Орды. Будучи идейно ценными и сильными памятниками, некоторые из народных сочинений прошли сквозь века и дошли до наших дней. Сегодня известны алтайская, ногайская, казахская, узбекская, туркменская, каракалпакская, крымско-татарская, башкирская, татарская и др. версии дастана.

О бытовавших устно среди татар вариантах известного эпоса «Идегей» уверенно можно рассуждать по нарративным источникам, где фигурируют образцы фольклора на этот сюжет. В татарских письменных памятниках варианты дастана, посвященные Идегею, Токтамышу и др.

историческим лицам, жившим в те далёкие времена, зафиксированы с середины XIX столетия.

В фондах Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан имеются документы (тексты вариантов дастана, комментарии или объяснительные записки к некоторым текстам, переписка ученых-филологов о дастане «Идегей» и пр.). Введение материалов фонда Центра письменного наследия ИЯЛИ им. Ибрагимова АН РТ по «Идегею» в научный оборот начато с 1940 г. Ф.И. Урманчеев, впервые привлечший к рассмотрению все имеющиеся печатные и рукописные татарские варианты сказания, указывает, что в архиве ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова хранится рукопись, датированная 1854 г. и записанная у неизвестного информанта неким Габиудуллой Ахмеджан улы, затем им же переписанная¹ Интересен факт упоминания в этом варианте Идегея как бека, который жил в селе Большие Тарханы (ныне сельское поселение Большие Тарханы в Тетюшском районе Республики Татарстан). Рукопись² на арабской графике, суть содержания которой определяется рассказом фабульного характера об истории богатырских деяний Идегея, резиденция которого якобы находится в Больших Тарханах, его борьбу за свободу своего народа против внешних врагов. В данном варианте отсутствует линия сюжета борьбы Идегея с Токтамышем. В сюжете достойно внимания присутствие образа Норадын би как сына и внука Токтамышша, таких топонимических названий Поволжья, как Чулман (река Кама), Нукрат (река Вятка), Идель (Волга). Текст небольшого объема (всего 4,5 листа), прозаические эпизоды фабульного характера, стихотворная часть занимает меньше четверти текста. В композиционном плане текст представляет собой диалог между Идегеем би и Норадын би. В целом как фольклорное или литературное произведение данный вариант уступает остальным татарским вариантам, но он весьма важен при выявлении генетики, ареала времени и места распространения дастана «Идегей» и системном изучении всех его версий и вариантов в сравнительно-историческом и сравнительно-типологическом плане. Следует указать, что по объему, примитивности сюжетной линии, структуре этот вариант очень близок со считающимся одним из алтайских вариантов «Мырат пи», который впервые был издан В.В. Радловым³. Текст вызывает огромный интерес тем, что найден в Поволжье и переписан поволжским татаринном.

¹ Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань: Фэн, 1999. С. 7.

² Идегей // Центр письменного наследия им. Г. Ибрагимова АН РТ, неописанный фонд.

³ Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Ч. I: Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб.: Тип. Имп. АН, 1866. С. 200–204.

Вариант, который представлен в хрестоматии Н.И. Березина (1862) как туркменский, по мнению некоторых учёных, таких как П.М. Мелиоранский, Н.И. Исанбет, также следует считать татарским вариантом, зафиксированным на письме в середине XIX в. Такой вывод позволяет сделать сравнительно-лингвистический анализ образца. Следует обратить внимание на то, что язык памятника мало подвержен арабо-персидскому влиянию, скорее это – кыпчакско-татарский письменный язык периода Золотой Орды. Если провести параллели с этим памятником и «Дафтар-Чингиз-наме», то можно найти много общего в языковом плане. Наличие в нем лингвистических особенностей, относящихся к казанскому, т.е. среднему диалекту татар, сформированному на основе кыпчакского языка, также много общего в сюжете и стиле с фольклорными произведениями об Идегее, распространенными среди поволжских татар, оставляет место серьезно задуматься о генетике произведения «Идегей». Поволжский регион отнюдь не чужд для знаменитого сюжета, скорее, наоборот, испокон веков Идегея здесь любят как родного, поднимают эту личность на пьедестал, воспевая его деяния в народных сказаниях. Отношение народа к своему герою имеет огромное значение. Историко-героические сказания, распространенные в Поволжье после распада Золотой Орды, разрушение государства с глубоким сожалением связывают с богатырской смертью Идегея.

В конце 60-х гг. XX столетия В.В. Радлов записал от сибирских татар несколько вариантов дастана на эту же тему. Поэтические и смешанные с прозой дастаны с названиями «Идеге пи», «Токтамыш хан» (в двух вариантах), «Аксак Тимир», «Йыр» («Песнь»)¹ – образцы большого цикла эпоса об Идегее. Стиль и сюжет этих памятников не противоречат друг другу, а наоборот, выступают как части единого целого, и это позволяет им слиться в один цикл под общим названием «Эпос об Идегее». В них поется о делах государственной важности, о достойном хане и герое-богатыре, которые до поры до времени составляют взаимовыгодный союз и действуют во благо народа. Однако злодеяния врагов и сила обстоятельств приводят к разногласиям между ханом Токтамышем и Идегеем, между Идегеем и его сыном Мырадыл (в некоторых вариантах – Морадым или Норадын), между ханом Токтамышем и Мырадыл, затем между внуком Токтамыша Ысмаилем и Мырадылом. «Ил тоткан канга туяр, мал тоткан ашка туяр» / Кто правит миром, страной, у того деяния связаны с кровопролитием, тот, кто правит стадом, будет сыт и богат. *Перевод автора* / – это изречение отца Идегея из «Идеге пи» полностью раскрывает суть

¹ Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар / Сост. Ф.Ф. Юсупов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. С. 99–117, 199–208, 267–276, 208–140.

произведения. «Идеге пи» заканчивается словами: «Ысмаил Мырадылның пашын кисти... Аннан соң Ысмаил пабасының урынына кан булды йуртын тудуп» / Ысмаил отрезал голову Мырадыла... Затем Ысмаил стал ханом вместо своего деда Токтамыша и правил его миром. *Перевод автора* / . Общую тему «Идеге пи», «Токтамыш хан», «Йыр» следует определить как внутренний раздор и войны в государстве на уровне правителей. Эти варианты сказаний об «Идегее» следует считать принадлежавшими к числу наиболее полных и хорошо сохранившихся. Об информанте данных эпических вариантов нет подробных сведений, кроме того, что сам В.В. Радлов указывает, что записал их у барабинских («Идеге пи») и тобольских («Токтамыш хан», «Йыр» и еще один вариант «Токтамыш хана») татар.

В 2004 г. в составленный и изданный Ф.В. Ахметовой-Урманче сборник татарских дастанов были включены три объемных варианта «Идегея», рукописи которых хранятся в фондах Центра письменного наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ¹. Тексты² названы «Идегэ дастаны» («Дастан «Идэгэ»), «Мырат пи» («Мырат би»), «Идэгэ пи» («Идеге би»). Они значительно отличаются друг от друга по стилю, последовательности событий, образной системе, присутствием или отсутствием того или иного эпического мотива в дастане, но в то же время они объединяются под общим сюжетом. Среди общих черт этих эпических памятников также следует назвать не менее значимый факт – все они в разные годы записаны у татар, проживающих в Западной Сибири. Преимущество фольклорного сюжета могла осуществиться именно в спокойной, сравнительно далекой от цивилизации местности, что и произошло с известным сюжетом об Идегее. Именно по этой причине основной потенциал средневекового сюжета о правлении ханов и событиях в государстве Золотая Орда в определенный период истории объединился среди татар, проживающих на сибирских просторах.

Вышеназванные и др. варианты дастана, являясь ценными источниками для изучения особенностей структуры и содержания эпоса об Идегее, дают много информации о форме и географии бытования татарского дастана, но, к сожалению, они повторно не были изданы в татарских печатных изданиях.

В центре письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ хранится рукописный текст, записанный у Сыддык-карт, но его трудно назвать первичным аутентичным вербальным памятником, так как Н.Г. Хахимом были внесены некоторые изменения и поправки в текст эпоса. После записи Н.Г. Хахим несколько раз переписывал текст «Иде-

¹ ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 52. Оп. 1, ед. хр. 184, 187, 198.

² Татар эпосы. Дастаннар. Казан: Раннур, 2004. С. 286–331, 331–333, 338–352.

гэ». Несколько рукописей дастана хранятся в фондах Центра письменного наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан¹. Первичная и последующая обработка и внесенные поправки доказываются при сравнении всех рукописей «Идэгэ», сданных Н.Г. Хакимом в архив или же в сравнении с «живыми» текстами, например, записанными В.В. Радловым в той же Сибири. В конечном итоге произведение обрело совершенно другую форму – было обновлено, воссоединено с записанными ранее у других представителей сибирских татар фрагментами на этот же сюжет. Н.Г. Хакимов – ученый Казанского государственного педагогического института, доцент, зафиксировал текст дастана со слов информанта в том виде, как передал его Сыддык-карт, затем обработал, расширил, дополнил, иными словами, составил сборный текст. Вариант «Идегея» Н.Г. Хакимова – полный и объемный текст, в котором присутствуют и проза, и поэзия, но прозаической части значительно больше, чем рифмованных строк.

«Идэгэ» Н.Г. Хакимова в свое время заинтересовал таких выдающихся ученых, как А.Н. Самойлович, В.М. Жирмунский (об этом подробнее написано в главе «Исторические пути формирования татарского эпоса»). Вариант дастана получил высокую оценку А.Н. Самойловича. По этому поводу он написал: «Запись сказания о Едигее и Тохтамыше, произведенная Н.Г. Хакимовым со слов Сыддык-карта ... является обширной и наиболее в литературном отношении ценной». Среди известных ему экземпляров он ставит вариант Н.Г. Хакимова на четвертое место. С 1919 года к информанту Сыддык-карту, к сожалению, никто больше не обращался, сегодня уже нет возможности восстановить аутентичный текст «Идегэ» в его исполнении. Вариант Н.Г. Хакимова впервые был подготовлен к печати и опубликован фольклористом Ф.В. Ахметовой в 2003 г. в журнале «Казан утлары»². Позднее дастан был включен в сборник «Татар эпосы. Дастаннар» («Татарский эпос. Дастаны») (2004).

При сопоставительном изучении варианта Н.Г. Хакимова с другими национальными версиями дастана выясняется, что памятник относится к книжной разновидности эпоса³ Вариант Н.Г. Хакимова – обработанный, усовершенствованный в стилистическом плане дастан, что вполне допустимо для книжной разновидности эпоса при условии, что его основу составляет изустный «живой» эпос, записанный от сказителя. В варианте Н.Г. Хакимова сохранены все эпические традиции, идущие из глубины ве-

¹ ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 52, оп. 1, ед. хр. 166, 167, 176, 177, 178 и др.

² Идегэй. Казан утлары. 2003. № 9. С. 102–135.

³ Мухаметзянова Л.Х. Дастан «Идегей: книжная версия татар Поволжья // Вестник Челябин. гос. ун-та. Филол. и искусствоведение. 2014. Вып. 91. № 16 (345). С. 94–98.

ков; сюжет, последовательность событий и идея произведения соответствует всем требованиям тюркского эпоса.

Немного позже, в конце 30-х гг. XX в. писатель и фольклорист Н.И. Исанбет, собрав тексты всех устных вариантов, записанных у татар, проживающих в Сибири, вариант Н.Г. Хакима в том числе, также рукописи, найденные в Поволжье, обработал их вместе с учеными-фольклористами ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. В результате искусной обработки огромного фактического фольклорного материала был составлен поэтический текст дастана. Дастан имеет огромную ценность в масштабе мирового эпоса, так как произведений историко-героического национального татарского эпоса, исполненных на уровне «Идегея» весьма мало. Будучи подвергнутым специальной индивидуальной обработке, но при этом сохранивший во всей полноте верность народным традициям такого рода эпос-дастан – удивительный труд, требующий от писателя-обработчика огромной ответственности. Полученный подобным образом литературно-фольклорный шедевр впервые был опубликован в 1940 году в журнале «Совет эдэбияты»¹ («Советская литература») в стихотворной форме.

«Идегей» – знаменитое эпическое произведение, общее достояние многих тюркских народов, вошедших в свое время в состав государства Золотая Орда – оригинален тем, что бытовал в виде сказаний со времен Средневековья, в XX в. буквально на глазах он обрел вторую, уже литературно обработанную новую жизнь. Истоки этого замечательного дастана с глубоким идейно-художественным содержанием относятся к XV в. «Идегей» – исторический дастан, сохранивший специфику сюжетов и мотивов архаического эпоса. Все это в совокупности делает дастан на древний сюжет особенно интересным и своеобразным, поднимая его на новый уровень наравне с другими образцами мирового эпоса. Устно декламируемый и напевно исполняемый и своевременно не зафиксированный на письме «живой» эпос так или иначе имеет тенденцию к исчезновению. А стадияльно поздние письменные дастаны об Идегее в изданных книгах продолжают свое существование, вариант Н.И. Исанбета переведен на русский язык².

Итак, нами был представлен последовательный процесс возникновения и развития татарского дастана «Идегей». От устных сказаний до письменных дастанов татарский «Идегей» в первую очередь ценен в качестве стихотворно-изобразительной энциклопедии жизни этноса, как обобщенная эпическая картина бытия татар. Модель преемственности эпического фольклора ярко отражена в татарском «Идегее». Обращение

¹ Идегай // Совет эдэбияты. 1940. № 11. Б. 39–76; № 12. С. 34–82.

² Идегей. Татарский народный эпос. Перевод С.Липкина. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 256 с.

к общетеоретическим проблемам генезиса эпоса «Идегей» неопровержимо доказывает присутствие в каждой из разновидностей эпоса на сюжет об Идегее основной идеи о государственности. В мировом эпосе татарский историко-героический «Идегей» представляет собой масштабное феноменальное явление, и, без всякого сомнения, имеет свое достойное место.

Прототип Чура батыра – кто он?

Народный героический эпос составляет значительную часть истории, культурных традиций, менталитета народа, является важнейшей формой выражения этнополитического самосознания. Историческая разновидность дастана, т.е. героический эпос – это своего рода сложный механизм, отражающий ход и последствия минувших крупномасштабных событий. Героический эпос – объемный эпический жанр фольклора, на него не возлагается функция документально точного отражения нюансов реальных событий. Эпос был и остается исключительно важным источником в научном, общественном, культурном и воспитательном аспектах.

В литературном наследии тюркских народов есть произведения, которые сложно причислить к какому-либо определенному народу, будь то татары, казахи, ногайцы, башкиры, узбеки, азербайджанцы, туркмены, киргизы и т.д.; они являются общим достоянием всех представителей тюркского этноса. К таким произведениям можно отнести и исторические дастаны, повествующие о Чура батыре. Все они относятся к периоду Казанского ханства, а именно к середине XVI в. Памятниками о Чура батыре изобилует и татарское народное творчество. Они в основном имеют традиционный устный фольклорный генезис, далее продолжают свое существование в книжной разновидности татарского эпоса и сферы словесности. Объемный дастан и его варианты¹, историческая песнь (или байт)², многочисленные предания³ посвящены этому образу в истории татар. Заслуживает особого внимания произведение, впервые опубликованное в 1862 году в «Турецкой хрестоматии» И.Н. Березина под названием «Хикаят о Наренг и Чура-батыре»⁴. В книгу 1984 г. издания «Татар халык ижаты. Дастаннар»⁵ текст дастана был включен из данной хрестоматии.

В научной литературе фигурирует мнение о том, что прототипом дастанного Чуры батыра является общественно-политический деятель

¹ *Баязит Р.* Яна кала. Чура батыр // Ак юл. 1915. № 16. Б. 282–286; Кыйссаи Чура батыр. Казан: Вечеслав тип., 1884. 16 б.; Юлдаш К. Чура батыр // Аң. 1916. 5 нче сан. Б. 85–86.

² Казан тарихы // Насыири К. Календарь 1881 елга. Казан, 1880. 365 б.; Казанская история // *Катанов Ф.* Исторические песни казанских татар. Казань, 1899. Б. 5–22.

³ Татар халык ижаты. Риваять һәм легендалар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәрмәләре язучы Гыйләжетдинов С.М. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б. 51–53.

⁴ *Березин И.* Турецкая хрестоматия. Казань, 1862. С. 41–56.

⁵ Татар халык ижаты. Дастаннар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. Б. 108–119.

Казанского ханства Чура Нарыков. Подобного научного взгляда по отношению к герою исторических дастанов и преданий Чура батыру придерживаются некоторые филологи, исследующие тюркский эпос (Ф.И. Урманчеев¹ и Л.Х. Ибрагимова², также историки, например, Д.М. Исаков³, Х. Паксой⁴ и др.

В исторических трудах, посвященных истории Казанского ханства, сохранились редкие сведения о деятельности Чуры сына Нарыка. Связь дастанного Чуры батыра с личностью реального Чуры бека Нарыкова также доказывается и шежере «Родословная Чура-батыра», найденной М.И. Ахметзяновым⁵, где указано, что Чура сын Нарыка восходит к родам Кулес, Тама и Нарык. В дастане этот факт подтверждается в строках

*«Асылымны сорасаң –
Кукес углы Тамамән»
/ Спроси о моем роде – я из племени Тама из рода Кукес /.*

Итак, без каких-либо натяжек главный герой исторического эпоса связывается с реальным человеком. Тексты татарских и других тюркских эпических произведений, в основании которых лежат исторические события из жизни Казанского ханства, также способствуют усилению внимания к народному герою, создавая возможность рассмотреть в сравнительном плане судьбы исторического и дастанного Чуры.

Как известно, с конца XV в. Казанское ханство соперничало с Великим Московским княжеством, и в итоге в середине XVI в. было завоевано более сильным русским государством. В исторической памяти народа этот факт истолковывается весьма своеобразно, и это грандиозное событие не могло не отразиться в эпическом фольклоре. Реакция на непосредственное влияние взятия Казани на казанских татар прозвучала в эпических жанрах народного творчества, и в первую очередь в дастанах. Героический дастан «Чура-батыр» дорог и ценен тем, что является своего рода эхом событий, воспринятых народом как национальная трагедия. Этот созвучный с национально-освободительной борьбой татарского народа эпос в историко-традиционном плане по своему стилю, форме бытования и распространения представляет огромный интерес для современной науки и широкой

¹ Урманчеев Ф.И. Чура батыр // Мирас. 1995. № 7–8. С. 17–27.

² Ибрагимова Л.Х. Төрки халыклар ижатында «Чура батыр» дастаны. Казан: Фикер, 2002. Б. 7–27.

³ Исаков Д.М. Чура батыр кем ул? // Идел. 1994. № 9. Б. 17–19; Исаков Д.М. Чора-батыр – кто он? // Исаков Д.М. Исторические очерки. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 154–162; Исаков Д.М. Халкыбызның эпик истәлекләрендә милли тарих // Туған жир. Төбәк тарихы буенча журнал. Махсус сан. 2022, II. Казан, 2022. Б. 110–153.

⁴ Паксой Х.Б. Чура батыр кисәтүе // Идел, 1994. № 9. Б. 9.

⁵ Әхмәтҗанов М.И. Нугай урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: Мәгариф, 2002. Б. 323–324.

общественности. В фольклоре редко случается, что в творчестве одного и того же народа один и тот же сюжет, тема и образы встречаются в различных по жанру и форме народных произведениях. Самым полным и объемным из текстов данного произведения является тот, который вошел в хрестоматию И. Березина. Эпические мотивы, идеи, сюжеты и стиль общетюркского эпоса «Чура-батыр» в историческом масштабе имеют свое достойное место. Основываясь на исторических источниках, проведем здесь исследование основных этапов жизнедеятельности Чуры Нарыкова.

Жизнь и деятельность Чуры сына Нарыка приходится на период с начала по середину XVI в., если быть более точным, то с 1500 по 1546 гг. Как показывают исторические источники, в 20-е годы XVI в. он занимал важный государственный пост при правительстве Казани; с этого времени начинается его активная политическая деятельность. В данный период истории Казанского ханства, отмеченный правлением ханов: Сафа-Гирея (1524–1532), Джана-Али (1532–1533), снова Сафа-Гирея (1533–1546), Шаха-Али (царствует 1 месяц в 1546), Чура Нарыков является одним из тех, кого по праву можно назвать вершителями судеб страны. Поистине, эти годы стали самыми сложными и противоречивыми для народов, заселяющих Казанское ханство. Государственный трон занимали ставленники из Крыма или Москвы. Сафа-Гирей происходил из рода Гиреи в Крыму, Джан-Али и Шах-Али получили русское воспитание; они – сыновья касимовского хана, московского ставленника Шейха-Аулияра. Эти обстоятельства сыграли негативную роль во внешней и внутренней политике Казанского ханства, внеся раскол, как в государственное устройство, так и в среду народа. В подобных условиях представляется весьма сомнительным, что в период, когда ханство как никогда нуждалось в сохранении самостоятельности, пришедшие извне ханы способны были решить эту задачу. Поэтому правление ханов-ставленников вызвало волну негодования и недовольства со стороны членов общественно-политических групп. Когда подобные протестные настроения созрели против хана Сафа-Гирея, оппозиция обратилась за помощью в Москву. В 1541 г. из Казани в Москву была отправлена делегация во главе с человеком по имени Чабык. В обращении к князю сказано: «Ныне казанским людям вельми тяжко, [Сафагирей] у многих князей ясаки поотымал да крымцам подавал, а земским людям великая продажа, копит казну да в Крым отсылает (П.С.Р.Л. VIII, 295)»¹ В истинном положении вещей, сказанных в данном обращении, не приходится сомневаться. Однако, если посмотреть на это с другой стороны, то факт раскола единства в народных массах, в особенности же в правящих кругах Казанского ханства, налицо.

¹ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства / Репринт. воспроизв. изд. 1923 г. Казань: Фонд ТЯК, 1990. С. 101.

На Джана-Али и Шаха-Али также не приходилось возлагать каких-либо светлых надежд. Первый из них воссел на казанский трон в возрасте 15, второй – 13 лет, и они были начисто лишены способности вести мудрую и взвешенную политику. Помимо прочего, эти правители были безвольными марионетками Русского государства, осуществляя свою деятельность в угоду Москве.

Крым и в Москве было невыгодно возвращение Казанскому ханству его бывшего могущества и самостоятельности. Каждое из этих государств осуществляло свою политику, сообразуясь с собственными интересами. Естественно, в этих непростых обстоятельствах вести независимое управление Казанским ханством было весьма затруднительно. К тому же ситуацию усугубляла усилившаяся с 40-х годов XVI в. внешняя агрессия Русского государства в отношении восточных соседей. Не секрет, что последний период существования преемника Золотой Орды, некогда процветающего Казанского ханства, был ознаменован борьбой против колониальной политики усилившейся Москвы.

Какую же деятельность вели в этот политический период наиболее приближенные к правящим кругам мурзы и бии, которые составляли аристократическую прослойку государства? К сожалению, такие государственные деятели, как Булат-Ширин и Нурали-Ширин, Гаухаршад, Саит Бюрган, Чура Нарыков, Кучак, Кадыш-мурза, Тагай-мурза и др., сплотив воедино ханское управление, не смогли объединить народ Казанского ханства в достижении одной общей цели. В период первой пол. XVI в., да и на всем протяжении существования Казанского ханства, в рядах правителей не было ни одного уроженца Поволжья, который из социальных низов достиг столь высокого положения благодаря своим способностям и талантам. Согласно положению, утвержденному в Золотой Орде, ханский престол в татарских государствах, в том числе и в Казанском ханстве, мог занять только джучид, т.е. представитель аристократического рода потомков Чингиз-хана. А в конце XV – первой четверти XVI в., хоть и на короткий период, но все же после того, как ханство перешло в зависимость от Русского государства, усилилось влияние московского князя. Татары и вовсе лишились права избирать себе хана.

В исторических источниках имя Чуры Нарыкова впервые упоминается именно в эти смутные годы. Как отмечает видный татарский историк Хади Атласи: «В марте 1526 г. от хана Сафар-Гирея в Москву прибыли послы: Кази-бек, Чура-бек и Давул-бахши. На сей раз они встретились в Москве с Герберштейном, посланцем от Карла V»¹ Значит, в 1526 г. Чура достиг того возраста, который позволял ему принимать участие

¹ Атласи Н. Себер тарихы. Сөнбикә. Казан ханлыгы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. Б. 298.

в государственных делах. Известно также, что до 1546 г. он состоял в составе правительства. Если даже принять во внимание то, что он погиб приблизительно в сорокалетнем возрасте, вполне вероятно, что вышеупомянутый посол по имени Чура-бек и есть тот самый Чура сын Нарыка. Что касается обстоятельства присвоения ему в 20-е гг. высокого звания «бек» в столь молодом возрасте, то на этот счет могут возникнуть два мнения. Во-первых, у татар слово «бек», следующее за мужским именем, означало «господин». Во-вторых, мурза Чура, сын Нарык-бека, титул «бек» получил уже в результате активной политической деятельности. Можно предположить, что свою деятельность в качестве дипломата он начал задолго до отправления вышеупомянутой делегации в Москву, однако об этом в источниках нет ни единого упоминания.

В справочной литературе слову «чура» дается следующее объяснение: чура – политический вассал ханов в период Золотой орды, военный предводитель. В исторической литературе есть масса примеров, когда в отношении Чуры Нарыкова применяется данный высокий титул. Таким образом, мы можем заключить, что Чура – представитель аристократического сословия, который жил в первой пол. XVI в. Титул «бек» («би», «бий», «эмир») присваивался тому, во владении которого был значительный участок. Крупные феодалы, как правило, происходили из аристократических родов. Если рассуждать, опираясь на законы Казанского ханства об общественном устройстве, то в распоряжении у Чуры-бека находилась земля, оставшаяся ему по наследству от его отца, а его вооруженное войско было под ведомством самого хана. По словам неизвестного автора «Истории Казани», Чура, помимо 500 служилых (проходящих военную службу. – Л.М.) вооруженных рабов, владел также 1000 воителей-яугиров и примкнувших к нему князьями¹

Со временем Чура-бек начинает играть важную роль во внешней политике своей страны в вопросах взаимоотношений с Крымским ханством и Москвой. Это происходит именно в тот период, когда внутривосточные силы разделяются на два противоположных лагеря, образуются восточная и западная или русская партии. Условно восточная партия во внешней политике ориентирована на союз с Крымским ханством, а западная держит курс на Русское государство.

Чура Нарыков примкнул к промосковским мурзам. Представители западной партии, ратующие за союз с Русским государством, ведут активную деятельность в составе правительства ханства на протяжении 15 лет, т.е. с 1531 по 1546 гг. Разгар внутривластных распри в Казанском ханстве также приходится на период с 1530 по 1546 гг. Об этом свидетельствуют частая смена правящих ханов, распри и конфликты

¹ Казанская история (Ист. повесть 16-го в.). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 82.

между двумя противоборствующими группировками и, наконец, продолжающиеся военные столкновения с Русским государством.

Х.М. Атласи, рассказывая о «возвращении Василия Беречинского в Казань 11 февраля 1534 года», снова упоминает о некоем человеке по имени Чура. Однако следующие слова Х.М. Атласи «этот человек (Василий Беречинский. – *Л.М.*) поехал в Казань, чтобы оповестить Джан-Али хана о смерти Василия и становлении его сына Ивана в качестве великого князя. Чура вместе с Василием приезжает в Москву. Учитывая, что Чура был из рода мулл города Казани, Джан-Али отправляет его в качестве посла в Москву»¹ снова наталкивают нас на вывод, что Чура не имеет никакого отношения к Нарыкову, т.к., во-первых, первый происходит из рода мусульманских служителей, а во-вторых, при первом же упоминании в исследовании Х.М. Атласи Чура представлен как человек, сведений о котором ранее никаких не было. Чура Нарыков же, начиная с 1526 года, в исторической литературе личность весьма известная, поэтому в отношении последнего в своих трудах историк употребляет выражение «известный политический деятель».

С 1526 по 1531 год – период сравнительно спокойный и стабильный в жизни Чуры-бека. В эти годы Чура-бек становится видным общественным деятелем, политиком, искусным дипломатом. Но здесь снова возникает вопрос: ведь в Казанском ханстве был не один только придворный политик или дипломат по имени Чура. В исторической литературе это имя употребляется довольно часто. Например, в интересующий нас период в источниках встречаются: Колчура, муллазаде (сын муллы) Чура, Чура Кадышев, Бикчура, Чура Кадыев, Шахчура, Качура и др. Вообще, в I пол. XVI в. это имя в ханстве было очень популярно. Возможно, именно этим объясняется большое количество мест в топонимике современной территории Татарстана, связанных с именем Чура. В пользу этого довода можно привести лишь несколько примеров по республике Татарстан: деревня Чурабатыр в Нурлатском районе яма Чура би, упоминаемая в многочисленных татарских легендах и преданиях, река Чураби, протекающая вблизи деревни Караужа (Карауджа, д. Кургузи) Зеленодольского района и т.д. Вполне вероятно, что одно из таких мест связано с Чурой сыном Нарыка. Проследивая далее судьбу этой личности по историческим документам, замечаем, что вновь его деятельность активизируется в 1546 г. Однако, прежде чем, перейти к этой дате, сделаем небольшое отступление.

Известный советский археолог, исследователь истории и культуры народов Поволжья М. Худяков в истории Казанского ханства период с 1521 по 1550 гг. оценивает как время подъема самосознания и укрепления

¹ *Атласи Н.* Себер тарихы. Сөнбикә. Казан ханлыгы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. Б. 305.

патриотических чувств у населения. Но раскол общества на два противоборствующих лагеря, один из которых держал курс на Крым, другой – на Москву, также приходится на эти годы. Вполне объяснимы ход мыслей и действий Крымского и Русского государств, преследующих свои интересы в отношении Казанского ханства. Раздираемое между двумя сильными соседями государство татар начинает стремительно терять единство и стабильность во внутреннем устройстве. Приведем один только пример: 1 марта 1519 г. казанский престол по указанию Москвы занимает Шах-Али, которому на тот момент едва исполнилось 13 лет. Конечно, малолетний хан ничего не мог сделать для укрепления и сплочения страны, но его и посадили на трон отнюдь не с этими целями. В это время у стен Казанского Кремля русские выставили свои вооруженные отряды, по сути, ханством управляют русские послы. В таких условиях внутри ханства за короткий срок назревает оппозиция против неспособного и слабого правителя. Сторонники этой оппозиции находят поддержку со стороны Крымского государства. Вскоре во главе Казанского ханства становится выходец из Крыма – Сахиб-Гирей.

Таким образом, управление Казанским ханством попеременно сосредотачивается в руках то Московского, то Крымского правительств. Частая смена ханов на Казанском троне становится обыденным и привычным явлением как для народа, так и для аристократии. Раскол в обществе, произошедший некоторое время назад, еще более усиливается: одни с еще большей надеждой смотрят в сторону Крыма, другие – продолжают искать поддержку у Москвы. Хотя в умонастроениях общественных и политических деятелей Казани все еще теплится стремление не потерять остатки государственной самостоятельности, все же в этот важный для ханства период национальному самосознанию не удастся сплотить воедино противоборствующие элементы внутри страны. Постепенно готовятся предпосылки для подчинения Казанского ханства Русскому государству. После неудачного военного похода на Казань в 1530 году русское правительство склоняет казанских послов к заключению союза с Москвой, мол, этот союз на руку ханству. Эту идею активно поддерживают члены русской партии в Казани. Находясь на службе при правящей верхушке в ханстве вот уже на протяжении 15 лет, они вовсе не намерены ослаблять вожжи в своих руках.

С 1521 по 1531 г. казанский престол занимали представители крымской династии Гирей (1521–1524 – Сахиб-Гирей, 1524–1532 – Сафа-Гирей). Во главе оппозиционной группировки против этих ханов стоял известный деятель Булат Ширин. После свержения в 1531 году хана Сафа-Гирея оппозиция еще более активизировалась, увеличив в своих рядах сторонников в лице мурз и беков до 70–80 человек. Наиболее видными сторонниками этой партии выступали: Нурали Ширин, Гаухаршад,

Саит Бюрган, Кадыш, мурзы Отуча, Баубек, Чура-бек (Чура Нарыков), мурза Кулыша и др. Активный период деятельности Чуры-бека как раз и связан с этой группой. Поэтому политическую биографию Чуры-бека нужно рассматривать в связи с ней.

Как известно, в 1532 г. на место изгнанного Сафа-Гирея пришел Джан-Али. Очевидно, что переворот, связанный со сменой власти в ханстве связан с нажимом небезызвестной партии. Было бы необъективно утверждать, что, учитывая свою прорусскую ориентацию, члены этой партии, в том числе и Чура-бек, были предателями своего народа. М. Худяков пишет об этом так: «...переворотом 1531 года русская партия была обязана не искреннему желанию поставить Казанское ханство в зависимость от иностранцев, а стремлению спасти государство от дальнейшей войны и от продолжения агрессивной политики ханов Гиреев»¹. Вполне можно согласиться с данной позицией ученого. Действительно, главной мотивацией данной политической группы было стремление к сохранению самостоятельности ханского государства. В этот период Казанского ханства можно наблюдать следующую картину: при появлении первой же возможности освободиться от давления чужого государства, казанское правительство сразу принялось вставать с колен и вести самостоятельную политику, не считаясь с русским правительством. Например, в 1533 г. в Казанском ханстве рождаются подходящие условия для возвращения к самостоятельности. Это связано с кончиной Василия III и появлением некоторых изменений во взаимоотношениях между Москвой и Казанью. В ханстве авторитет русской партии сходит на нет, напротив, – влияние восточной партии укрепляется, активизируется торговля с ногайцами. Правительство ханства во главе с Гаухаршадом и Булатом Ширином спешит воспользоваться этими изменениями. Неожиданный переворот в политике Казани завершается дворцовым переворотом. И здесь важно отметить следующее: те из чиновников, которые остались недовольны переворотом, покинули свою родину и сбежали на территорию Русского государства. Среди них оказались: Шаабан и Шах-Булат Япанчи, Карамыш и Евлуш Хурсули и др. Однако большинство представителей околоставных социальных групп в переломный исторический период остались на своих местах с намерением и далее служить своей стране и народу. Чура Нарыков был одним из них.

Но приход к власти Сафа-Гирея не привел ханство к самостоятельности. Казань снова полыхала: крымский хан сплотил вокруг себя приближенных, при этом они не наметили общих целей. Представители русской партии в ханстве считали, что крымское давление ничем не отличается

¹ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства / Репринт. воспроизв. изд. 1923 г. Казань: Фонд ТЯК, 1990. С. 310.

от московского, т.к. изгнанный с трона в 1531 году Булатом мурзой и Чурой Нарыковым Сафа-Гирей в государственных делах больше опирался не на них, а на верных ему крымчан. Таким образом, ханство переживало новый виток потрясений. Оппозиция против хана в лице Булата Ширина, Чуры Нарыкова и др. усилилась, она вновь встала на сторону Москвы и в тайных переговорах с русскими обсуждало пути избавления от неугодного им Сафа-Гирея. Скажем, в мае 1541 года казанские послы, приехав в Москву, передали о состоянии дел в ханстве русскому князю. Доклады ханских беков и мурз московскому правительству об обстановке в Казани стали в те годы обыденной вещью.

В начале 1545 г. в Казани готовился второй по счету переворот по свержению Сафа-Гирея. Русские воинские подразделения с трех сторон подтягивались к столице Казанского ханства. Но на деле, по причине слабой подготовленности мятежа, переворот потерпел фиаско. Это событие не прошло бесследно. Вышедший из себя Сафа-Гирей начал вести репрессивную политику, которая повлекла за собой очередную волну эмиграции татарских чиновников в Москву. Для предводителей оппозиции Булата мурзы и Гаухаршата начались гонения: их отстранили от занимаемых должностей и вынудили отдалиться от политических и государственных дел. М. Худяков достаточно высоко оценил деятельность партии во главе с этими личностями, однако отметил на недостаточность источников и документальных материалов для более глубокого ее изучения.

Предпринятые Сафа-Гиреем меры против оппозиции и ее предводителей оказались недостаточными и не достигли своей цели. Место Булата Ширина и Гаухаршата занял проработавший с ними долгие годы «сеид Беюрган, князь Кадыш (брат князя Отуча) и талантливый деятель Чура Нарыков». Таким образом, происшествия 1545 года привели Чуру Нарыкова в самый эпицентр дальнейших политических событий. Тем временем, умонастроения людей Казанского ханства были направлены на обретение государственной самостоятельности и независимости, и в один из решительных моментов на политической арене появилась фигура Чуры Нарыкова. За годы деятельности в составе русской партии Чура-бек обрел немалый опыт, а вместе с ним усовершенствовал и дипломатическое мастерство; он стал во главе оппозиции.

Летом 1545 г. группа Чуры Нарыкова обратилась в Москву с просьбой оказать им военную помощь. «В июле 1545 года, – пишет Х.М. Атласи, – казанские беки Кадыш и Чура послали к Ивану своих людей и просили выслать войско на Казань. Они надумали взять под стражу Сафа-Гирея, а также его приближенных из числа крымских беков и выдать их русским. Могла ли быть для Ивана новость лучше, чем эта? Он выслал своего посла к Кадышу и Чуру с приказом о взятии в плен хана; также заверил их,

что в скором времени на подмогу вышлет им войско»¹. Все же, возможно, по причине неудачного похода на Казань в 1545 г., русское правительство с осторожностью подошло к просьбе казанцев об оказании им военной помощи, тем более, что до конца оно им не доверяло. В ответ на эту просьбу правительство Москвы заявило, что вышлет в Казань войско только после того, как оппозиция снимет с ханского престола Сафа-Гирея. Поэтому партии Чуры-бека оставалось рассчитывать исключительно на свои силы. Не удивительно, что для таких высокопоставленных чиновников Казани, как Саит Боерган и Чура Нарыков, жесткие репрессивные меры хана, которые обостряли и без того натянутую внутри государства ситуацию, казались намного хуже, чем проводимая в отношении Казанского ханства политика Москвы.

Наконец, готовившийся столь длительное время переворот осуществился в январе 1546 г. – Сафа-Гирей был низвергнут с ханского престола. В Казани организовано временное правительство в составе Саита Боергана, Кадыша мурзы и Чуры сына Нарыка. Но ошибочно было бы полагать, что, несмотря на изначально прорусскую ориентацию данного правительства, оно исполняло свою деятельность исключительно во благо московского правительства. Нижеследующие исторические факты доказывают ошибочность данной установки.

Известно, что в 1546 г. после своего изгнания с престола Сафа-Гирей вновь направился в Казань. Получив военную помощь от правительства Астрахани, Сафа-Гирей окружил город. Как отмечает Х.М. Атласи, Сафа-Гирей полагал, что «лучшие люди Казани желают вернуть его к власти. Несмотря на эти чаяния, никто из беков и их сыновей к нему не пришел»². Получается, не только прорусски настроенные казанцы, но и представители восточной партии отвергнули своего бывшего правителя, крымского хана. Как же это объяснить? Конечно, из-за стремления Казанского ханства к самостоятельной и независимой политике. Престол, наконец, освободился от иноземных ставленников – подходящий момент для обретения независимости. В 1535 г. (в некоторых источниках – в 1533 г.) после убийства хана Джана-Али в ханстве уже намечался такой порыв.

Итак, временное правительство отразило нападки Сафа-Гирея. Для обновления межправительственного договора и обсуждения кандидатов на казанский трон из Москвы в Казань прибыло посольство. Несмотря на различие мнений в ханстве по вопросу престолонаследия, сильное влияние русского правительства берет верх, и следующим ханом вновь назначается Шах-Али.

¹ *Атласи Х.* Себер тарихы. Сөнбикэ. Казан ханлыгы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. Б. 318.

² Там же. С. 145.

В данной ситуации обратим внимание на некоторые факты из деятельности правителей Казани Сайта Боергана, Кадыша мурзы и Чуры-бека. В марте 1546 года новоиспеченный хан Шах-Али прибыл в Казань с четырехтысячным войском, из них было три тысячи – касимовских, тысяча – русских военных. Казанцы с недоверием поглядывали на нового хана, московского ставленника, старались контролировать его действия. То, что Шах-Али вошел в город лишь с войском из ста касимовских татар – лишнее тому подтверждение. Русские же военные, сопровождавшие хана, были вынуждены остановиться вне стен Казани. Можно согласиться с мнением историка М. Худякова, который пишет: «Очевидно, правительство сеида Беюргана, князя Кадыша и Чуры Нарыкова, представлявшее русскую партию, не утратило своего национального самосознания и, держа русских в известных границах, смотрело на союз с Москвою лишь как на неизбежную необходимость, но не питало какой-либо сердечной привязанности к соседнему государству»¹.

Мало того, надо признать также, что деятельность партии в составе Булата Ширина, Гаухаршата, Сайта Боергана, Кадыша мурзы и Чуры-бека в течение 15 лет ее существования была направлена на отпор всяким внешним нападениям и притязаниям. В самые сложные и перипетийные этапы в жизни Казанского ханства им не раз удавалось находить компромиссные решения и выходить из них с честью и достоинством. Все эти непростые годы, используя дипломатическое мастерство, они стремились действовать рука об руку с казанскими ханами. Один из самых ярких и талантливых представителей этой группы, Чура Нарыков, всю свою жизнь подчинил службе своему государству и народу. Прежде всего, он был искусным политиком, который всегда был в курсе происходящих событий в стране и за ее пределами; он находил общий язык с простыми людьми², старался услышать их чаяния и, как итог, – заслужил народное доверие.

По законам исторической последовательности, до трагедии в жизни Чуры Нарыкова остается совсем немного времени. Шах-Али, пришедший к власти во второй раз, правит ханством всего месяц. Его авторитет в Казани сведен к нулю. «Несмотря на щедрые восхваления хана Шаха-Али из уст известного чиновника Чуры мурзы и его призывы к народу в проявлении послушания и верности своему правителю, подобные воззвания к подданным ханства не имели успеха»³, – пишет Р. Фахретдин. После сбежавшего Шаха-Али ханский трон вновь занимает Сафа-Гирей. И снова в Казани начинаются аресты и гонения на неугодных. На сей раз кара-

¹ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства / Репринт. воспроизв. изд. 1923 г. Казань: Фонд ТЯК, 1990. С. 110.

² Фахретдин Р. Казан ханнары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. Б. 120.

³ Там же. С. 120.

тельный жезл хана падает на Чуру-бека и его приближенных чиновников. В исторической литературе до этого была распространена версия об убийстве Чуры-бека от руки Сафа-Гирея в 1546 г. По поводу трагической гибели этой личности можно привести всего три версии: 1) он был убит в 1547 г. по приказу хана Сафа-Гирея; 2) он погиб в столкновении с группой казанцев в результате предательства хана Шаха-Али; 3) в 1552 г. Чура-бек вступил в сражение с войском Ивана Грозного, но скорее всего, уже после сражения погиб в кровавой схватке с русскими захватчиками.

Если принять во внимание первую версию, то мотив расправы Сафа-Гирея с Чурой-беком вполне понятен. Он долгие годы возглавлял оппозицию хану, поэтому Сафа-Гирею есть за что предъявить ему обвинения. М. Худяков пишет об этом так: «Казнены были князь Чура Нарыков, князь Кадыш, князь Баубек и другие сторонники союза с Россией»¹. На 105 странице указанного ранее источника эту же информацию доносит до нас Р. Фахретдинов: «Он [Сафа-Гирей] расправился с такими мунафиками, т.е. двуличными чиновниками, как Чура мурза». Эту же версию подтверждает и Х.М. Атласи: «Сафа-Гирей хан предал казни Чуру Нарыкова, Баубека, Кадыш-бека, и кроме них многих других»². Мы также считаем, что Чура-бек был казнен в 1547, а возможно даже в 1546 году, т.к. Сафа-Гирей занял престол в апреле-мае, и за 6-7 месяцев успел распорядиться судьбами своих врагов.

Еще один исторический источник «Казан тарихы» («История Казани») по вопросу о смерти Чуры Нарыкова предоставляет новые сведения. В нем речь идет о его гибели в схватке с казанцами. Дескать, Чура-бек организовал бегство Шаха-Али из Казани в Москву, сам же спустя 10 дней, собрав всех домочадцев хана (жен, детей), 500 вооруженных слуг, 1000 военных, пустился вдогонку за ханом. Однако в условленном месте, где их должен был дожидаться хан, они никого не обнаружили. По какой-то причине хан не сдержал своего обещания и предал Чуру-бека. В этот момент их догнали казанцы» ...и убили они храброго своего воеводу Чуру Нарыковича с сыном его и со всеми отроками его как изменника Казани и царского доброхота. И только жена его с рабынями живой возвратилась в Казань»³. О помощи Чуры Нарыкова хану Шаху-Али в побеге в Москву сообщает и Р. Фахретдинов: «Сафа-Гирей вновь был призван ханствовать. Узнав об этом, Чура мурза вошел в покои к Шаху-Али и

¹ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства / Репринт. воспроизв. изд. 1923 г. Казань: Фонд ТЯК, 1990. С. 111.

² Атласи Х. Себер тарихы. Сөнбикэ. Казан ханлыгы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. Б. 331.

³ Казанская история. (Ист. повесть 16-го в.). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 80..

призвал его бежать до окончания лета, иначе дела могут принять дурной оборот»¹.

По нашему мнению, сплотив первую и вторую версии, можно найти более подробные сведения. Как сообщается в исследовании М. Худякова и в «Казанской истории», «Шах-Али бежал из Казани вниз по Волге на судах. На Волге ему удалось встретить касимовских татар и на их лошадях добраться до русской границы, он поселился в Касимове»². «Когда же царь и воевода его были готовы к побегу и настала ночь того дня, ... проводил Чура царя из Казани до Волги, выпустив его и уговорив бежать. ... Ибо разгневался князь Чура на казанцев из-за царя Шигалея за то, что обманули они царя, не послушавшись его совета, и, клятвенно пообещав ему безопасность, захотели убить его...»³ Об этих же событиях на стр. 122 указанного источника Р. Фахретдин пишет следующим образом: «Шах-Али в праздник Ид аль-Фитр (по словам Соловьева, это событие приходится на 1546 год) бежал из Казани и, сев в лодку, направился в Москву вниз по Волге».

В любом случае, возможно, Чура Нарыков и спровадил хана на побег, хотя прямых указаний на это в источниках не имеется. Таким образом, если соединить между собой две основные версии, то получается, что Чура-бек был приговорен к казни ханом Сафа-Гиреем. После того, как Чура-бек помог Шаху-Али бежать, Чура-бек и сам пустился за ним вдогонку, однако в пути его настигли казанцы и расправились с ним. Итак, у нас складывается следующая картина. Сафа-Гирей, вернув себе власть, сплотил вокруг себя представителей восточной партии, т.е. крымских татар. Параллельно с этим он решил расправиться с неугодной ему группой Чуры Нарыкова. Почувявший опасность Чура-бек призвал Шаха-Али бежать в Москву. В столь смутное и противоречивое время в истории ханства Чура-бек понимал, что ему также необходимо скрыться с глаз хана Сафа-Гирея, хотя бы на какое-то время. Во время побега его настигла группа приверженцев нового хана и умертвила. В живых остались лишь его жены, дочери и рабыни; они были возвращены обратно в Казань. Такой вывод не противоречит по своей сути сведениям из источников.

Таким образом, жизнь Чуры-бека обрывается осенью 1546 года. Можно было бы на этом поставить точку в наших исследованиях. Однако третья версия о последних днях Чуры-батыра, о которой речь шла выше, также имеет место быть, и она добавляет новые загадки в биографию этой исторической личности.

¹ *Фахретдин Р.* Казан ханнары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. Б. 122.

² *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства / Репринт. воспроизв. изд. 1923 г. Казань: Фонд ТЯК, 1990. С. 111.

³ Там же. С. 78.

Историк А.Х. Халиков приводит следующие сведения в отношении фамилии Нарыковых: «Известная княжеская фамилия в Казани около середины XVI века (ПСРЛ, 29, с. 28). В 1546 г. Чура Нарыков и его брат встречали Шах Али в Васильсурске (ПСРЛ, 34, с.27). В 1546–1552 гг. Нарыковы играли видную роль в Казани. В 1551 году Чура Нарыков был «побит» за непослушание Ивану IV, а его брат Алексей мурза Нарыков в 1552 году перешёл на службу к Ивану Грозному (ПСРЛ, 29, с. 12, 47–49, 146, 170). От него, очевидно, пошли Нарыковы»¹. Автор этих строк, приводя данные сведения, опирается на русские летописи. Согласно им, в 1546 г. Чуре-беку удалось бежать от угроз со стороны Сафа-Гирея и его приближенных. Более того, в том же году, находясь в Васильсурске, он встретил бежавшего в Москву Шаха-Али. В период с 1546 по 1552 г. «исключительная роль Нарыковых в жизни Казани» очевидна. Но здесь речь идет не о Чуре Нарыкове, а о его братьях – Исламе и Галикее (в некоторых источниках – Аликей). Их имена часто встречаются в исторической литературе. Оба они являются сторонниками группы Чуры-бека. В 1551 г. он предается казни по приказу Ивана IV. Мы с осторожностью должны относиться к этим данным, т.к. большинство из приводимых здесь фактов носят противоречивый характер; по сути, они не доказаны. Обратившись к другим источникам, нам следует придерживаться принципа логической последовательности. По поводу вторичного пришествия на престол Сафа-Гирея М. Худяков пишет: «...новое царствование открылось террором. Казнены были князь Чура Нарыков, князь Кадыш, князь Баубек и другие сторонники союза с Россией. В сентябре в Москву прибыла партия эмигрантов – князя Кулыш, Терегул, Бурнаш, братья Нарыковы и другие в числе 76 человек. Новое правительство составилось из крымских татар»². Х.М. Атласи также сообщает о казни Чуры-бека: «Чура и Кадыш были основными инициаторами изгнания из Казани хана Сафа-Гирея. Сообщником в этом деле являлся и Саит Боерган, орднако ему удалось скрыться в нугайские земли»³. Историк пишет о казни Чуры-бека, в числе же сбежавших в Москву казанцев перечисляет следующие имена: Кулыш-бек, Тере-угыл (Терегул), Бурнаш; сюда же входят братья Чуры Нарыкова. Подобные сведения приводит и апеллирующий к русским летописям ученый С.Х. Алишев⁴ Итак, информация о том, что в 1546 г. Чура

¹ Халиков А.Х. Болгар-татар чыгышлы 500 рус фамилиясе. Казан: Изд-во «Казань», 1992. С. 135.

² Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства / Репринт. воспроизв. изд. 1923 г. Казань: Фонд ТЯК, 1990. С. 112.

³ Атласи Г. Себер тарихы. Сөнбикә. Казан ханлыгы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. С. 331.

⁴ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. С. 84.

Нарыков остается в живых, не находит своего подтверждения. Но в этом году среди эмигрантов, переехавших из Казани в Москву, есть братья Чуры-бека, мурзы по имени Ислам и Галикей.

Историк Д.М. Исхаков пишет о том, что в Нугайской Орде в 1549 г. упоминаются братья Чуры Нарыкова: «...речь идет об Исламе мурзе и Аликее мурзе (гонец). Как видно из хроник Нугайской Орды, они бежали от Сафа-Гирея к нугайцам. Эти мурзы участвуют и в событиях 1552 года»¹. Получается, что сначала в 1546 г. Ислам и Галикей Нарыковы переехали из Казани в Москву, а затем в 1549 году обосновались в нугайских землях, но при этом периодически переезжали с места на место. Известно, например, что в 1552 г. они находились в Казани. После кончины Сафа-Гирея в 1546 году вполне вероятно, что эмигранты могли вернуться и в родные земли.

По требованию казанцев, в марте 1552 г. Шах-Али покинул Казань и обосновался в городе Зоя (рус.: Свияжск). Это произошло накануне вторжения в Казань русских воевод. «Когда наместник приехал на Бежбалду (деревня, расположенная на месте Адмиралтейской слободы), – пишет М. Худяков, – трое из сопровождавших его казанцев – кн. Ислам, кн. Кебек и мурза Алике Нарыков (брат покойного Чуры Нарыкова) попросили у него разрешения ехать вперед. Разрешение было дано, и они уехали в город»². Войдя в Казань, они закрывают за собой ворота, народ же призывают противостоять русским. В результате – план мирной передачи ключей от Казани русским терпит полный провал. После государственного переворота, случившегося 9 марта 1552 г., Ислам мурза погибает в сражении с русскими на правобережье Волги (тат. Тау ягы, или ныне: Апастовский р-н РТ). Что касается Галикея, то он входит в состав правительства Казани в период правления Ядгара-хана. Других сведений о Нарыковых в источниках после 1552 года не имеется. Итак, как указывает А. Халиков, Галикей мурза Нарыков в 1552 году перешел на службу к Ивану IV и был переименован в Алексея»³.

Выше упомянули, что жизненный путь Чуры Нарыкова в 1546 г. заканчивается. В таком случае, кто есть тот Чура, о котором говорится, что он боролся с русскими захватчиками и испытал на себе гонения со стороны Ивана IV? Речь здесь идет о Чуре, внуке Нарыка по отцовской линии. История насчитывает большое количество людей, носивших имя Чура, но на сегодняшний день сохранилось не так много источников, которые могли бы ответить на вопрос: кто есть кто? Поэтому невозможно не об-

¹ Исхаков Д.М. Чура батыр кем ул? // Идел. 1994. № 9. Б. 17.

² Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства / Репринтное воспроизведение издания 1923 г. Казань: Фонд ТЯК, 1990. С. 142.

³ Халиков А.Х. Болгар-татар чыгышлы 500 рус фамилиясе. Казан: Изд-во «Казань», 1992. С. 135.

ратиться к фольклорным материалам, как важным свидетельствам прошлого. В одной из легенд говорится: «Сын Чуры-бия был Чура-батыр. Он погиб, сражаясь за земли Карауджа (д. Кургузи в Зеленодольском районе в Республике Татарстан. – Л.М.) во время завоевательных походов Ивана Грозного». В «Истории Казани» упоминается о женах и детях Чуры-бека¹. Если опираться на эти исторические материалы, то небезосновательно было бы предположить, что родословная Чуры сына Нарыка по мужской линии не оборвалась в тот трагический период в его жизни. Эту версию поддерживают и некоторые полулегендарные шеджере (родословные), которые имели хождение в народе. Остановимся подробнее на одном из таких источников, опубликованных знатоком старинных татарских рукописей и шеджере М.И. Ахметзяновым².

Некий человек по имени Карауджа (Кара-Куджа) сын Кара-бия, родом из местности Каравай в Казани, оставляет родные места и основывает деревню Карауджа. Один путешественник, проезжая через эту деревню, проклинает ее за то, что ему не подали там воды для омовения. Не на шутку испугавшийся Карауджа протягивает трем своим сыновьям по стреле и говорит: «Стреляйте из лука, куда воткнется стрела у каждого из вас, основывайте в том месте деревню». Важной здесь представляется информация о Чураби – третьем сыне Карауджи. Согласно этой легенде, его стрела вонзается в яму, которая сегодня носит название Чураби посреди деревни Зур Караужа (рус. Большие Кургузи). Чураби сын Карауджи основывает там деревню. Впоследствии его казнит московский царь по обвинению в измене русскому правительству. Его сын, Чура-батыр, сражаясь с войском Ивана Грозного, погибает в деревне Зур Карауджа. Сын Чура-батыра Рисмет, сын Рисмета Кадирмет, его сын – Гиззатулла; далее следуют еще 7 имен, 7 поколений по мужской линии. В «Примечании» автор книги подчеркивает тесную связь между родословной Карауджи и историей Казанского ханства. Также заметим, что описанные выше события из легенды «Карауджа» являются одной частью этой родословной. Другая версия этой легенды приводится в книге ученой Ф. Гариповой³.

Таким образом, нам известны две личности по имени Чура, которые оставили заметный след в истории. Первый – известный казанский бек Чура Нарыков, второй – его сын Чура-батыр. Если отец Чура по известным причинам в 1546 г. был казнен ханом Сафа-Гиреем, то, что касается его сына, он героически погиб чуть позднее, защищая земли Казанского ханства.

¹ Казанская история (Ист. повесть 16-го в.). М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 77–79.

² Ахметзянов М. Татар шәжәрәләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. Б. 34.

³ Гарипова Ф. Авылларны сөям жаным-тәнем белән. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. Б. 119.

Д.М. Исхаков приводит в своих исследованиях известные среди ученых родословные с именем Чура. Одна из них найдена на территории Башкортостана, другая – родословная «Карауджа», о которой шла речь выше, и третья – крымская родословная Аргынов¹. По мнению историка, связь между первой и двумя другими родословными проходит через Чура-бия и Кара Гуджу (Кара Коджа). Он связывает генеалогическую линию Чурыбека с одной из четырех аристократических родословных беков в Казанском ханстве – кланом Аргынов. Среди приводимых Д. Исхаковым сведений есть те, в которых говорится о тюркских народных дастанах, имеющих реальные исторические корни.

Так, например, в родословной, найденной в Башкортостане, приводятся имена: отец Чуры Нарик, отец Нарика – Кукас. В татарских, крымскотатарских, казахских и нугайских дастанах имя Кукас фигурирует как: Кукаш, Кукашли, Тама. Чура-батыр о себе говорит: «Я Тама сын Кукаса (Кукаш)». И тут же автор приводит следующее сведение о Чуребатыре, происходящее из рода тамьян-катай, впоследствии записанное башкирами: «... Мурза по имени Курек из рода Джагылбай был казаком... У Нарыка-бая от его жены Тансылу родился сын по имени Сура. Вторым его сын – Ширин, родился спустя несколько лет». Имя Ширин встречается в казахских народных дастанах, посвященных Чуребатыру. В эпосе Ширин представляется как сестра Чурабатыра. По мнению Д. Исхакова, это имя в тюркском мире получило известность, начиная с эпохи Золотой Орды. Историк также связывает его с правящим кланом беков Ширинов в Казанском, Крымском и Касимовском ханствах.

В татарской версии дастана главный герой Чура-батыр храбро сражается с врагами, беспощадно громит вражеское войско. В конце дастана разгоряченный боевой конь батыра падает в Волгу, Чура-батыр тонет. Однако гибелью героя произведение не заканчивается. Далее в дастане говорится: «Позднее, после смерти Чурыбатыра, русское войско одержало победу и пала Казань. Через год после взятия Казани русскими был захвачен и Хаджитархан (Астрахань. – Л.М.). Так закончился сказ о Чуребатыре»². Упоминание об этом событии заставляет просмотреть эпос «Чура-батыр» еще раз с начала до конца. Дастан напоминает об отношениях между преемниками великой Золотой Орды – Казанью и Крымом, Казанью и Астраханью, Казанью и Ногайским ханством, а также Казанью и Русью в середине XVI в. Истина одна: утрата Казанским ханством былой мощи,

¹ Исхаков Д.М. Чура-батыр – кто он? // Исхаков Д.М. Исторические очерки. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. Б. 55.

² Ибраимова Л.Х. Төрки халыклар ижатында «Чура батыр» дастаны. Казан: Фикер, 2002. Б. 158.

взаимное непонимание и, наконец, трагедия. Эпический фольклор, так или иначе, скрещивает фольклорную и историческую память народа.

В сюжете тюркских, в том числе татарских, дастанов героико-исторического характера о Чуре-батыре тесно сплелись судьбы батыров и страны, трагические события в жизни главного героя эпоса восходят к трагедии Казанского ханства, преемницы Золотой Орды. Описывающее мужество и героизм главного героя Чуры сына Нарыка народное произведение в какой-то момент превращается в историческую хронику, перечислив подчинение татарских ханств (Казанское ханство, Астраханское ханство) русскому царю в порядке исторической действительности. Есть все основания заключить: причины того, что Чура-бек представляется славным потомком благородного тюркского рода и становится настоящим героем народных эпосов, кроются в одном едином для всех тюркских народов и народностей источнике. Большая популярность этого героя в народных дастанах татар, нугайцев, казахов, крымских татар, башкир, киргизов связана, прежде всего, с исторической действительностью. Исследование судьбы Чуры Нарыкова в связи с Казанским ханством раскрывает перед нами сложную, полную трагических моментов и развязок жизнь этой легендарной личности.

Период с 1526 по 1531 гг. отмечен в жизни Чуры-бека сравнительно спокойной, размеренной деятельностью как политика и дипломата с активной жизненной позицией. В эти годы он получает большой опыт и формируется как мудрый общественный и государственный деятель. Второй период в жизнедеятельности Чуры Нарыкова с 1531 по 1546 гг. отмечен как время активизации прорусски ориентированной группы внутри Казанского ханства. Несмотря на разброд и отсутствие единства в рядах, как народа, так и правительственных структур ханства, все же в среде татар зачатки к обретению самостоятельности еще присутствуют. Участию Чуры Нарыкова в работе русской или западной партии сопутствует его популярность среди народа, он обретает известность как искусный политик и дипломат. Не будет заблуждением сказать, что Чура-бек был истинным борцом за освобождение Казанского ханства от иностранных притязаний. Ответы на вопрос: кто прав, а кто нет, могут быть различными. Однако нельзя не признать того, что Чура Нарыков всю свою жизнь посвятил борьбе, состоял в оппозиции к ханам, завоевал авторитет среди своих соратников и подчиненных, сформировался как видный политический и общественный деятель, а главное – завоевал доверие простого народа. В возвышении биографии Чуры-бека до эпической как раз и сыграли важную роль вышеперечисленные личные качества и достижения этой личности. Несомненно, эпический образ Чуры-бека, овеянный различными вариациями легенд и сказаний, сильно отличается от своего прототипа в лице реального Чуры Нарыкова.

Если оценивать его политическую деятельность объективно, с точки зрения осмысленной критики, то всплывает ряд допущенных им ошибок и просчетов. Взирая на происходившие в то время события с позиции сегодняшнего дня, возможно, для противостояния с западного направления в общем деле нужно было создать татаро-тюркские союзы, объединяющие усилия Казани с Нугайским государством, Крымом или Сибирью. Казанская же дипломатия в лице Чуры Нарыкова демонстрирует в этом плане крайне мягкую позицию. Наряду с этим время, когда жил и творил Чура-бек, приходится на активизацию успешной политики Москвы в отношении противостояния объединению восточных сил. Видные общественные и государственные деятели той эпохи: Булат и Нурали Ширины, Гаухаршат, Саит Боерган, Чура Нарыков, Кучак и др. не могут привести к единству политические направления в ханстве, правительство хана и государственные структуры действуют разрозненно. Эти и другие причины препятствуют объединению народа в одной общей цели и ведут ханство к гибели. Дастанный образ Чуры-бека демонстрирует противоречивую политику, которую он осуществляет. Во имя победы он ведет яркую непримиримую борьбу против своих врагов, но судьба его завершается трагически. Эпический Чура – идеализированный образ, реальный же Чура Нарыков – защитник целостности государства, который жил в очень смутное в истории Казанского ханства время, когда решалась дальнейшая судьба всего татарского народа.

Этот государственный деятель вошел в народные татарские, крымско-татарские, казахские, нугайские, каракалпакские дастаны как борец за свободу своей страны. В этих произведениях данный герой в своем противостоянии врагу дошел до кровавых событий 1552 года, его образ возведен в ранг борца за освобождение не только Казанского, но и других татарских ханств. Дошедшие до наших дней несколько татарских вариантов дастана, повествующих о доблестном герое Чуре сыне Нарыка, а также историческая песня, байт, предания – все они единогласно дополняют эпическую биографию героя важными деталями.

Татарские варианты «Туляк китабы» – дастана о Туляке и Сусылу

Это произведение основано на довольно древнем сюжете. С точки зрения времени возникновения эпос «Туляк» относят к XIII–XV векам. Из мифологических особенностей произведения видно, что его архаические корни уходят в фольклор древних тюрков, живших на территории Китая. Произведения, связанные с именем Туляка, известны в регионах проживания татар и башкир. У башкирского народа дастан или отрывки из дастана имели устное бытование, а у татар, наряду с устными вариантами, пользовались большой популярностью рукописные экземпляры. По

словам М.А. Усманова, «тот факт, что один эпос существует в репертуаре двух народов, вполне объясним: татары и башкиры, общаясь с древнейших времен, до сих пор живут бок о бок. Не удивительно, что в результате этого многовекового соседства, постоянно обновляющегося братства в фольклоре появляются такие общие сюжеты»¹.

Кратко остановимся на содержании дастана. Как говорится в татарской версии, посвященной Туляку, товарищи Туляка его постоянно обижают, из охотничьих птиц выделяют ему лишь маленького филина, из коней ему так же достается сивый стригун, т.е. двухгодовалый жеребенок, а себе его товарищи выбирают хороших аргамаков. По традиции и канонам эпоса филин Туляка становится настоящим кречетом, а сивый стригун превращается в сивого аргамака, бег которого подобен быстрому ветру. Успешное решение проблем Туляка, естественно, вызывают зависть его товарищей. Они, сговорившись, вбивают гвозди в копыта его аргамака.

В результате конфликта со ста товарищами далее отражается уход героя из общины. Последующий сюжет дастана связана с предыдущим через образ главного героя. Туляк продолжает свой путь и проходит на нем через новые испытания. В подавляющем большинстве вариантов и версий дастана рассказывается о встрече Туляка с Сусылу. Между ними завязывается разговор:

*«Андан кыз айтде:
Хуш хәмаш, хуш йөзек
Алмадың син, Түләгем,
Алтын сыргам, ал йөзек –
Янә бирдем – бүләгем.
Бүәк биреп алмайсан,
Нидер сәнең теләгең?
Сүзең айтче, Түләгем?
Андан Түләк айтде:
Хуш хәмаш, хуш йөзек –
Зифа йөзең бизәгел!
Алтын тарак, ал көзгене
Мән нитәем, Сусылу?
Йөзек-бүләк кирәкмәс,
Зифа буең теләгем!
Сүзем шулдыр, Сусылу!»²*

*/ Девушка сказала:
Красивое ожерелье и перстень
Ты не взял, мой Туляк.
Золотые серьги и кольцо*

¹ Госманов М. Каурый каләм эзеннән: археограф язмалары. Тулыландырылган икенче басма. Казан: Татар. китап нәшр., 1994. Б. 235.

² Татар халык ыжаты. Дастаннар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. Б. 127.

*Я вновь подарила тебе.
Раз ты не берешь подарков,
Ответь, что ты хочешь, Туляк?*

Туляк сказал:

*– Пусть прекрасные серьги и кольцо
Украшают нежный твой лик.
На что мне, скажи, сдались
Золотой гребень и волшебное зеркало?
Не надо кольца в подарок.
Я желаю, чтоб твой нежный стан
Стал моим. Вот слово мое, Сусьлу!¹*

Диалог между героем и морской девой не дает положительного результата, постепенно борьба между ними приобретает форму физического столкновения, Сусьлу хочет уйти под воду, в свою стихию. А Туляк не хочет ее отпускать, увидев, как «длинные о шестидесяти четвертях ее волосы не успели все скрыться в воде, и шесть четвертей остались на воде», он, схватив ее за волосы, начинает обвертывать вокруг руки своей, чтобы вытащить Сусьлу из воды. В борьбе с подводной красавицей Туляк терпит поражение, он сам оказывается в подводном царстве вместе с Сусьлу, предстает перед хозяином водной стихии, отцом Сусьлу. Чачдархан, увидев светлого героя богатырского сложения, отдает за Туляка свою дочь Сусьлу. Туляк несколько времени живет с Сусьлу благополучно и счастливо. Постепенно он начинает скучать по родной земле, понимает, что жить без нее не может. Не приносит утешения и попытка Чачдархана перенести на дно моря родную гору героя – Балкантау. Туляк возвращается на Родину.

Дастан «Туляк китабы» или же «Туляк и Сусьлу» давно известен научному миру. Еще в XIX веке этот сюжет привлек внимание русских ученых. Известны труды В.И. Даля², Л.С. Суходольского³, Р.Г. Игнатьева⁴, Г.Н. Потанина⁵, имеющие непосредственное отношение к этому эпическому памятнику. В начале XX века еще один вариант дастана опубликовал в русской печати Султангарей Султанов⁶, в 1910 году известный поэт Ма-

¹ Татарское народное творчество: в 15 т. Т. 8: Дастаны / сост. тома, автор вступ. ст. Ф.В. Ахметова; пер. А.Х. Садековой. Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. С. 162.

² Даль В. Башкирская русалка // Москвитянин. 1843. №1. С. 97–119.

³ Суходольский Л. Легенда о Туляке // Вестник императорского Русского географического общества. Ч. 24. СПб, 1858. С. 65–72.

⁴ Игнатьев Р. Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края // Записки Оренбург. отдела имп. Русского географического общества. Вып. 3. Оренбург, 1875. С. 207–211.

⁵ Потанин Г.И. Дочь моря в степном эпосе // Этнографические обозрение. Кн. XII. 1892. № 1. С. 38–69.

⁶ Султанов С. Зоя-Тюляк и Су-сулу: башкирское предание // Самарская газета. 1902. № 83.

жит Гафури (Габдельмаджит Нурганиевич Гафуров) издал произведение отдельной книгой. Книга называется «Заятуляк берлә Сусылу: башкорт хикәясеннән» («Заятуляк и Сусылу: из башкирского рассказа») (Уфа: «Каримов, Хусаинов вә шөрәкәсе», 1910. С. 24). В последние годы выяснилось, что вариант М. Гафури является сводным текстом, составленным из старотатарских рукописных книг¹.

Обращение к сюжету татарского эпоса «Түләк» продолжалось и в XX веке. Писатель и ученый Н.И. Исанбет вдохнул новую жизнь в это великое произведение, написав либретто для оперы «Туляк»². «Туляк китабы» – это поистине национальный книжный эпос, дошедший до нас в рукописях, созданный в нашей древней местности и переживший века. Сегодня известно шесть вариантов татарского «Туляка». Тексты отличаются друг от друга в основном временем и местом перевода, полнотой или отрывочностью, использованием встречающейся в тексте архаичной лексики и некоторыми особенностями поэтических частей и т. д.

В тюрко-татарской фольклористике из трудов, посвященных дастанам о Туляке, самой основательной является статья Ф.И. Урманчеева «Татарско-башкирские сказания о Туляке». Каждый татарский экземпляр и вариант дастана «Туляк китабы» одинаково ценен и имеет научное значение. Вариант, изданный в сборнике «XVIII гасыр татар әдәбияты. Поэзия»³ рассмотрим как первый вариант дастана. Это самая крупная из известных рукописей дастана о Туляке и вообще среди письменных дастанов, которая отличается своим объемом. Рукопись найдена в 1991 г. ученым-текстологом М.И. Ахметзяновым в г. Казани в архиве инженера, писателя Зуфара Курмашева, текст дастана им же подготовлен к изданию. Рукопись в 1985 г. передала в фонд Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан жена покойного Зуфара Курмашева – Мунира Залялетдиновна Курмашева. Условное название рукописи – Казанский вариант. Этот экземпляр дастана переписан в 1887 году. Переписчик – Мухаметгарей Бине мелла Шакирзян, шакирд медресе Габделжаббар хазрата в селе Глянце Тамак Мензелинского района. Текст зафиксирован в рукописи, состоящей из 162 листов, хранится в Центре письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (колл. 39,

¹ Түләк китабы: дастан / тез.-авт. Р.Ф. Мәрданов. Казан: «Милли китап» нәшр., 2008. Б. 4–5.

² Исәнбәт Н. Түләк батыр: опера өчен либретто // Совет әдәбияты. 1944. № 4. Б. 27–36; № 5. Б. 25–33; Исәнбәт Н. Сайланма әсәрләр: өч томда. Т. 1. Казан: Татар. кит. нәшр., 1960. Б. 311–367.

³ XVIII гасыр татар әдәбияты. Поэзия. Казань, 2006. Б. 267–284.

ед. хр. 5011, оп. 1). Были изданы несколько научных статей, посвященных Казанскому варианту дастана «Туляк китабы»¹.

В этом наиболее оригинальном варианте татарской версии дастана «Туляк» упор делается на приключения главного героя, повествование в дастане приобретает приключенческий характер с усилением исламского влияния. Исходя из того, что главные герои дастана носят чисто тюркские, а не мусульманские имена, можно предположить, что основная сюжетная канва этого произведения возникла еще в среде доисламских тюрков-татар. Тем не менее, в произведении фигурируют и персонажи из Корана, а также описываются сугубо мусульманские обряды и обычаи. Например, в начале дастана в нем появляется коранический герой – Хызр (в Коране он посвятил пророка Мусу в сокровенную мудрость – 18:60 – 82), который приходит во сне Туляку и учит его молитве «Исм-е Агзам» («Великие имена» – т.е. перечисление 99 имен Аллаха).

Для того чтобы решить все свои проблемы и избежать происков врагов, Туляк должен принести в жертву Аллаху барана, угостить жертвенным мясом стариков, а также прочесть молитву. Главный герой так и поступает и добивается успеха. В дальнейшем, в тяжелых случаях, он всегда использует этот проверенный метод в своих целях. Например, чтобы обратить на себя внимание хана Чачдара, он после утреннего намаза читает два ракагата дополнительного намаза, «Исм-е Агзам» и просит Аллаха наслать на его страну жару:

«Он вышел из дворца, пошел в безлюдное место, провел таяммум², совершил два ракаата хаджат-намаза³. С истинной верой прочитал молитву “Исме агзам”, сделал земной поклон и обратился с мольбой:

– О Аллах, все мои трудности для тебя легки, явив свою милость, забери у этого народа эту изнуряющую жару, ниспошли свою любовь!

Так взмолился он, и тотчас пронесся живительный прохладной ветер, потекли медовая, молочная, водная реки...»⁴.

Это было сделано для того, чтобы страдающий от неимоверной жары Чачдар пришел к Туляку с покаянием и предложил за освобождение от напасти руку своей дочери Сусылу. Когда Туляк добивается своего, он вновь просит Аллаха вернуть все на место.

Просьбы Туляка, а особенно их мгновенное воплощение в жизнь выглядят, по меньшей мере, странно и полностью противоречат основным

¹ *Ахметзянов М.И.* Казанский список дастана «Туляк и Суслу» // Старотат. лит. язык: исследования и тексты. Казань, 1991. С. 89–97; *Әхмәтҗанов М.* Түләк белән Сусылу. Түләк китабы // Әдәби мирас. 4 нче китап. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. Б. 14–33.

² Таяммум (тэйэмме) – у мусульман: обряд ритуального очищения песком в случае отсутствия воды.

³ Хаджат-намаз (хажэт намазы) – намаз, совершаемый при острой нужде.

⁴ Түләк / ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ: колл. 39, ед. хр. 5011, оп. 1.

концепциям шариата, так как в исламе нет четкого определения на счет того, о чем можно, а о чем нельзя просить Аллаха во время молитвы, по крайней мере, нигде не сказано, что Аллах может исполнить любые просьбы молящегося. В данном случае четкую роль играет менталитет изначального автора (или группы авторов) дастана – язычника, слепо верующего в то, что природные силы могут незамедлительно прийти на помощь. Здесь видится еще незрелое мировоззрение неопита-мусульманина, который на свои традиционные представления накладывал реалии новой религии. Об этом и говорят имена главных героев дастана – типично тюркские. Интересно, что Туляк изображен как правоверный мусульманин, он не пропускает намаз, а позже и его жена – Сусылу также начинает исполнять основные предписания шариата. Исполнение Туляком обряда тайаммум (в исламе очищение песком или специальным камнем, совершаемое в особых случаях вместо омовения водой), присущего скорее для обитателей пустынь, чем для жителя средней полосы, возможно, говорит о том, что какая-то часть сюжета или определенные детали попали в дастан с Востока. Хотя можно предположить и второй вариант, более достоверный. Обряд тайаммум описывается в связи с дикой жарой, которая установилась в царстве Чачдархана. В то время пересохли все реки и водные источники и, поэтому стало невозможно совершать пятикратное обязательное омовение водой перед намазом. Следовательно, переписчик-сказитель дастана четко знал, что по шариату в таких случаях положено совершать тайаммум. Тем более, что в источнике приводятся и географические названия, связанные с территорией Волго-Камья, например, гора Балкан, по мнению исследователей, и сейчас находящейся под тем же названием между Республикой Башкортостан и Челябинской областью.

Второй вариант дастана – сводный текст, составленный М. Гафури в 1910 году. Во введении книги на татарском языке он пишет, что в 1909 году ездил в Белебеевский уезд, где услышал, как пели и играли на мелодию «Заятуляк», слышал, что есть книга под названием «Заятуляк». «Раньше я слышал, что эта книга была переведена на русский одним известным в Уфе человеком и не была издана из-за его смерти. Услышав, что и здесь есть эта книга, я сразу же отыскал ее. Хотя значимость книги в сравнении с многочисленными рукописями дастана не оправдала мои надежды, я все-таки решил ее перевести и издать дастан при первой возможности». Поэтическая составляющая произведения, его стиль говорят о некотором сходстве с одним из вариантов дастана «Туляк» (с вариантом Кариле, о котором речь пойдет ниже). Вариант дастана М. Гафури был переиздан в более поздних изданиях писателя, затем включен в сборник «Башкирское народное творчество» как образец башкирского эпоса¹.

¹ Башкорт халык ижады. Эпос. Беренсе китап. Өфө, 1972.

В этом письменном варианте, несмотря на некоторое обновление стиля, эпичность сохранена, но меньше чем в рукописи Казан варианты или, например, варианте Олы Кариле. В сюжете есть некоторые изменения: когда Туляк и Сусылу поднялись на поверхность земли, Туляк возвращается к Чачдар хану, потом снова поднимается на землю. Тем не менее, текст М. Гафури наиболее близкий к рукописи Олы Кариле (об этой рукописи речь пойдет далее). Их можно даже рассматривать как два варианта одной рукописи. Об этом говорят и общие, почти одинаковые, устойчивые места, стихотворные тексты, и вообще общность стиля.

Рукопись еще одного варианта (возможно и рукописи нескольких вариантов) «Туляк» хранится в личном архиве Н.И. Исанбета. В свое время руководитель литературного отдела театра оперы Муса Джалиль предложил Н.И. Исанбету написать либретто к опере. Как известно, основываясь на имеющейся у себя рукописи дастана о Туляке, в 1929 году Н.И. Исанбет начал писать пьесу и в итоге создал драматическую поэму. «Туляк» Н.И. Исанбета впервые опубликован в 1944 году¹.

О том, на основе каких именно источников написано это произведение, к сожалению, пока известно очень мало. Время создания рукописи также неизвестно, она характеризуется как дефектный вариант (утрачены последние страницы документа) дастана о Туляке. Композитор Х. Ибрагимов написал к «Туляк» Н.И. Исанбета песни, арии. Композитор Н. Жиганов создал оперу с этим именем. Опера была поставлена в годы Великой Отечественной войны, а также в 1970-е годы. «Туляк» Н.И. Исанбета напечатан в первом томе трехтомного издания «Избранных произведений»².

Еще один вариант дастана «Туляк» найден в 1969 году в деревне Олы Кариле (Большие Кариле) Камско-Устьинского района во время археографической экспедиции, организованной Казанским (Приволжским) федеральным университетом под руководством ученого-историка Миркасима Усманова. Этот список «Туляк»а хранится в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (шифр 4474т). Документ состоит из 64 страниц, очень старый, изношенный неполный экземпляр на 32 листах. Конец дастана, т.е. последние листы документа пострадали больше всего. Рукопись была переписана во второй половине XIX века. Переписчик дастана – Хасан из деревни Большие Кариле. Рукопись найдена, изучена, переведена на современную графику, частично реконструирована академиком М. Усмановым. Об этой рукописи «Туляка» ученый изложил свои мысли в подробной статье и опубликовал текст в облегченной транскрип-

¹ *Исанбэт Н. Тулэк батыр: опера өчен либретто* // Совет әдәбияты. 1944. № 4. Б. 27–36; № 5. Б. 25–33.

² *Тулэк // Исанбэт Н. Сайланма эсәрләр. 3 томда. Т. 1. Казан, 1960. Б. 310–367.*

ции¹. Этот вариант дастана «Туляк китабы» имеет условное название «Кариле варианты», т.е. вариант Кариле.

Пятый вариант – рукопись, найденная в селе Большой Менгер Атнинского района Республики Татарстан – Олы Мэнгәр кулязмасы. Дастан найден М.И. Ахметзяновым в 1994 году в селе Большой Менгер Атнинского района Татарстана. Рукопись ученому передала семья Закировых из этого села. Она состоит из четырех листов. Текст неполный, листы бумаги фрагментарного характера. Древность языка, время использования бумаги и чернил относят этот вариант дастана ко второй половине XVIII века. Информации о переписчике нет. Рукопись хранится в Центре письменного наследия².

Шестой вариант обнаружен в 1996 году археографом, текстологом Р. Мардановым в селе Камышлы Самарской области. Сведения об этом списке дастана, подробная специальная научная статья и сам текст были опубликованы Р. Мардановым³. Текст дастана зафиксирован в переписанном в первой половине XIX века сборнике, состоит из 10 листов. Текст был переведен муллой-мухтасибом села Большие Тиганы Спасского уезда Казанской губернии (ныне Алькеевского района Республики Татарстан) Сибгатуллой бине мулла Фахретдином Мударрисом (Сибгатулла Багданов; 1820–1875), выходцем из села Муслюмкино Чистопольского уезда Казанской губернии. Довольно полный вариант, имеет много общего с каждым из других списков дастана. Сюжетные линии дастана во многом совпадают с остальными вариантами. Основное отличие текстов – различное написание арабских слов в разных вариантах, использование одного и того же слова в разных фонетических или синонимических вариациях. Следует заметить, что лексика в диалогах юноши и девушки в последнем варианте более эмоциональная, живая. Р. Марданов сам об этом подробно пишет, в конце его книги представлено факсимиле рукописи, перевод текста на современный язык и дана сравнительная таблица с ранее найденными вариантами. Рукописный сборник дастана хранится в отделе рукописей и редких книг Национальной библиотеки Татарстана (шифр 1761т).

Еще один вариант татарского дастана о Туляке в 1971 г. был напечатан на немецком языке⁴.

¹ *Госманов М.* Каурый каләм эзеннән: археограф язмалары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. Б. 117–132.

² Түләк // ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Колл. 39.

³ *Мәрдан Р.* Якутлар табыладыр вакыт белән... // Бердәмлек. 1996. 2–8 июль; *Мәрданов Р.* Ун еллык археографик хезмәт // Китапханә хәбәрләре. Библиотечный вестник. 2002. № 1. Б. 15; *Мәрданов Р.* Тарих битләрен актарганда... // Казан утлары. 2002. № 3. Б. 127–128; Түләк китабы: дастан / төз.-авт. Р.Ф. Мәрданов. 76 б.

⁴ *Csikai V.* Eine unveröffentlichte baschische Volksmärchen-variante // Acta orientalia. 1971. T. XXVIII 1.

Сохранившийся в форме прекрасного произведения дастан о Туляке является одним из наиболее архаичных образцов татарского и башкирского эпического фольклора. Создан в классической для тюркского эпоса форме чередования стихов и прозы. Об этом говорят разные варианты и версии дастана «Туляк». Разумеется, в дастане «Туляк и Сусылу» нашли отражение пласты и архаического, и средневекового периода. В заключение следует сказать, что дастан «Туляк китабы» – это плод народного творчества, версии дастана имеются у нескольких родственных народов с близкой традиционной культурой, которых издревле связывали близкие отношения. В целом в дастане в тесной связи со сказочно-мифологическим языком и эстетикой эпос-дастана нашли свое отражение борьба наших предков за выживание и приспособление к суровой окружающей среде, а также патриархальные отношения и идеалы в период разрушения родового общества и социальные изменения более позднего времени.

Татарские варианты авантюрного дастана «Кур углы»

У разных народов Сибири, Кавказа, Средней Азии и Казахстана, Дальнего Востока и даже частично Европы есть сказание о Кур углы. Известны узбекская, казахская, каракалпакская, азербайджанская, турецкая, аджарская, кумыкская, курдская, таджикская, армянская, грузинская, арабская и др. версии эпоса. Названия этого фольклорного произведения в разных языках варьируют в зависимости от фонетических особенностей, специфичны эти памятники также и по объему, стилю, содержанию, каждая версия имеет свой национальный колорит, но все они относятся к эпическому жанру героического характера и содержат некоторые сходные элементы. Эпические циклы на этот известный сюжет сложились в эпоху позднего средневековья. Все исследователи этого не имеющего аналогов по своей распространенности эпоса признают совпадение основного сюжета с историческими событиями, происходившими в Азербайджане и Малой Азии в конце XVI – начале XVII в.

«Кур углы» исследователями условно рассматривается в двух группах – выделяются западные и восточные версии. Известно, что и западные (азербайджанская, турецкая, аджарская, армянская, грузинская) и восточные (туркменская, узбекская, казахская, таджикская) тексты записаны из уст знаменитых народных сказителей в музыкальном исполнении. Заслуживает особого внимания и то, что большая часть эпоса состоит из рифмованного поэтического текста. Туркменский «Гёроглу» записан из уст исполнителей Мустак бахши, Палван бахши, Махтумкули бахши, Бабаджана Сапарова, Надир бахши и др. Азербайджанские ашуги сказывали «Кёроглу», вставляя в свои поэтические тексты исторические ком-

ментарии прозаического характера. У узбекского народа зафиксированы такие импровизаторы, специализированные в сказании «Гороглы», как Абдулла-шаир, Фазил Юлдашев, Эргаш Джуманбулбул-оглы, Мухаммед-кул Джамрат-оглы.

У этих и др. народов любой меджлис (сказ, глава, хикайат, цикл) из эпоса по желанию аудитории устно исполнялся ашугами, бахши, а в последующем зафиксирован на бумаге учеными-специалистами. И западный, и восточный эпос о Кур углы вобрал в себя важные исторические события и интереснейших для народа личностей, художественно переработанных в эпическом жанре. Все версии состоят из нескольких десятков самостоятельных меджлисов. Общие тема и идея, а также эпические события и центральный герой объединяют их в большой эпос. Дастан «Кур углы» достаточно подробно изучен в истории мировой литературы и фольклора. Собраны и изданы различные национальные версии эпоса. Особенно глубоко проанализированы версии таджикские, узбекские, азербайджанские, туркменские и турецкие.

Этот известный сюжет нашел отражение также в эпическом творчестве татарского народа. В сравнении с другими национальными версиями «Кур углы», возникновение которых относится к XVII–XVIII вв., в татарскую среду дастан проник в более позднее время – только в конце XIX в. А это, как известно, период, когда в дастанном эпосе татар и особенно татар Поволжья преобладал жанр книжного дастана – разновидность эпоса, распространяемого в виде рукописных народных книг. Даже известные в тюркском и нетюркском мире эпические сюжеты, перекочевав в эту местность, претерпели некоторую обработку умелой рукой творческих личностей. Дастаны как традиционный жанр не прижились в насыщенном народными песнями, афоризмами, сказками устном репертуаре талантливых татарских сказителей-импровизаторов.

Если у традиционного дастана, как правило, всегда был и есть сказитель, доносящий свое творение до публики, то создатель книжного «Кур углы» – это человек, письменно сочиняющий свой вариант эпического произведения. В книжном «Кур углы» отсутствует живое музыкальное исполнение – неотъемлемый атрибут традиционного устного жанра дастан. В роли эпического информанта (в данном случае – переписчика, письменного распространителя) татарского книжного варианта «Кур углы» выступают люди, получившие образование в мектебах или медресе. Иногда имя информанта зафиксировано в той же рукописи, где сохранился текст, но очень часто встречаются списки дастана и без указания его «автора».

Как книжный дастан «Кур углы» в татарском народном творчестве в письменной форме распространен в нескольких вариантах. На татаро-

язычную версию дастана было обращено внимание Б.А. Каррыевым¹, Ф.И. Урманчевым² и др. Но все исследователи, говоря о татарской версии, опирались лишь на публикацию В. Радлова³, а варианты эпоса поволжских татар незаслуженно оставались в тени.

Имеется рукописный вариант дастана, найденный в Татарстане. Об этом сообщает М.И. Ахметзянов⁴. Сегодня эта рукопись хранится в Центре письменного Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ⁵. Рукопись состоит из двух листов, пронумерованных 13-ми и 14-ми страницами. Текст написан на арабской графике, записан фиолетовыми чернилами на бумаге, произведенной в 1920-х гг., носит фрагментарный характер. Текст включает 26 стихотворных строк. Кроме этих 13-й и 14-й страниц от дастана ничего не сохранено.

В фрагменте рукописи описано, как взятый Кур углы на воспитание и выросший верным ему хан Хасан призывает юношей из войска в военный поход. Вот несколько строк из этого текста:

*Фәрәмүш булмасын имди хәтерләр.
Корыңызлар сарә пәрдә чатырлар.
Ак керүгә савыт кигән батырлар,
Я алыңлар, я үлеңләр егетләр.
Йүльмызда күзе Күр углы солтан,
Гаваз ханны килтерер дит кырык арслан.
Ук утмәгәй, кирек тиресе бу калкан,
Я үлеңләр, я алыңлар егетләр.*

/ Не подвела бы память. / По случаю праздника сооружены шатры. / Белые кольчуги надели герои. / Или победят, или погибнут батыры. / На нашем пути султан Кур углы, / Хана Гаваза принесут сорок львов. / Не проникнет стрела, прочен этот щит. / Или победят, или погибнут герои / Перевод автора.

Несмотря на то, что это всего лишь фрагмент, рукопись можно оценивать как один из вариантов книжного «Кур углы». Об этом, в частности, свидетельствует то, что текст построен не на многострофичной тираде, а на четверостишных строфах, заканчивающихся одинаковым рефреном («или победят, или погибнут»). Кроме того, и стихосложение выделяется устойчивым, силлабическим метром, как это свойственно неимпро-

¹ Каррыев Б.А. Эпические сказания о Кер-углы у тюрко-язычных народов. М.: Наука, 1968. С. 250–254.

² Урманчев Ф.И. Героический эпос татарского народа. Казань: Тат. книж. изд-во, 1984. С. 164–170.

³ Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. IV. Наречия барабинцев, тюркских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872. С. 258–261.

⁴ Әхмәтҗанов М.И. Татар кулъязма китабы. Б. 187.

⁵ Фонд ЦПН ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, колл. 39, ед. хр. № 5013.

визационному стиху. Факт обнаружения этого отрывка доказывает то, что среди татар дастан был популярен. Этот вариант несколько далек от сюжета дастана, записанного у сибирских татар. Лишь некоторая антропонимическая и топонимическая общность, и то, что дастан о Кур углы обладает героическим характером и единными мотивами (например, то, что у Кур углы нет детей) позволяет собрать их воедино. По данным М.И. Ахметзянова, рукопись найдена в 1980 году во время фольклорной экспедиции С. Мухаметнуровым на территории Татарстана в татарской деревне, передана архиву ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ и описана М. Ахметзяновым¹.

Данный фрагмент созвучен с изданным вариантом дастана. Например, этот отрывок точь в точь совпадает с текстом дастана, изданным в Казани в 1894 году². Для сравнения рассмотрим, как повторяются приведенные выше восемь строк:

*Фәрәмуш булмасын имди хәтерләр.
Корыңызлар сарә пәрдә чатырлар.
Ак керүгә савыт кигән батырлар,
Я алыңлар, я үлеңләр кырык егетләр.
Йўлымызда күзе Күр углы солтан,
Ғаваз ханны килтерер дип кырык арслан.
Йамылкан ук утмәс кирек тиресе калкан,
Я алыңлар, я үлеңләр егетләр.*

*/ Не подвела бы память. / По случаю праздника сооружены
шатры. / Белые кольчуги надели герои. / Или победят, или по-
гибнут сорок джигитов. / На нашем пути султан Кур углы, /
Хана Гаваза принесут сорок львов. / Не проникнет пуцценная
стрела, прочен этот щит. / Или победят, или погибнут герои /
Перевод автора.*

Как видно из примера, только в описании прочности щита, в эпитетах, а также в порядке некоторых слов есть различие, а во всем остальном смысл строк совпадает с вышерассмотренной рукописью.

У татар известны факты, когда изначально бытовавшие в рукописях дастаны в эпоху книгопечатания были изданы в книжной форме. Говоря о дастане «Кахарман Катил», мы обратили внимание на то, что с начала XIX века книжные дастаны увидели свет в книжной форме, будучи отпечатанными на основе распространенных ранее в народе рукописных экземпляров. И в отношении вариантов «Кур углы» наблюдается та же закономерность: несмотря на то, что на сегодня большая часть текста утрачена, местные издатели успели издать его полный вариант в форме книги.

¹ Әхмәтҗанов М.И. Татар кулъязма китабы. Б. 187.

² Хикәяте Күр углы Солтан. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1894. Б. 13–15.

Как известно, в казанских типографиях в конце XIX – начале XX в. неоднократно было отпечатано крупное произведение «Хикайте Кур углы Солтан». Например, в период 1889–1916 гг. оно выдержало 11 изданий. Строки из вышеприведенного фрагмента, претерпев некоторые лексические, морфологические и орфографические изменения, встречаются именно в этом печатном хикайте. Язык «Хикайте Кур углы Солтана» испещрен арабо-персидскими заимствованиями и сложен для понимания сегодняшнему читателю. Объем достаточно велик и составляет 90 листов на арабской графике.

Произведение излагает историю ханов в форме предания, в хронологическом порядке перечисляет имена некоторых ханов, сообщает, что Кур углы стал правителем в пятнадцать лет. Таких элементов, как, например, подробное описание всей жизни Кур углы, начиная с детства и до достижения юношества, его коня, рожденного чудесным образом, как это имеет место в туркменской версии, в татарском дастане нет. Татарский книжный дастан останавливается лишь на некоторых событиях жизни Кур углы. Сказать, что эти события в других национальных версиях всегда излагаются последовательно, невозможно, одни и те же имена, схожие события по разному поводу встречаются в разных местах сюжета. В отличие от туркменской, таджикской, азербайджанской и др. версий татарский дастан на новой почве составлен по-новому, в творческом процессе был подвергнут большим изменениям. Остановимся на некоторых эпических мотивах этого объемного варианта дастана.

Когда Кур углы исполнилось тридцать лет, к нему пришли Хозыр, сорок святых душ, двенадцать имамов и посвятили ему святую молитву. В сорок они вновь пришли к нему и спросили, чего он от них хочет. Он просит у них долгую жизнь в почете и славе, а попросить детей-наследников не догадывается. В дастане говорится о том, что, несмотря на неоднократную женитьбу, детей у него не было. Понимая необходимость наследников, доживая до ста лет, Кур углы привозит из Исфохана хана Хасана, объявляет его своим сыном, ставит его во главе храбрых юношей.

Далее дастан повествует о том, как под предводительством Хасана сорок юношей идут в страну Хункар. Оказалось, что здесь «живет красавец-юноша Гаваз – сын мясника по имени Булдырык». Кур углы захотел увидеть Гаваза, сделать его своим наследником. Поэтому он, приказав: «Слушайте и подчиняйтесь Хасану!», в Хункар посылает войско с целью привести Гаваза.

В татарской версии Гаваз соответствует упоминаемому в различных национальных версиях образу красивого юноши по имени Айваз (Овез, Иваз, Аваз). В каждой из западной и восточной версий дастана есть эпизод, когда в одной из захватнических войн Кур углы крадет юного кра-

сивого юношу по имени Айваз. Этот юноша сначала служит у Кур углы виночерпием, а позднее становится единомышленником этого голово-реза-мстителя. Похоже на то, что описанный в версиях дастана эпизод о юноше связан с событиями действительности.

Занимаясь поиском материалов о движении джалалидов в архивах Турции, Х. Короглы наткнулся на интересные исторические сведения. Он пишет: «Самые достоверные сведения о джалалидском движении во главе с Кёроглу сохранились в государственных архивах Турции. В указе от 1580 г., адресованном правителю Болы (главный враг героя во всех версиях эпоса) и кадию Герееде, говорится о бесчинствах, совершаемых неким Кёроглу, которого следует поймать и наказать согласно закону. Чрезвычайно любопытно, что в этом же указе упоминается о том, что Кёроглу увел с собой красивого подростка. Об этих же событиях рассказывают другие архивные документы, датированные 1579–1581 гг.»¹. Следовательно, есть возможность проникновения в дастан реальных событий. Но татарской версии это событие напрямую не касается, сюда оно проникло в процессе фольклоризации из других национальных версий.

Хан Хасан с сорока юношами доходит до государства Хункар и останавливается у горы Бадбахет. Гора эта находилась в землях Горжестан. Юношам, которые с горы с удивлением восхищаются масштабом города, большим количеством ворот, Хасан-бек произносит 26 стихотворных строк, зафиксированных в рукописи². В них он призывает юношей к схватке, просит оправдать доверие Кур углы Солтана.

Татарский «Кур углы Солтан» – произведение, полностью сохранившее дух тюркского героического эпоса. Например, когда на помощь богатырю приходят святые старцы – это явление, часто встречающееся в дастанах тюркских народов. Так, в дастане «Алпамыш» герою помогает сам Хозыр. В азербайджанской версии дастана «Ашик Кериб» герой также с помощью Хозыр Ильяса успеваеет в нужное время добраться в нужное место и др.

В «Кур углы Солтан»е этот мотив связан с еще одним популярным в тюркских дастанах моментом – мотивом бездетности. Этот мотив чрезвычайно популярен в эпосе казахского, киргизского, узбекского, туркменского, каракалпакского и др. тюркских народов. Например, в казахском народном эпосе «Кобланды батыр» Токтарбай доживает до восьмидесяти лет и тоже не имеет детей. И в киргизском «Манасе» Якуп льет слезы из-за того, что нет детей. Этот широко распространенный мотив наблюдается и в казахской версии дастана про Чура-батыра. Не будет ошибкой сказать, что главным в «Кур углы солтан»е является мотив бездетности,

¹ Короглы Х.Г. Туркменский эпос «Героглы» и особенности его историзма. С. 143.

² Фонд ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, колл. 39, ед. хр. № 5013.

ибо именно эта проблема вынуждает Кур углы бороться сначала за хана Хасана, затем за хана Гаваза и служит построению сюжета.

Существует также тобольский вариант, записанный В. Радловым в конце XIX в. у сибирских татар, что свидетельствует и об устном бытовании эпоса в татарском народе. Этот вариант состоит из некоторых кратких эпизодов популярного дастана и по своему сюжету заметно отличается от рукописных и изданных вариантов поволжских татар. К сожалению, текст сохранился в единственном списке, принадлежавшим самому В. Радлову. Не исключено, что тобольский «Кур углы» восходит первоначально к письменному среднеазиатскому источнику, завезенному в Сибирь.

Если обратиться к языку, стилю и поэтическим особенностям дастана, то подтверждается, что это произведение было записано под диктовку некоего Исали сына Руси. Его повествовательный язык отличается смешанным, синкретическим характером, т. е. текст включает в себя как выражения устной, разговорной речи, так и обороты, характерные для письменной прозы того времени. Например, «Истанбул патшасы эйтте», «Күрнең улы эйтте», «Туры атка менеп, Истанбулга барды», «Күр улы атын һәм бэйләде», «Тоттылар Күрнең улын, аягын-кулын бэйләделәр, алып киттеләр, зинданга салдылар» – «Сказал царь Истанбула», «Сказал сын Кура», «Сев на гнедую, приехал в Станбул», «И сын Кура привязал свою лошадь», «Поймали сына Кура, связали руки и ноги, унесли, посадили в зиндан» – здесь порядок слов, в частности, месторасположение связки «һәм» (и) подчиняется литературному канону и т. п. И еще: язык дастана больше тяготеет к казанскому говору и довольно далек от разговорного диалекта сибирских татар. Это явное следствие влияния языка и культуры татар Поволжья. Самое главное, татарская версия «Кур углы», хотя и была записана на Tobольской земле, зафиксирована письменно и бытовала в Поволжье в печатном виде, многократно переиздавалась в Казани. Следовательно, этот вариант не является подлинно аутентичным, испытав стилистические изменения, он приблизился к книжной культуре или сформировался в эпическом стиле поздней эпохи, приобретая «новшества», чуждые для текста традиционного дастана.

Касаясь происхождения данного варианта дастана, следует сказать следующее: соседство со Средней Азией, по-видимому, обеспечивало сибирских татар письменными источниками, приходившими оттуда. Tobольские татары в первую очередь под влиянием мусульман Средней Азии в XVI в. приняли ислам, а под влиянием переселившихся туда казанских татар постепенно потянулись к письменной культуре. Именно этим объясняется скрещивание в дастане завезенных извне письменных и местных устно-вербальных традиций, а также смешение или параллельное использование лексики и оборотов диалектального и литературного характера.

Несмотря на неоднократное переиздание в казанских типографиях, дастан «Кур углы» не получил распространения у поволжских татар в устной форме. Изданные варианты и рукописные фрагменты этого дастана ценны тем, что появились они у нас в результате тюрко-иранских культурных и литературных связей.

В сравнении с туркменским, казахским, узбекским или азербайджанским живым эпосом в татарской книжной версии не хватает динамизма, энергии полуречитативного повествования, а также по объему текстов она намного уступает некоторым национальным эпическим циклам на этот же сюжет, известным в форме эпосов. Но в то же время татарский «Кур углы» обладает всеми закономерностями, свойственными эпическим текстам, что отражается в тематике, типологии, мотивах и идее произведения. Сюжетным стержнем дастана также служат общие с другими национальными версиями имена персонажей, топонимика и эпизоды.

Итак, дастаны, связанные с именем Кур углы, у татарского народа встречаются в рукописной и печатной форме. На определенном этапе формирования книжных дастанов хикаят «Кур углы» знаменателен как произведение, удовлетворявшее потребности народа в письменной литературе. Татарской версии свойственно то, что по построению сюжета, подаче образов-персонажей, последовательности событий, объему и др. она не повторяет версии других народов, имеет различные варианты, начиная от бытовавшего у сибирских татар, рукописного текста и кончая найденным в Поволжье списком и множеством изданий. Дастан «Кур углы» – бесценен как творчество, относящееся к эпической культуре татарского дастана, и в плане изучения нашей этнической истории, тюрко-татарских культурно-литературных связей, и как героическое произведение приключенческого характера.

Герико-религиозный эпос «Кахарман Катил»

Дастан «Кахарман Катил» – письменный народный эпос героического характера. В различных научных центрах хранятся рукописи дастана, переписанные татарами в XVIII в., а с начала XX в. он был несколько раз издан в типографиях Казани.

В истории татарского фольклора этот дастан известен давно. В 20-е гг. XX в. известный татарский писатель и ученый-литературовед Г. Ибрагимов упоминает дастан «Кахарман Катил» в одном ряду с такими письменными памятниками, как «Кысса-и Юсуф», «Тахир-Зухра», «Буз егет», «Кысса-и Саид Баттал». Касаясь в этой статье проблемы периодизации татарской литературы, он отметил, что «Кахарман Катил» относится к «древневосточному периоду Российского мусульманства» («кадимге

Шәрәкъ-Русия мөселманлыгы дәвере»¹), что это памятник письменности, «своим религиозным характером, общественной мыслью, всем своим бытием ориентированный на Восток». Следовательно, в литературоведении уже во времена Г. Ибрагимова на это и многие другие произведения существовал теоретический взгляд, что они «являются ценными литературными сокровищами, служащими народу в тот период духовной пищи», и они в определенной мере получали свою оценку.

«Кахарман Катил» получил распространение среди татар в двух формах – сначала в нескольких вариантах рукописной, а с наступлением периода активного книгопечатания – в виде книг. Рукописи дастана зафиксированы в фондах научных центров: Фонд Центра письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНРТ, колл. 39, ед. хр. 3497. Условное обозначение далее в тексте – [К.К.І]; Фонд Центра письменного... колл. 39, ед. хр. 6121. – [К.К.ІІ]; Фонд научной библиотеки им. Н. Лобачевского КФУ, отдел редких книг: Т 141, Т 518, Т. 519, Т 646, Т 741, Т 762, Т 2262. – [К.К.ІІІ]; Литературный фонд Национального музея РТ, шифр Л 3027. – [К.К.ІV]; Архивный фонд Института Матенадаран г. Ереван, док. под № 596. – [К.К.V]; Фонд Центра письменного... колл. 39, ед. хр. 6026. – [К.К.VІ].

Это произведение относится к специфичному типу татарских книжных дастанов, которые изначально существовали только в письменной форме. Такие памятники татар – это рукописные эпические произведения народа, в меру претерпевшие умелую обработку неизвестного или же полупоэтического автора-поэта. Данный тип книжных дастанов, как правило, не обладает зафиксированными из уст сказителя вариантами или даже устными фрагментами из дастана на тот или иной сюжет.

Дастан о Кахармане Катил в народе был известен как «Кахарман хикайате», «Кыссаи Кахарман», «Кахарман Катил кыссасы», «Кахарман китабы», «Кахарман Катил» и «Кахарман дастаны», хотя во всех названных текстах речь идет об одном и том же Кахармане, совпадают и последовательность основных событий всех этих произведений, незначительны также различия в системе образов и персонажей. Проявленные отличия относятся в основном к синтаксико-стилистическим и структурно-композиционным особенностям рукописей или же изданий, и принципиальных различий для рассмотрения этих текстов как разных жанров литературы или же фольклора нет. Все вышеупомянутые народные названия эпоса «Кахарман Катил» идентичны термину «дастан» в сегодняшнем его понимании.

¹ *Ибрагимов Г. Ижтимагый, әдәби хәрәкәтләр тарихын тикшерүдә марксизм ысулы // Ибрагимов Г. Әсәрләр. Сигез томда. Т. 5. Әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1910–1933). Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. Б. 339.*

Кахарман Катил. Рукопись XVIII в. Собрание ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ

Лейла и Меджнун. Рукопись конца XIX в. Собрание ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ

Кыйсса Тахира и Зухры. Казань, 1907.
Страница 1 с унваном.
Фонды НБЛ К(П)ФУ

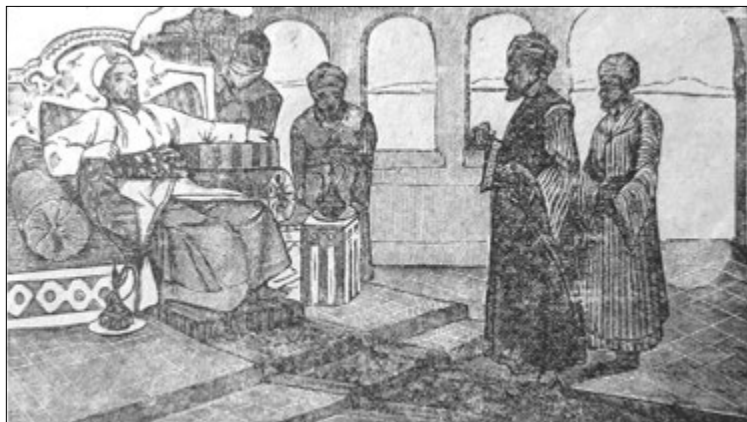
Хикаят Кур углы Солтана. Казань, 1913.
Страница 1 с унваном.
Фонды НБЛ К(П)ФУ

Кыйсса Тахира и Зухры. Казань, 1908.
Обложка. Фонды НБЛ К(П)ФУ

Кахарман Катил. Казань, 1918.
Обложка. Фонды НБЛ К(П)ФУ

Хикая Лейлы и Меджнуна. Казань, 1917. Иллюстрации.
Художник Ф.С. Быков. Фонды НБЛ К(П)ФУ

Наки Исанбет. Идегей. Трагедия в 5 частях. (Написано по дастану «Идегей»). Казань, 1941. Обложка и фронтиспис. *Фонды НБЛ К(П)ФУ*

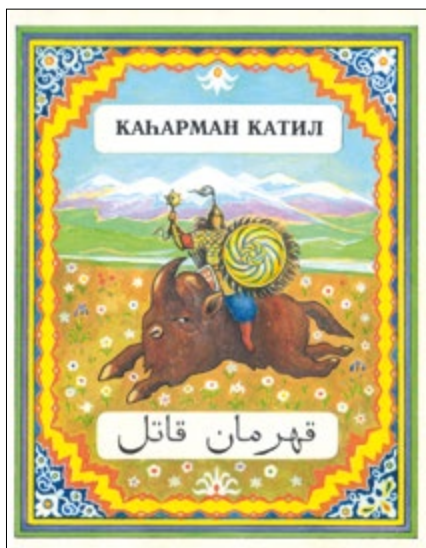

Идегей (по мотивам эпоса «Идегей»). Казань, 1994. Иллюстрации. Художник С. Елисеев. *Фонды НБЛ К(П)ФУ*

Б.М. Альменов. Иллюстрации к татарскому народному эпосу «Идегей». 1941–1942.
Собрание семьи художника

Н.Н. Фахрутдинова. Эскиз обложки и иллюстрации к книге «Кахарман Катил». 1996.
Собственность автора

Чура батыр. Татарский народный дастан. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. Обложка и иллюстрация. Художник В.Е. Булатов

Р.Г. Шамсутдинов. Иллюстрация к эпосу «Чура батыр». 2000. Собственность автора

П.Т. Сперанский. У озера Асыл-куль. Эскиз декорации к опере Н. Жиганова «Туляк» («Түләк»). 1945. Частное собрание

П.Т. Сперанский. Эскиз декорации к опере Н. Жиганова «Туляк» («Түләк»). 1945. Собрание ГМИИРТ.

П.Т. Сперанский. Эскиз костюма Туляка к опере Н. Жиганова «Туляк» («Түләк»). 1945. Частное собрание

П.Т. Сперанский. Эскиз костюма Аембике к опере Н. Жиганова «Туляк» («Түләк»). 1945. Частное собрание

П.Т. Сперанский. Эскиз костюма Булгарского хана к опере Н. Жиганова «Туляк» («Түләк»). 1945. Частное собрание

П.Т. Сперанский. Эскиз костюма Сарлана к опере Н. Жиганова «Туляк» («Түләк»). 1945. Частное собрание

П.Т. Сперанский. Эскиз декорации к опере Н.Жиганова «Туляк» («Түләк»). 1945. *Собрание ГМИИРТ.*

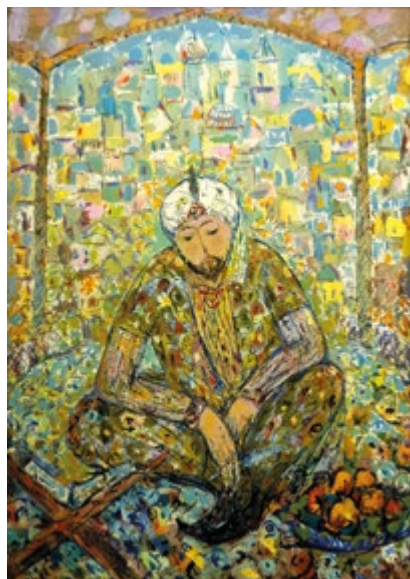

А.И. Тумашев. Летний тронный зал. Эскиз декорации к спектаклю по пьесе Ф. Бурнаша «Тахир и Зухра». 1957–1959. *Собрание ГМИИРТ*

М.Ш. Хазиев. Зухра. Левая часть триптиха «Тахир-Зухра» (Зухра. Тахир. Татар иле). 2010. Собрание ГМИИ РТ

М.Ш. Хазиев. Тахир. Правая часть триптиха «Тахир-Зухра» (Зухра. Тахир. Татар иле). 2010. Собрание ГМИИ РТ

М.Ш. Хазиев. Татар иле. Центральная часть триптиха «Тахир-Зухра» (Зухра. Тахир. Татар иле). 2010. Собрание ГМИИ РТ

К.З. Замитов.
Тахир и Зухра.
1990-е.
Собрание
ГИАХМЗ
«Казанский
Кремль»

Р.М. Саяхов. Диптих «Тахир и Зухра». 2013.
Собрание ЕГИАХМЗ

Имеются несколько рукописей дастана, созданные разными творческими личностями. Они отличаются между собой почерком, местом, временем письменного исполнения, некоторыми различиями в сюжетном плане и образной системе произведений, полнотой и всеми остальными особенностями текстов. В некоторых рукописных списках упоминается имя творца-переписчика, а некоторые «созданы» без указания «автора». Язык всех текстов дастана приближен к говору поволжских татар, т.е. основному составляющему литературного татарского языка своего времени, и это указывает на то, что все переписчики-информанты списков «Кахармана Катил» являются исконными казанскими татарами. А все изданные варианты дастанов напечатаны в Казани местными издателями. Все вышперечисленные факты создают прочную основу для того, чтобы рассмотреть это произведение как популярный в свое время книжный эпос татарского народа, бытовавший в письменной форме в нескольких самостоятельных вариантах.

Первый рукописный вариант [К.К.I] – наиболее полный, самый объемный и достаточно хорошо сохранный список дастана, состоящий из 270 листов, переданный в фонд Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ в 1984 г. из личного архива жителей г. Казани Рабигой Замановой и Санией Каримовой. Список частично реставрирован в начале XIX в. в семейной библиотеке Замановых. Лексика и грамматика текста, тип бумаги и чернила, а также оформление рукописи и др. признаки дают возможность отнести данный источник к памятникам XVIII в. Большая часть текста написана прозой, имеется и рифмованная речь.

Второй рукописный вариант [К.К.II] также отличается полнотой содержания текста и хорошим качеством хранения. Известно имя переписчика дастана – Мухамметсадык бин Мухамметжан бин Мухамметэмин бин Губайдулла бин Юсуф бин Кадыр бин Бикмамет. На титульном листе указаны место и дата завершения рукописи – Казань, 13 июля 1841 г.

Несколько списков дастана, хранящихся в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки им. Н. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета, следует отнести к обобщенному третьему рукописному варианту [К.К.III]. Здесь зафиксированы всего семь не полных списков «Кахармана Катил». Все они найдены на территории Татарстана, утеряны некоторые листы, почерки и уровень грамотности списков весьма разные, что лишний раз доказывает о его читаемости и активном распространении в народе.

Четвертый рукописный вариант [К.К.IV], который хранится в Государственном национальном музее РТ, а также еще один список дастана [К.К.V], хранящийся в Ереване, также являются памятниками XVIII в.

Шестой список [К.К.VI] представляет собой сокращенный вариант «Кахармана Катил». Этот вариант состоит из 14 листов, представлен как законченное произведение, найден М.И. Ахметзяновым во время археографической экспедиции.

С начала XIX в. дастан «Кахарман Катил» стал объектом внимания разных издателей, поэтому также быстро получил популярность среди татар и в печатном виде. Между изданными «Кахарманом Катил» и его рукописными списками в общезыятом отношении трудно найти принципиальные различия. Согласно специфике распространения народных произведений, ни один издатель не указывает источник текста, однако налицо издание их под влиянием ранее существовавших рукописей. Если не учесть некоторые лексико-грамматические изменения, все более приближающие старотатарский язык XVIII в. к современному литературному, все издания повторяют особенности того или иного списка дастана. Вплоть до конца 20-х гг. XX столетия тексты «Кахармана Катил» издавались или в короткой, или в более полной форме по несколько раз большими тиражами. Например, известно, что в 1912 г. в издательстве «Каримия», в 1913 г. в издательстве Ш. Хусаинова «Кахарман Катил» был издан в 6000 экземплярах.

Итак, и рукописи, и издания можно разделить по объему на два вида – в народе бытовали тексты «Кахармана Катила» с краткими и более развернутыми, сложными сюжетами. Такая традиция, т.е. обособление самостоятельного сюжета из большого произведения идет от фольклорного эпоса Средней Азии, Ирана и Азербайджана. Эпопеи, которые состоят из циклов, представляют собой несколько самостоятельных дастанов с одинаковыми событиями и главным героем. Например, цикл «Манас» у киргизов, циклы о Кур углы в азербайджанском, турецком, казахском, узбекском, туркменском, таджикском и др. народах, версии знаменитого «Идегея» состоят из множества самостоятельных частей. Обособленные из обширного сюжета некоторые главы очень часто бытовали устно как отдельный дастан.

Распространение в татарском народе «Кахармана Катил» в форме краткого хикаята (всего 14 листов или 14–16 печатных страниц) и более объемного по своему сюжету дастана (рукописные списки с объемом до 270 листов или издания от 78 до 116 страниц) – это слабое проявление в книжной версии дастанного жанра именно этой традиции, т.е. обособления малого сюжета из большого. Естественно, заметны различия между живым и книжным эпосом. Но определенные правила в обособлении какой-либо сюжетной линии все же имеются и в книжной версии подобной традиции. Из большого «Кахармана Катил» каждый раз выделяется не любой фрагмент, а значительное в дастане событие, а именно – страшный поединок Кахармана с Дивом Аквал (в некоторых списках – Иквал или

Иквалзаррэ) в мифическом мире. Следует обратить внимание, что «Кахарман Катил» и в рукописном, и в печатном текстах последовательно верен этой традиции. И со всей уверенностью можно сказать, что в промежутке времени с XVIII в. по XX в. распространение этого дастана в кратком и длинном вариантах прочно вошло в эпическую традицию татар.

«Кахарман Катил» наполнен персидско-иранскими эпическими мотивами, а имена героев и др. элементы также указывают на древнеиранские этнические корни произведения. Этого вполне достаточно, чтобы сделать вывод о том, что своими генетическими корнями он примыкает к древнему иранскому письменному источнику «Кахарманнамэ». Этот малоизвестный памятник, относящийся к XI–XIII вв., возник на территории Ирана под влиянием древнейшего персидского эпоса¹, т.е. реминисцирован из иранского эпоса. По мнению ученых-филологов, характеризующих литературу и фольклор Ирана и Средней Азии периода «Кахарманнамэ», такие произведения были письменного характера, но обычно устно исполнялись грамотными профессиональными сказителями на разного рода собраниях. Как отдельный источник «Кахарманнамэ» не изучен, не известны также и его издания. По всей вероятности, самую большую информацию о нем могут дать именно те произведения, которые возникли гораздо позже, но под прямым влиянием этого памятника.

Родина первоисточника эпоса о Кахармане – Иран – это регион, где в X – XI вв. произошло массовое проникновение на территорию тюркских племен, что способствовало формированию здесь совершенно новой культуры, основными компонентами которой являются не только иранские, но и тюркские элементы, и роль последних в последующем значительно возросла. Данный факт говорит о том, что обогащенный тюркскими элементами иранский эпос на определенном историческом этапе представляет собой синтез двух культур – иранской и тюркской². С X в. в восточных персидских землях правили развитые тюркские династии Караханидов, Газнавидов, Сальджуков. Поскольку время возникновения «Кахарманнамэ» источниками датируется XI–XIII вв., не исключено, что этот письменный памятник был достоянием не только иранских, но и тюркских племен.

Следует отметить, что в дастанном эпосе татарского народа значительное место имеют эпические произведения религиозно-героического характера. В дастанах этой категории ограниченность, свойственная эпическому сюжету и образам обогащена религиозными элементами. Здесь в борьбе с врагами главный герой опирается не только на свою силу и

¹ История всемирной литературы: в 9-ти т. Т. 2. М.: Наука, 1984. С. 266.

² *Короглы Х.Г.* Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М.: Наука, 1983. С. 320.

возможности, как это обычно происходит в древнетюркском героическом эпосе, и на всевышние силы. Эпический герой своих врагов, в роли которых очень часто выступают кяфиры, т.е. неверные, в беспощадном бою побеждает с помощью Аллаха, будучи могучим и непобедимым, герой покоряется Аллаху, все свои деяния совершает с его именем. Таким образом, в религиозно-героическом эпосе татар эпические каноны приспособляются к исламским канонам, не противореча при этом исходным закономерностям героического эпоса. Таковым является «Кахарман Катил» наряду с другими религиозно-героическими дастанами татар как «Кыссыи Сякам», «Кисекбаш» и др.

«Кахарман Катил» в свое время бесспорно был одним из самых читаемых дастанов, поэтому и занял в дальнейшем прочное место в литературном наследии татарского народа. Столь большая популярность этого произведения в народе кроется в тесном литературно-культурном взаимоотношении тюрко-татар с персоязычным Ираном. До начала XX в. персидский язык служил татарам для литературно-научного письменного общения. Проявленный интерес к письменной культуре, единство религии, пропитанность «Кахармана Катил» мусульманской идеологией и его захватывающий сюжет с тюрко-иранскими фольклорными мотивами и мифологией способствовали проникновению дастана в нашу среду.

Дастан «Кахарман Катил» описывает приключенческую героическую судьбу героев, в особенности главного героя, увлекает читателя своим полуреальным, полумифологическим сюжетом. Слово «кахарман» в тюркском героическом эпосе соответствует понятию «батыр (герой, богатырь), которому нет равных», поэтому воспринимается как типичное понятие. Описание этого образа в дастане подтверждает эту типичность. В тюркском эпосе, как правило, героическая жизнь героя описывается, начиная с рождения и до самой смерти, а здесь описание о Кахармане начинается с подробного рассказа о его детском приключении, возведение батыра на пьедестал происходит по аналогии с тюркским эпосом путем обогащения сюжета различными приключенческими элементами. В «Кахармане Катиле» героев, характерных для героического эпоса, несколько, но тому, чьим именем назван дастан, в произведении отводится самое большое место.

Слово «катил» с ударением на последний слог в переводе с арабского означает «убийца». Исходя из сегодняшних эстетических соображений, такое прозвище не к лицу Кахарману Катилу. Но связь сюжета произведения с древним фольклором вполне допускает применение этого слова по отношению к герою произведения. Исходя из сюжета, становится понятным, что главный батыр в дастане Кахарман – и есть убийца, это слово следует воспринимать как есть. Он сражается с такой отвагой, что «рвет

войско как три льва), «бьется, издавая рев дракона», «кровь погибших от его руки льется рекой» и др. В картинах, изображающих в дастане сражение, Кахарман никак не предстает как пример воспитанного благородства, он бесстрашный, безжалостный палач. Как это свойственно эпическому герою, он считает себя всегда правым, а врагов уничтожает. Следовательно, его своего рода «смертоносность» оправдывается на фоне борьбы за справедливость. Поэтому в содержании дастана на первый план выносятся не то, что Кахарман убийца, а то, что это необыкновенной силы богатырь, которому нет равных. Посвятив свой героизм святому делу – победе исламского войска, он прославляется верной службой своему падишаху. Несмотря на название «Кахарман Катил», в дастане он чаще всего упоминается как Кахарман, что в переводе означает «герой, батыр, богатырь».

Произведение достаточно сложное, в содержании которого нашли отголоски и архаические иранские пласты из священной книги Авеста – религии зороастризма, и пласты персидского мусульманства, и коранические мотивы, проникшие от арабов-мусульман, и влияние поволжских татар-мусульман. «Кахарман Катил» – народное произведение, сформированное и обогащенное на нашей почве своеобразными оттенками, способное удовлетворить внутренние потребности образованной прослойки населения, распространенное в нескольких вариантах.

Если исследовать дастан на основе генезиса сюжетов, то есть основание для изучения «Кахармана Катила» в группе религиозно-героических дастанов. Уже то, что каждая рукопись и издание текста начинается с имени Аллаха, является важным внешним фактором, позволяющим относить данный дастан к этой группе. Существует мнение, что истоки этого произведения берут начало из персидского письменного источника, имеющего отношение к толкованию Корана. На содержание «Кахарманнаме» оказали влияние арабские толкования Корана или повторно выполненные его персоязычные переводы.

В татарском «Кахармане Катиле» можно выделить две большие сюжетные линии: религиозно-героическую и сказочно-мифологическую. Через события дастана, объединенные в единый сюжет, они находятся в тесной связи между собой. Эти две сюжетные линии и сами состоят из отдельных небольших хикаятов (рассказов), воспринимающихся как единое целое, вернее, события дастана могут легко подразделяться на мелкие рассказы с самостоятельным сюжетом. Поэтому в народе нашли хождение и полный вариант «Кахармана Катила», и отдельные варианты в форме отдельных хикаятов. Для татарского «Кахармана Катила» наряду с мотивами, восходящими к Корану и его толкованиям, характерно освещение событий, исходя из общих исламских традиций. Элементы, приближающие дастан «Кахарман Катил» к исламу, охватывают

целиком и линию героического сюжета, и мифологическую часть, выполняют роль идеологического моста, объединяющего в дастане два больших сюжета.

Основная мысль произведения – усиление ислама. Преклонение перед Аллахом, упование на его милость всегда остаются главной точкой опоры в событиях произведения. Время в дастане обозначается в соответствии с временем намаза (молитвы), одного из столпов ислама; сражения, пройденный батыром путь, паузы между боями и др. обозначаются следующим образом: «до ахшама», «после ахшама», «после полуденного намаза»; в сюжете произведения батыр и его возлюбленная укрепляют отношения через никах и т.д. При описании событий каждое дело возлагается на волю Аллаха и исполняется с именами его пророков на устах, героизм богатыря основан на следующих условиях: «С помощью Аллаха», «Если Аллах даст сил». Упоминание имени Аллаха в тяжелых ситуациях, сборы в дорогу, полагаясь на Аллаха, воспринимаются в дастане как естественное явление. Даже описывая не одобряемые исламом деяния, в конечном счете чувствуется, что все это исполняется по воле Аллаха. Например, при гадании или предсказании приглашенным астрологом будущего делается вывод: «Аллаху нельзя ни в чем противостоять».

События сюжета произведения, которые можно отделить в качестве мифологической части, подчинены этой же мысли. Например, когда шах Шахбал обратился за помощью к богатырю персидского падишаха Кахарману с просьбой спасти свою жену Кемеррух, Кахарман сразу отправляется в путь. Полагаясь на милость Аллаха, он спускается на дно колодца, откуда и начинается мир дивов.

Дивы, чувствующие приближение к ним Кахармана, говорят: «О, милостивый, да это же богатырь Кахарман». А див Шагбан, разрубленный пополам богатырским мечом Кахармана, оживает и говорит: «Эй, богатырь! В честь уважения твоей веры, поруби меня еще раз своим мечом!» Или же другой пример: после того, как Кахарман разрубил своим мечом дива Эквала, тот «переместился на седьмое дно ада». Как видно из примеров, кажущаяся в какой-то степени самостоятельной мифологическая сюжетная линия дастана не свободна от возвеличивания Аллаха, идеологии ислама и ведения религиозных войн.

В дастане войско шаха Хушана – падишаха персидского государства – в каждом случае соседствует с возвеличиванием в качестве исламского войска, а воины шаха Хушана, как правило, – исламские воины, мусульмане. Сам шах Хушан – «умный и сильный», чрезвычайно опытный руководитель, подчинивший себе всех падишахов, кроме индийского, призван на персидский трон из государства Синжак. После его восшествия на персидский трон государственные интересы обращаются в сторону Индии,

разумеется, и цели богатырей в сюжете естественным образом совпадают с целью падашаха.

При изучении текста татарского дастана можно обнаружить ярко выраженных три пласта, которые гармонично нашли отражение в одном и том же произведении. Это древнетюркские и древнеиранские, а также мусульманские компоненты. Следует отметить, что последний все более отдален от ортодоксального ислама и приближен к народной религии, характерной для татар Поволжья. Дастан обеспечивает эмоционально-идейную целостность архаичных иранских и тюркских фольклорных и тюрко-иранских мусульманских традиций и объединяет хронологически и географически разные периоды и территории.

«Кахарман Катил» создан из двух начал – здесь традиционное тесно переплетено с индивидуальным. Под традиционным началом подразумевается основание сюжета на фольклорные и мифологические мотивы героико-приключенческого характера. А индивидуальное начало здесь предстает в умелой обработке обширного материала и преподнесении его в идеальном соотношении к вниманию читателя в виде народной книги.

«Кахарман Катил» – это неоценимый источник для изучения тюрко-иранских межэтнических, культурных, литературных связей, один из замечательных книжных дастанов татар, основанный на традиционной героике, но по причине духовной необходимости перевоплощенный в религиозно-героический эпос. Народом он был принят в совокупности всех этих качеств и, сохраняя свою генетическую сущность, принял форму книжного народного достояния татар.

Романтический сюжет о Лейле и Маджнуне

По своей вариативности, популярности и распространенности, среди книжных дастанов татарского народа значительное место занимают произведения романического характера. Это – тексты дастанов о Тахире и Зухре, о Юсуфе, о Сайфульмулюке, о Лейле и Маджнун, Шахсанем и Гариб, и др. Большая популярность таких сюжетов кроется в появившейся в свое время духовной потребности народа в эпических творениях эмоционально-приключенческого характера.

Как известно, в мировой литературе на эти же сюжеты существуют индивидуальные авторские произведения. Например, «Сказание о Зохране и Тахире» Молла Непеса, «Кысса-и Юсуф» Кул Гали, «Сайфульмулюк» Маджлиси, знаменитая поэма из пятерицы Низами и т. д., в возникновении которых, как известно, сыграли большую роль древние легенды на тему любви между двумя молодыми людьми. Вполне можно предположить, что знаменитые литературные дастаны-поэмы известных поэтов Древнего Востока в более позднее время вдохновляли творцов к созданию новых дастанов.

Лейли и Маджнун – герои популярного на Востоке арабского предания о несчастных влюбленных. «Лейли» – именно такое написание имени персонажа встречается в восточной средневековой литературе, а татарский вариант отличается с более открытым произношением этого имени, что отражается и в письме – «Лэйлэ» («Лейля»); написание имени юноши также варьирует: «Меджнун» – «Маджнун». Особенности написания в восточных и татарских текстах в настоящем исследовании сохранены.

По преданию Лейли и Кайс (имя юноши) в детстве пасли стадо верблюдов, постепенно между ними вспыхнула любовь. Лейли и Кайс никак не могут воссоединиться. Кайс, уйдя из своего племени, начинает жить в пустыне один, слагая песни о своей возлюбленной. Ему дают прозвище Меджнун, что означает сумасшедший, выживший из ума. Действительно, Кайс от любви теряет разум: он ни с кем не общается, никого не слушает, лишь услышав имя Лейли, приходит в себя, поет песни любви. В отношении влюбленных родители Кайса и Лейли не находят общего языка, отец Лейли клянется, что никогда не отдаст дочь за Меджнуна. Меджнун не смог оправиться от любовной болезни. В конце концов и Лейли и Меджнун умирают от тоски вдали друг от друга.

Среди многочисленных дастанов татарского народа произведения на сюжет «Лейля и Маджнун» занимают особое место. Весьма удачное, сочетание индивидуального и традиционного начал в этом дастане сформировало классический образец татарского книжного дастана. Средневековый творческий метод не противоречил распространению одного и того же сюжета в виде разных национальных версий эпического произведения. Новые дастаны на повторяющиеся сюжеты создавались и в Поволжье. Оставаясь в границах сюжетной традиции, здесь они приобрели новое звучание, соответствующее местным традициям, приспособились к новой жизни в фольклорном стиле, однако разрабатывались в новой – книжной версии. Фольклорные дастанные тексты создавались в письменной форме и распространялись письменно в виде рукописных книг. В них отсутствуют такие обязательные элементы традиционного «живого» жанра, как динамичность, энергия повествования, широкий диапазон в исполнении текста, а использование силлабики как народного стиля в стихосложении имеет тенденцию к уменьшению.

В тексты дастанов татар проник книжный стиль, народное творчество усвоило не только литературные сюжеты, но и поэтические формы. В большинстве из них речь персонажей изложена близким к литературному языком, вследствие чего стерлись многие особенности живого исполнения. Зависимость дастанного эпоса от письменной литературы у поволжских татар в свое время приобрела массовый характер. Перешагнув устно-музыкальное «живое» исполнение, дастанный эпос

у татар Поволжья все интенсивнее получал тенденцию развития как книжный.

Но в то же время книжному дастану о Лейле и Маджнуне присущи закономерности, свойственные текстам народного творчества. Это отражается и в тематике, и в типологии, и в мотивах произведения, а также в типичности мировоззрения в нем. В своем письменном бытовании дастан имеет вариативность, в народе встречаются также и устные фрагменты на этот сюжет в виде эпической песни или же краткого содержания более популярного письменного варианта.

Индивидуальное начало здесь тесно переплетено с традиционным, что и дает право рассматривать подобные произведения как специфичный тип книжного вида жанра. По своему содержанию они восходят и к литературным и фольклорным источникам. Дастан в большинстве случаев сложен путем переработки популярного сюжета, но далек от оригинальности. Поскольку жанр дастана в процессе творчества сам по себе играл роль своеобразного моста между индивидуальными и традиционнотипичными началами, то в некотором отношении, естественно, тексты дастанов о Лейле и Маджнуне приближаются к индивидуальному творчеству и воспринимаются читателем как авторское произведение. В то же время таким памятникам присущи качества народной эпической традиции, и этим они серьезно отличаются от оригинальных произведений.

Подробнее проследим этот процесс на примере излюбленного народом сюжета о Лейле и Маджнун. Сюжет о героях, популярной на Востоке арабской легенды, впоследствии отразился в персидских, турецких народных дастанах, а также вошел в творчество суфийских поэтов, таких как Дехлеви, Физули, Навои, Джами и др. Среди таких произведений самым известным является поэма Низами Ганджави (конец XII в.). Низами придал арабской легенде литературную целостность, конкретность, определил характер и действия персонажей, укрепил их психологическими мотивами, присущими литературным поэмам. Общей трагической концепцией произведения является всепоглощающее чувство любви, которое приводит любящих друг друга к духовной близости. Целенаправленное описание этого великого чувства, специфичные драматические коллизии в произведении и представляют поэму Низами как литературное достояние индивидуального автора.

В то же время в поэме Низами интересен образ поэта, который через достоверный дастан доводит до народа историю любви Лейли и Меджнуна. Это дервиш – юноша по имени Заед, который как и Меджнун, страдает от любви. Этому персонажу в поэме Низами отведено довольно много места. В конце он читает народу стихи, которые он услышал от Меджнуна, или рассказанные другими стихами о любви. Низами описывает Заеда как

певца-импровизатора, читающего слушателям эпос, посвященный истории Лейли-Меджнун:

*Меджнуном сочиненный каждый бейт
Собрал и записал достойный Зейд,
Что помнил сам, что слышал от других,
Чтоб не забыт был ни единый стих.
И люди, восхищаясь без конца,
Хвалили вдохновенного чтеца.
Так все узнать с волнением смогли
Сказанье о Маджнуне и Лейли¹.*

Кроме общеизвестных литературных поэм на этот же сюжет создавались версии на арабском, персидском, таджикском, курдском, а также тюркских языках. Образцы классической литературы, имеющие в свою очередь фольклорные корни, впоследствии перерабатывались в свойственном народному творчеству стиле. У многих народов этот сюжет разрабатывался как устный эпос и представлял собой творчество эпических певцов.

Татарская версия «Лейли и Маджнуна» интересна тем, что она не является прямым переводом классических образцов, не носит подражательный характер, не является устной переработкой домашних или уличных чтецов классической поэзии. Представленная в нескольких самостоятельных вариантах татарская народная версия – результат проникновения в фольклорную среду письменной культуры. Будучи созданным на общеизвестный сюжет, спустя несколько столетий, дастан «Лейли и Маджнун» вновь приобрел форму народного творчества, но уже в письменной форме. Во многих случаях нельзя установить авторство татарских переработок, в то же время встречаются и списки, преобразованные местными творческими личностями и зафиксированные под именем отдельного «автора». Например, известны варианты Б. Шарафа (условно), А. Тубыли, изобилуют списки дастанов и без указания «автора»-переписчика, которые в научном обороте обычно именованы названием местности, где они найдены.

В истории татарской литературы были и прямые переводы известных текстов о Лейле и Маджнун, подражания тому или иному классическому образцу. Например, имеется литературный перевод Низами Махмудом Максуди, поэтическое переложение поэмы на татарский язык Фатихом Халиди, а также Галлямом Рашиди².

Народная книжная версия существенно отличается от подобных авторских творений. Национальные варианты «Лейли и Маджнуна» – это

¹ *Низами Г.* Собр. соч. в 5 т. / пер. с фарси Т. Стрешневой. М: Худ. лит., 1986. Т. 3. С. 302.

² *Ганжэви Н.* Лэйлэ белэн Мэжнүн. (Мэхмүд Максуд тәржемәсе). Казан: Тагосиздат, 1950. 150 б.; *Халиди Ф.* Мэшһүр гашыйк – мэгъшук Лэйлэ илә Мэжнүн хикәясе. Казан: Ун-т тип., 1902. 45 б.; *Рәшиди Г.* Лэйлэ вә Мэжнүн хикәясе. Казан: Центр. тип., 1917. 45 б.

дастаны, которые сохранили в себе эпические традиции народа, следы устного исполнения эпоса имеют традиционно-типичный характер в сюжетном и стилевом плане.

Самым большим по объему списком дастана «Лейля и Маджнуна» является текст на арабской графике, найденный в архиве татарского журналиста Бурхана Шарафа (1883–1943). Он состоит из 32-х листов, не указаны время и место переписывания. В научно-идентичной текстологической обработке Баки Урманче произведение увидело свет в 1984 г. в многотомном своде «Татарское народное творчество. Дастаны» на татарском языке (с. 174–206).

По содержанию произведение близко к поэме Низами, но есть и существенные отличия. Например, здесь отсутствует сюжетная линия, по которой Маджнун женится на дочери Науфала, он покидает страну и уходит в степь и в финале, услышав весть о смерти Лейли, умирает не вдали, а около ее могилы. Описание любви как божественного чувства здесь приобрело некий земной характер. Сюжет короткий, приспособлен к быту, мышлению и менталитету татарского народа своего времени, речь и действия главных героев характеризуют их как скромных и терпеливых, живущих глубокими внутренними переживаниями. По сравнению с восточным образом татарская Лейля более смелая, раскрепощенная, верная своей любви и борющаяся за свое счастье.

В главе «О том, как начинается учеба Лейли и Кайс влюбляется в нее» варианта Б. Шарафа читатель знакомится с прекрасной Лейлей. При описании красоты Лейли широко использованы традиции древней восточной литературы. Ее лицо – цветок, волосы – душистые колосья, брови – дугой, взмах ресниц – кинжал, глаза – сурьмяные, тело серебряное и серебрится, стан как лунный свет. Всех этих красот с каждым днем становится все больше и больше.

Если сравнить эти прозаические строки, описывающие вышеописанную красоту, с описаниями Низами, между этими двумя произведениями есть и сходство, и отличия:

*С ним вместе обучалась в школе той,
Жемчужной ослепля красотой,
Дочь племени соседнего одна.
Была она прелестна и умна,
Нарядней куклы и луны светлей,
И кипариса тонкого стройней.
Мгновенный взгляд, скользящий взгляд ее
Был, как стрелы разящей острие.
Газель с невинной робостью в глазах
Властителей земли ввергала в прах.
Арабская луна красотой лица*

*Аджамских тюрок ранила сердца.
В кудрях полных лик ее сиял,
Казалось – ворон в когти светоч взял.
Медвяный ротик, сладость скрыта в нем,
Был чуть приметным оттенен пушком¹.*

Волосы Лейли, описанной в татарской рукописи, сравниваются с «сөмбел». Это персидское слово, используемое и сегодня в татарском языке, означает колос или гиацинт. Вариант «сөмбелә» означает месяц август, и также колос². Сравнение шелковистых, блестящих волос девушки с сөмбел – традиционное изобразительное средство в фольклоре и литературе тюркских народов. У татар и сегодня есть уподобление светловолосых девушек «сөмбел», также таким девушкам дают имена Сөмбелә, Сөмбел. Поэтому, естественно, в татарской рукописи волосы девушки также сравниваются с сөмбел. А раз так, то выходит, что татарская Лейля представляется не черной, а белотелой и светловолосой. А у Низами имя девушки очень подходит к ней самой, «лейли» означает ночь, темень³. Ночь – символ темноты, следовательно, это больше соответствует черноволосой девушке. Великолепно описано как из под смолисто-черных кудрявых волос девушки сияет ее белоснежное лицо: «Казалось – ворон в когти светоч взял». Лейли Низами, несомненно, была брюнеткой.

Стиль дастана можно определить как устно-поэтический. Несмотря на письменное изложение, дастан рассчитан на внимание и сопереживание народной аудитории, а также на эмоциональный накал при прочтении. Стиль мышления в произведении коренным образом отличается от стиля Низами, который сложными способами более тонко, художественно доказывает проводимую в поэме идею. А в татарском дастане события описаны кажущимися иногда немотивированными переходами к нужным сюжетным перипетиям, имеются навязчивые повторы, внезапный переход от одного эпизода к другому. Применение типовых мотивов, тем, способов развития, стандартных для других романических дастанов татарского народа, является выражением традиционного начала в книжном дастане, посвященном Лейле и Маджнун.

Еще несколько рукописных вариантов национальной версии дастана «Лейля и Маджнун» хранятся в фондах Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ⁴.

¹ Низами Г. Собр. соч. в пяти томах. Т. 3. С. 67.

² Арабско-татарско-русский словарь заимствований. (Арабизмы и фарсизмы в языке татарской литературы). Т. 2. Б. 533.

³ Арабско-татарско-русский словарь заимствований. (Арабизмы и фарсизмы в языке татарской литературы). Т. 1. Б. 242.

⁴ Лэйлә белән Мәжнүн // Фонд ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, колл. 39, ед. хр. № 5014, № 5015, № 5016, № 3164, № 6058 и др.

Имеются тексты дастана так же в научной библиотеке им. Н. Лобачевского КФУ¹. Списки отличаются друг от друга по разнообразию описываемых событий, по полноте текста и сохранности рукописи, а также по синтаксическим и орфографическим особенностям. Некоторые варианты мало чем отличаются друг от друга, что доказывает переписывание одного и того же текста разными информантами-переписчиками. Например, Нижнекуюкский вариант, найденный в 1973 г. М. Ахметзяновым (ед. хр. 5014), очень близок со списком, переданным в фонд Письменного наследия жителем г. Казани Рабигой Замановой (ед. хр. 5014). Основной отличительной чертой этих списков является не сюжет и не стиль дастана, а качество бумаги и целостность страниц и записей в ней. Второй текст более полный. Имя информанта-переписчика, место и время создания списка не указаны. По типу бумаги и использованных чернил рукописи относятся к памятникам середины XIX в.

Особый интерес представляет рукопись, найденная в 1982 г. в деревне Сарабиккол (рус. Сарабиккуллово) Лениногорского района. Текст творчески переписан Ахметзяном бин Шамсетдин аль-Абави ас-Самари ат-Тубыли (Ахметзян Тубыли) (ед. хр. 6058), состоит из 58 поэтических строк. Этот вариант во многом созвучен с вариантом, найденным в 1979 г. (ед. хр. 3164). Последний сохранился в рукописной книге, написанной на персидском языке. Текст написан на старотатарском языке с широким использованием заимствований из арабского и персидского языков. Оба варианта фрагментарного характера, изложены поэтическим языком. На примере этих вариантов «Лейля и Маджнун» наглядным становится большое влияние на народное творчество не только литературных сюжетов, но и стилистики литературной книжной традиции. Язык текста Тубыли более близок к литературному. В поэтике текстов использованы элементы классической системы древней и средневековой поэзии – аруза. Например:

*Багдад эчендә булып мәшһүр хәбәр,
Ләйлә белән Мәҗнүннең гыйшыкы мәгәр.*

*/ По всему Багдаду пронеслась весть –
Все говорят о любви Лейли и Маджнуна / Перевод автора*

Таким образом, древняя арабская легенда приобрела своеобразное отражение в татарских дастанах. Творческие личности, письменно создавая полулитературные, полуфольклорные тексты на татарском языке на этот известный сюжет, постоянно испытывали влияние книжного языка и стиля, книжных оборотов и образов, не чураясь при этом устойчивых традиционных стилистических приемов. Национальная версия «Лейли и

¹ Ләйлә белән Мәҗнүн // Фонд научной библиотеки им. Н.Лобачевского КФУ. ОРПК: шифр Т-493, Т-497.

Маджнун» в ее многочисленных вариантах бесценна тем, что является важным вкладом в литературный процесс на этапе возникновения и становления татарских книжных дастанов.

Любовный дастан о Тахире и Зухре

«Тахир и Зухра» – один из излюбленных эпических сюжетов среди тюркских народов. Любовно-романические произведения на этот популярный сюжет в нескольких вариантах имеются у узбекского, уйгурского, балкарского народов, азербайджанцы, турки, казахи, туркмены, башкиры гордятся своими версиями дастана.

Произведение широко распространено и у татар. На сегодняшний день количество известных вариантов татарской версии превышает более десятка. Интересен тот факт, что в местах проживания татар рукописи дастанных текстов на сюжет «Тахир и Зухра» археографами обнаруживаются и сегодня, и этот факт лишний раз доказывает, что дастан в свое время был весьма популярным. Рукописи татарских вариантов дастана, посвященных Тахиру и Зухре, хранятся в архивах Казанских научных центров, в том числе в Центре письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ¹. Этот сюжет существует уже несколько веков в Поволжье и Сибири, где живут носители эпической культуры татар.

Главная особенность татарской версии дастана в том, что дастан в Поволжье сохранился в основном в рукописной форме. Справедливо-сти ради надо отметить, что отрывки из дастана (в основном они зафиксированы фольклористами как «Песнь Тахира» или же «Песнь Тахира и Зухры») среди татарского народа бытовали и в устной форме. Естественно, такие образцы устно-поэтического творчества очень важны при изучении дастана в целом. Эти краткие образцы являются примером переосмысления, перенаправления эпического стиля и сюжета в духе лирическом. Они свидетельствуют о том, что содержание сказания о Тахире и Зухре татарам Поволжья было известно с давних времен. Но в отношении полного исполнения дастана на сюжет «Тахир и Зухра» в Поволжье нет ни одного факта или источника, утверждающего обратное. Здесь этот сюжет не зафиксирован как запись от того или иного информанта в виде объемного произведения устного народного творчества. Среди татарского населения Поволжья сюжет о Тахире и Зухре существует как письменный текст в различных вариантах. В то же время у сибирских татар вариант этого же дастана записан В. Радловым полностью из уст народа, следовательно, среди сибирских татар он полностью бытовал и устно. Такая разнородность формы бытования сюжета у одного и того же народа – это и есть

¹ Таһир белән Зәһрә // Фонд ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, колл. 39, ед. хр. № 4896, 1861, 2811, 2016 и др.

обратная связь с фольклором в отношении данного сюжета. А преобладание письменного распространения дастана – результат развития книжного вида в эпическом жанре поволжских татар.

Неизвестна точная дата возникновения этого сюжета. Считается, что легенды о трагической судьбе Тахира и Зухры впервые обработаны поэтом, известным под псевдонимом Сайяди. Сведения об этой личности не сохранились. О нем можно узнать лишь по скудным информации, сохранившимся в стихотворных строчках самого дастана. Не сохранились также и собственноручно написанные рукописи самого Сайяди, текст дошел до наших дней в списках других творческих личностей, которые занимались списыванием и переписыванием дастанных текстов. Обратим внимание на вариант Сайяди с точки зрения соотношения в нем устно-поэтических и литературно-письменных традиций.

Произведение, известное под авторством Сайяди, написано на древнем общетюркском языке. Сюжетный состав произведения является традиционно-народным. Это – удивительно поэтичный, выразительный роман в стихах, посвященный искренне полюбившим друг-друга Тахиру и Зухре. Произведение разделено на главы, названия которых охватывает полную информацию о содержании данного раздела. Всего таких поэтических глав – более ста.

В первой главе автор обращается к Аллаху, дает сведения о себе, извещает читателя о том, что расскажет кыссу о славном хане Бабахан. Автор будто созывает слушателей, собирает аудиторию, меняя при этом стиль своего рассказа. Первые строчки при обращении к Аллаху, рассказе об авторе даны стихами размером 15×15:

*Сайяди мин, билгеледер, догам дэрткэ дэрмандыр,
Эчемдэ мең татлы хыял, бер балам-жанашым юк.*

*/ Я – Сайяди, известно, что мои молитвы мне дают силу, /
во мне тысяча сладких мечтаний, нет у меня любимого
дитя / Перевод автора*

А призыв послушать кыссу о Бабахане приводится уже совершенно другим размером стихосложения – 11×11:

*Ай-һай, дуслар, ишетик бер хикэйэт,
Эчендэ сүзләре бар чиксез гаять.
Бабахан дигән бер шаһ бар иде,
Аның иле-шәһәре Татар иде.*

*/ Эй, друзья, давайте послушаем хикаят, / В содержании
которого есть бесчисленное количество слов. / Был один
шах, которого звали Бабахан, / Его страна и город имели
название Татар / Перевод автора*

Такой резкий переход от одного стиля к другому не свойственен литературным поэмам, подобная структура текста скорее всего встречается в фольклоре. Обособленность в дастане отдельной части произведения как «хикайят», передача диалогов и монологов с предисловием («Тахирның хикэйәте (Хикайят Тахира)», «Ул жырлап эйте (Он (она) песню сказывал(а) и т.д.) также приближает творчество Сайяди к дастанным эпическим текстам татарского народа. Как известно, обособление определенной части сюжета под наименованием «хикайят» – элемент общетюркского эпоса. Таким образом, стиль приведения подсказывает, что дастан основывается на фольклорных традициях.

Фольклор в данном варианте дастана проявляется и в преобладании в сюжете эпических мотивов. Например, важную роль в построении сюжета играет весьма популярный в эпосе мотив бездетности. У Бабахана большое горе – нет ребенка. Преданный везирь Бабахана Бахир просит у Аллаха ребенка для своего хана. Заодно просит и для себя. В тот же день он видит вещий сон, по которому узнает, что милостивый Аллах удовлетворил его просьбу, и у хана, и у него самого в скором времени жены родят детей.

Сновидения, гадание снов – мотив, также широко распространенный в фольклоре. Можно было бы привести множество примеров из сказочного и дастанного эпоса татарского народа, где богатырское будущее героя предсказывает предвиденный сон, с помощью сновидений герой выходит на поиски невесты и т.д. Этот древний мотив в народном творчестве обычно используется с целью создания интриги вокруг событий, связанных с героем, сопровождается магическими элементами и глубоко связан с мифологией, с желанием человека получить весть из будущего.

В данном же дастане мотив о сновидениях и гаданиях снов всегда находится под строгим распоряжением Аллаха, т.е. смешан с традицией ислама; приводится не как магический элемент, а как предначертанность судьбы Всевышним и играет эмоционально-эстетическую роль в развитии сюжета. Сновидение и гадание через сны, затем беспрекословное подчинение предсказанному в снах – такое решение сюжета весьма распространено в письменных памятниках древней и средневековой общетюркской литературы. Множество примеров тому можно найти в творчестве Кул Гали, Сайф Сарай, Кутб и др.

Следовательно, сновидение и все действия героя, связанные со сновидением – общий мотив и для эпического фольклора, и для древневосточной литературы. В дастане о Тахире и Зухре этот известный мотив участвует не в чисто архаико-эпичном виде, здесь он встречается несколько видоизмененным. Это – результат усвоения книжными дастанами не только литературных сюжетов, но и литературных средств, а также пре-

ображение народного эпоса на письменно-литературный лад, включение в эпический текст литературных коллизий.

В произведении совершенна система образов. Остановимся на образе Сайяди, имя которого упоминается в нескольких местах и тем самым занимает достойное место в дастане. С одной стороны Сайяди – автор, с другой – лирический герой, приглашающий к беседе. Своим явным участием в дастане образ Сайяди играет роль передатчика дастанных событий слушающей аудитории, т.е. приобретает роль сказителя:

*Кил, и Сайад, син башла бу дастаның,
Кыш алдыннан ачылганын бакчаның.*

*/ О, Сайяд, иди и начни свой дастан,
/ Открой нишу событий, как зимой открывается
летний сад / Перевод автора*

Сайяди при каждом возможном случае выражает свое отношение к событиям, которые происходят в дастане. Такой прием служит определенной рамкой для построения сюжета дастана в варианте автора, обеспечивая устойчивость структуры произведения.

Сюжет дастана Сайяди восходит к более древнему народно-эпическому сказанию «Кузы Курпяч и Баян-сылу», широко известному в башкирском, татарском и др. народном творчестве. В некоторых эпизодах эти два дастана буквально перекликаются. Отличие вот в чем: если в устном сказании речь идет о жизни кочевых ханов, в книжном дастане Сайяди все события происходят в условиях средневекового феодального города; дастан о Кузы в основном бытует в прозаической форме, а Сайяди свое произведение представляет в поэтической форме, используя при этом эпические мотивы в переработанном письменном виде в соответствии с литературными требованиями своего времени.

Итак, дастан о Тахире и Зухре написан в духе традиционного тюркского эпоса. Произведение основывается на эпических мотивах, которые бытовали в устных народных сказаниях. Однако сюжет дастана тщательно выверен рукой творческой личности. По переработанному стилю, композиции произведения, построению сюжета, литературной интерпретации эпических мотивов следует сделать вывод, что автор хорошо знаком и с литературно-письменной традицией. Произведение имеет и фольклорные, и литературные корни. В нем гармонично сочетаются индивидуальное с традиционным. Автором-переписчиком в дастане учтены и фольклорные и литературно-письменные закономерности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В научно-популярном издании «Эпическая культура татар: дастаны» мы обращаемся к проблемам генезиса национального эпоса, выявляем общее между различными преемственно переходящими через века татарскими вариантами знаменитых дастанов, используем дастаны как источники в воссоздании истории народа. Восполнение пробела в вопросе интерпретации и исследования национального эпического наследия необходимо для актуализации знаний о дастанном наследии татар и воссоздании исторической и художественной памяти, запечатленной в текстах конкретных произведений, в единстве устной и письменной традиции. Татарские дастаны и дастанные традиции по сегодняшний день остаются актуальными не только для филологической или исторической науки, но и занимают важное место в общественной жизни, о чем свидетельствует объявление Всемирным Конгрессом татар 2023 года Годом дастанов и последующее внедрение в жизнь разнообразных мероприятий на данную тему.

Произведения, основанные на этнических традициях и подчиненные эпическим закономерностям, были распространены среди татар в виде устных сказаний и преданий с давних времен. Когда-то устно бытовавшие среди предков татар эпос-дастаны со средневековья начинают обретать письменную форму. Сюжеты о Туляке, Идегее, Чура батыре, Кахармане Катиле, Кур углы, Лейле и Маджнуне, Тахире и Зухре встречаются среди татар от Поволжья до Сибири, о чем свидетельствуют дошедшие до нас письменные источники, где зафиксированы образцы названных дастанов.

Обращаясь к истории татар, следует сказать, что начиная со второй половины XVI в. были весьма серьезные предпосылки для активизации эпического сюжета с идейно-политическим содержанием. Такое явление объясняется образом жизни татарского общества в новых социально-политических условиях. Напряженная политическая обстановка в определенный исторический период жизни татар оказала большое влияние на духовную жизнь народа. В такой среде славные дастаны «Идегей», «Чура батыр», «Кахарман Катил», «Тахир и Зухра» и др. служили, образно говоря, светом в полной темноте. Надо признать, что, начиная с 1552 г., трудно найти отрезок времени, необходимый для стабильного развития культуры татарского народа.

Удивительна судьба, например, того же самого «Идегея», который, претерпев все невзгоды вместе со своим народом, все-таки выжил. Популярность и необыкновенная востребованность историко-героического дастана с момента создания и бытования до его окончательного формирования кроется в непоколебимой идее, которая, по сути, является стержнем эпического памятника. «Идегей» и еще несколько эпос-дастанов в опреде-

ленное время играли роль маяка для нации. Используя эпический фольклор, обращаясь к общей с другими тюркскими народами теме вновь и вновь, создавая и распространяя дастаны в новых вариантах, народ утолял жажду в литературном творчестве и заряжался верой в будущее.

Сегодня фольклор не ограничивается сферой и понятием «устное творчество», но и охватывает также так называемый «полуустный, полуписьменный фольклор». Татарские дастаны, естественно, относятся к последнему разряду. Созданные либо переработанные с участием талантливой личности такие произведения составляют, можно сказать, элитную, письменно функционирующую часть наследия предков татар. Они отвечали художественно-эстетическим запросам многих поколений, ибо, будучи пронизанными духом героизма, гуманизмом, пафосом любви к родине, выражали общенародные интересы и отражали демократические по своему духу идеи и тенденции. Пройдя долгий и сложный путь развития, татарские дастаны вследствие ускоренного роста городской культуры и классической литературы, а также в связи с изменениями информационного поля и запросов татарского населения постепенно теряли свою актуальность и перестали создаваться. Но такие существенные их черты и традиционные атрибуты, как развернутый сюжет, напряженность коллизий, героизм и самоотверженность центральных героев, рождающиеся во имя справедливых целей, отдельные структурно-поэтические разработки, стиль и традиции, идущие от дастанов, отнюдь не исчезли бесследно, а воссоединились с другими эпическими жанрами и участвовали в создании поэм и романов, а также музыкальных произведений определенного жанра, востребованных новым временем.

В истории татарского фольклора варианты дастанов на известные сюжеты бытовали не только в Поволжье, в определенный критический период жизни народа они нашли свой приют и в более спокойных просторах Сибири, Астраханской области и др. регионах компактного проживания татар. Письменно-книжные дастаны татар – логическое продолжение устно исполняемого тюркского эпоса, возникшего в рамках живых эпических традиций.

Дастаны, преобразованные в последние столетия, по историко-культурной значимости в жизни народа и его творчестве занимают не менее значительное место, чем устно бытовавшие устные сказания. Главная причина живучести фольклорной памяти состоит в самих произведениях, которые были старинными и верными средствами для воплощения и передачи творческих фантазий, эмоций, а главное – общей идеи. В результате тяготения народа к эпическому творчеству, дастаны и героического, и романического характера выполняли роль большого культурного фактора в духовной жизни татар, вдохновляя нацию на лучшее. Признаем, что в особо созданных условиях потребность народа в идеях и образах, воплощенных в дастанах, была своеобразной формой самосохранения народа как этноса.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Кахарман Катил (Кахарман Катил). Рукопись XVIII в. Собрание Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, Колл. 39, Оп. 1, ед.хр. 3497.
2. Лэйлэ белән Мәжнүн (Лейла и Меджнун). Рукопись Конца XIX в. Собрание Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, Колл. 39, Оп. 1, ед.хр. 6058.
3. Таһир илә Зөһрә кыйссасы (Кыйсса Тахира и Зухры). Казань: Типо-литография Императорского университета, 1907. Страница 1 с унваном. Неизвестный художник. Фонды Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ, № Т44386.
4. Хикаят Кур углы Солтан (Хикяят Солтана сына Кура). Казань: Центральная типография, 1913. Страница с унваном. Неизвестный художник. Фонды Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ, № Т1513.
5. Таһир илә Зөһрә кыйссаи (Кыйсса Тахира и Зухры). Казань: Типография Торгового дома «Братья Каримовы», 1908. Обложка. Неизвестный художник. Фонды Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ, № Т0126631.
6. Кахарман Катил (Кахарман Катил). Казань: Типография Торгового дома «Братья Каримовы», 1918. Обложка. Неизвестный художник. Фонды Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ, № Т1508.
7. Лэйлэ вә Мәжнун хикяэсе (Хикая Лейлы и Меджнуна). Казань: Типография «Маариф» М.-А. Мустафина, 1917. Иллюстрации на с. 10, 35, 46. Художник: Быков Федор Семенович (1885–1966). Фонды Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ, № Т1453.
8. Нәкый Исәнбәт. Идегәй. 5 пәрдәлек трагедия. (Идегәй) дастаны буенча язылды). (Наки Исанбет. Идегей. Трагедия в 5 частях. (Написано по дастану «Идегей»)). Казань: Татгосиздат, 1941. Обложка и фронтиспис. Неизвестный художник. Фонды Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ, № Т91386.
9. Идегей (по мотивам эпоса «Идегей»). Казань: Книжный Дом, 1994. Иллюстрации на с. 12, 13. Художник: С. Елисеев. Фонды Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ, № 659431.
10. Альменов Байназар Мустафьевич (1909–1976). 4 иллюстрации к татарскому народному эпосу «Идегей». 1941–1942. Бумага, соус, тушь, кисть, белила. 40,2×34; 41,8×34,3; 54,5×41,8; 54×42. Собрание семьи художника. Впервые опубликованы в книге: Идегей. Татарский народный эпос = Идегәй. Татар халык дастаны. Казань: Татарское книжное издательство, 2006.
11. Фахрутдинова Надия Наилевна (1961 г.р.). Эскиз обложки и 3 иллюстрации к книге «Кахарман Катил». 1996. Бумага, тушь, перо, акварель, белила. 16,5×24; бумага, тушь, перо. 16,5×27. Собственность автора.

- Опубликованы без указания имени художника в книге: «Кахарман Катил» дастаны. М. Әхмәтҗанов эшкәртүендә. (Кахарман Катил. Дастан. В переложении М. Ахметзянова). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1998.
12. Чура батыр. Татар халык дастаны. (Чура батыр. Татарский народный дастан). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1993. Обложка и иллюстрация на с. 31. Художник: Булатов Виталий Егорович (1947 г.р.).
  13. Шамсутдинов Рушан Галяфович (1946 г.р.). Иллюстрация к эпосу «Чура батыр». 2000. Бумага, темпера. 33×49. Собственность автора. Воспроизводится по книге: Шамсутдинов Р.Г. В мире истории. Графика. Живопись. Прикладное искусство. Казань: Татарское книжное издательство, 2002. С. 66.
  - 14–20. Сперанский Петр Тихонович (1890–1964).
  14. У озера Асыл-куль. Эскиз декорации к опере Н. Жиганова «Туляк» («Түләк»). 1945. Бумага цветная, акварель, темпера, золотая краска. 46×58,5. Частное собрание.
  15. Эскиз декорации к опере Н. Жиганова «Туляк» («Түләк»). 1945. Бумага, гуашь, темпера. 79×49. Собрание Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан, инв. № Г-1675
  16. Эскиз костюма Тюляка к опере Н. Жиганова «Туляк» («Түләк»). 1945. Бумага, карандаш, акварель, серебряная краска. 44×32. Частное собрание.
  17. Эскиз костюма Аембике к опере Н. Жиганова «Туляк» («Түләк»). 1945. Бумага, карандаш, акварель, серебряная краска. 44×32. Частное собрание.
  18. Эскиз костюма Булгарского хана к опере Н. Жиганова «Туляк» («Түләк»). 1945. Бумага, карандаш, акварель, белила, серебряная краска. 41,5×29,5. Частное собрание.
  19. Эскиз костюма Сартлана к опере Н. Жиганова «Туляк» («Түләк»). 1945. Бумага, карандаш, акварель, гуашь, серебряная краска. 42,4×30. Частное собрание.
- №№ 14, 16, 17, 18, 19 воспроизводятся по книге: П.Т. Сперанский, Л.Л. Сперанская. От эскиза к спектаклю авт.-сост. Л.Н. Донина. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. С. 166, 167, 170.
20. Эскиз декорации к опере Н. Жиганова «Туляк» («Түләк»). 1945. Бумага, гуашь, акварель, графитный карандаш. 43,5×60,5. Собрание Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан, инв. № Р-4135.
  21. Тумашев Анас Ибрагимович (1924–2010). Летний тронный зал. Эскиз декорации к спектаклю по пьесе Ф. Бурнаша «Тахир и Зухра». 1957–1959. Бумага, гуашь. 55×79. Собрание Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан, инв. № Р-2908.
  - 22–25. Хазиев Мадияр Шарипович (1949 г.р.)
  22. Зухра. Левая часть триптиха «Тахир-Зухра». 2010. Холст, масло. 100×70. Собрание Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан, инв. № Ж-5651.

23. Тахир. Правая часть триптиха «Тахир-Зухра». 2010. Холст, масло. 100×70. Собрание Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан, инв. № Ж-5650.
24. Тагар иле. Центральная часть триптиха «Тахир-Зухра». 2010. Холст, масло. 100×70. Собрание Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан, инв. № Ж-5652.
25. Саяхов Рабис Магалимович (1958 г.р.). Диптих «Тахир и Зухра». 2013. Холст, масло. 90×90; 90×90. Собрание Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, инв. № ЕГМЗ КП-13052/1-2.
26. Замитов Кадим Залилович (1946 г.р.). Тахир и Зухра. 1990-е. Шамот, фольга. 27,5×6,1×5,6. Собрание Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», инв. № С-17.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
I. ДАСТАНЫ – ХРАНИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ НАРОДА	6
Татарский дастан и его главная особенность.	6
От Поволжья до Сибири...	12
Сказитель дастанов или образ переписчика эпоса-дастана?	16
Как найти границу между книжной и устной традицией в эпосе?	19
Место рукописных дастанов в татарском эпическом наследии. . . .	27
Исторические пути формирования татарского эпоса	31
II. ДАСТАНЫ В ПИСЬМЕННОЙ ЭПИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ТАТАР: ВАРИАНТЫ, ПОЭТИКА, ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЛАСТЫ	42
Еще раз о главном эпосе татар «Идегей».	42
Прототип Чура батыра – кто он?	50
Татарские варианты «Туляк китабы» – дастана о Туляке и Сусылу	68
Татарские варианты авантюрного дастана «Кур углы»	76
Героико-религиозный эпос «Кахарман Катил».	83
Романтический сюжет о Лейле и Маджнуне	103
Любовный дастан о Тахире и Зухре	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	114
Список иллюстраций.	116

Научно-популярное издание

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ ТАТАРСКОГО НАРОДА

Мухаметзянова Лилия Хатиповна

ЭПИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР

Дастаны

На обложке: Саяхов Р.М. Правая часть триптиха «Трансформация». 2011. Холст, темпера. 60×60. Собрание Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Редактор *Д. Р. Галиуллина*

Компьютерная верстка *Д. Р. Галиуллиной, Н. Т. Абдуллиной*

Дизайн обложки *А. В. Булатова*

Подписано в печать 29.09.2023.

Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура «Таймс».

Усл.-печ. л. 7. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 1000 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в Институте языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20